
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
В МГИМО
ЖУРНАЛ
№ 1 (21) 2020

Издательство
«МГИМО-Университет»
2020

Редакционная коллегия:

Главный редактор, Председатель редакционной коллегии – Иовенко Валерий Алексеевич,
д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Зам. главного редактора – отв. секретарь – Ивушкина Татьяна Александровна,
д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Зам. главного редактора – Евтеев Сергей Валентинович,
канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Smirnova Ludmila – PhD, prof. (Mount Saint Mary College, New York, USA);

Алексахин Алексей Николаевич – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Балдицын Павел Вячеславович – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова);

Гладкова Елена Львовна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Голубкова Екатерина Евгеньевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГЛУ);

Гуревич Татьяна Михайловна – д-р культурологии, к.филол.н., профессор (Россия, Москва, МГИМО);

Иванов Николай Викторович – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Кизима Марина Прокофьевна – д-р филол.н., проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Лосева Наталья Владимировна – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Набати Шахрам Сирус – к.филол.н., доцент (Исламская республика Иран, Решт, Гилянский университет);

Позднякова Елена Михайловна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Пономаренко Евгения Витальевна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Репенкова Мария Михайловна – д-р филол.н., доцент (Россия, Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова);

Храмченко Дмитрий Сергеевич – д-р филол.н., доцент, проф. (Россия, Москва, МГИМО).

Чеснокова Ольга Станиславовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, РУДН);

Штанов Андрей Владимирович – канд. филол. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО);

Шубина Эльвира Леонидовна – д-р филол. наук, проф. (Россия, Москва, МГИМО);

Ястребова Елена Борисовна – канд. пед. наук, доцент (Россия, Москва, МГИМО).

Филологические науки в МГИМО: Журнал. № 1 (21) 2020 / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2020. – 130 с.

В журнале публикуются статьи российских и зарубежных ученых, педагогов, аспирантов и магистрантов. Выходит ежеквартально.

Рубрики: лингвистика и межкультурная коммуникация; переводоведение; инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков; литературоведение и лингвокультурология.

В журнал принимаются статьи на 10 языках: русском, английском, немецком, французском, испанском, итальянском, китайском, японском, арабском, хинди.

Журнал включен в Перечень ВАК (с 6 июня 2017 г.) по специальностям «10.01.00 Литературоведение», «10.02.00. Языкознание»; EBSCO, РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС 77-66596 от 21 июля 2016 г.

ISSN 2410-2423

© Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России, 2020

© Коллектив авторов, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Кашенкова И.С., Кашенков Р.Ю.

Специфика современной политической коммуникации в Германии: борьба за лексику. 5

Комарова Е.В.

Репрезентация образа мигранта в современных медиа (на примере медиатекстов Великобритании) ... 12

Ларина О.В.

Классификация имплицитных средств темпоральной локализации действия в будущем. 21

Левковская Н.А.

О диалогичности политического дискурса 28

Романов А.С., Лупанова Е.В.

Дихотомические диады фразеологических единиц как средство выражения ключевых ценностей армейской субкультуры. 34

Чернышева Л.Н.

Амхарская лексикография: ретроспектива и современное состояние 41

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Гренадерова О.Л.

Структура и стилистика дипломатического документа в переводе (на примере личных нот поздравительной тематики с португальского языка на русский) 52

Матюшенко Н.Л., Коржукова Е.С.

Создание экспрессии в экономическом дискурсе испанской публицистики 59

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Кравцова О.А.

Грамматика в современном учебнике иностранного языка для вуза 69

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Варфоломеева Ю.Н.

Стилистическая парадигма текста типа «описание» 79

Гусева И.В.

Репрезентация лингвокультурного концепта «хлеб» во фразеологии русского языка и пиренейского и мексиканского вариантов испанского языка 88

Гулиева И.Р.

Типологическая характеристика и классификация односоставных номинативных предложений. 99

Заруцкий П.С.

Контр-коммуникативные практики в творчестве Михаила Митраса. 106

Петрова Г.В.

Бразилия: от монолингвизма к многоязычию 114

Шевцов Н.В.

Подвиги и страдания протопопы Аввакума. К 400-летию великого автора «Жития» 121

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

I.S. Kashenkova, R.Y. Kashenkov	
SPECIFICITY OF MODERN POLITICAL COMMUNICATION IN GERMANY: FIGHT FOR LEXICON	5
E.V. Komarova	
REPRESENTATION OF MIGRANTS IN MODERN MEDIA (GREAT BRITAIN MEDIA TEXTS EXAMPLE)	12
O.V. Larina	
CLASSIFICATION OF IMPLICIT MEANS OF DENOTING A FUTURE ACTION	21
N.A. Levkovskaya	
DIOLOGICAL ASPECT OF POLITICAL DISCOURSE	28
A.S. Romanov, Ye.V. Lupanova	
DICHOTOMOUS DYADS OF PHRASEOLOGICAL UNITS AS A MEANS TO EXTEND KEY VALUES OF THE MILITARY SUBCULTURE	34
L.N. Chernysheva	
AMHARIC LEXICOGRAPHY: RETROSPECTIVE AND CURRENT STATUS	41

TRANSLATION SCIENCE

O.L. Grenaderova	
STRUCTURAL AND STYLISTIC FEATURES OF THE DIPLOMATIC DOCUMENT IN TRANSLATION FROM PORTUGUESE INTO RUSSIAN (ON THE MATERIAL OF PERSONAL GREETING NOTES)	52
N.L. Matiushenko, E.S. Korzhukova	
CREATING EXPRESSION IN THE ECONOMIC DISCOURSE OF SPANISH PUBLICISM	59

INNOVATIVE METHODS AND COMPETENCE APPROACH IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

O.A. Kravtsova	
GRAMMAR IN A MODERN TERTIARY LEVEL FOREIGN LANGUAGE COURSEBOOK	69

LITERATURE AND LINGUOCULTUROLOGY

Yu.N. Varfolomeeva	
STYLISTIC PARADIGM OF «DESCRIPTION» TYPE TEXT	79
I. Guseva	
REPRESENTATION OF THE LINGUOCULTURAL CONCEPT “BREAD” IN THE PHRASEOLOGY OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND THE PIRENEAN AND MEXICAN SPANISH	88
I.R. Guliyeva	
TYPOLOGICAL CHARACTERISTIC AND CLASSIFICATION OF MONONUCLEAR NOMINATIVE SENTENCES	99
P.S. Zarutskiy	
COUNTER-COMMUNICATIVE PRACTICES IN THE WORKS OF MICHAEL MITRAS	106
G.V. Petrova	
BRAZIL: FROM MULTILINGUALISM TO MONOLINGUALISM	114
N. Shevtsov	
FEATS AND STRUGGLES OF ARCHPRIEST AVVAKUM. 400TH ANNIVERSARY OF THE GREAT AUTHOR OF «ZHITIYE» («LIFE»), THE FIRST RUSSIAN AUTOBIOGRAPHY	121

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В ГЕРМАНИИ: БОРЬБА ЗА ЛЕКСИКУ

И.С. Кашенкова, Р.Ю. Кашенков

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

*В статье освещаются некоторые аспекты современной политической коммуникации в Германии. Различные лингвистические и экстралингвистические факторы определяют актуальность проблематики. Основная цель статьи – взглянуть на сферу «язык и политика» с точки зрения их взаимосвязи, продемонстрировать силу влияния языка политики на общественное мнение и на политическую ситуацию в стране. С этой целью в статье в рамках терминов политолингвистики даётся описание языка политики, предлагается классификация политического вокабуляра, характеризуются слова-символы, типа **Freiheit, Sicherheit, Demokratie, Terrorismus** как разумный способ выражения и дифференциации между словами и политическим содержанием. Отмечается, что политическая коммуникация как идеологический дискурс нацелена на борьбу за власть, в то время как основной задачей языка политики является борьба за лексику, которая в конечном счёте есть борьба за избирателя. Желание влиять на политические предпочтения избирателей в условиях обострения миграционного кризиса в Германии диктует необходимость осознанно выбирать слова: чтобы повысить значимость своей позиции в общественном мнении или мобилизовать собственных сторонников, используются положительные слова-знамёна, типа **Frieden, Gerechtigkeit, Sicherheit**. Чтобы понизить значимость позиции противника или вербально напасть на своего политического оппонента, используются отрицательные слова-ярлыки, типа **Terrorist, Islamist, Extremismus**. На примере актуальных понятий миграционного дискурса **Willkommenskultur, Leitkultur, Abschiedskultur** в статье исследуются стратегии и тактики, посредством которых в политической коммуникации осуществляется борьба за лексику. Делается вывод о корреляции языка и политики.*

Ключевые слова: язык политики, политический вокабуляр, слова-символы, слова-знамёна, слова-ярлыки, понятие, борьба за лексику, стратегии.

Многочисленные труды в области взаимосвязи языка и политики, анализ и критика политического языка, а также становление и оформление нового направления лингвистической прагматики, а именно политолингвистики, позволяют исследовать язык как важнейшее средство коммуникации в политическом контексте. Несомненно, язык в политике играет особую роль. Наряду с сообщением определённой общественно-политической информации он не только отображает объективную

реальность, но, собственно, и формирует эту реальность, выступая как инструмент создания положительного/отрицательного отношения к политическим процессам и общественным явлениям, а также как инструмент формирования положительного/отрицательного образа говорящего или его политических оппонентов, и тем самым определяет конкретные политические действия в повседневной жизни.

Однако нужно отметить, что в силу его специфики дать однозначное определение языку

политики не представляется возможным. Тем не менее для обозначения языка, используемого в политической коммуникации различными российскими и зарубежными авторами, часто применяются синонимичные понятия. Так, О.И. Воробьёва определяет политический язык как «своеобразный языковой код <...>, основой которого следует считать политическую лексику, которая занимает особое место в словарном составе языка» [1, с.10]. Один из наиболее влиятельных немецких исследователей в области языка и политики Вальтер Дикманн, обращая внимание скорее на содержательную, чем на терминологическую сторону языка политики, понимает под ним «специальный политический вокабуляр» [3, с. 47]. Он, однако, подчёркивает, что определение именно политического вокабуляра может на практике оказаться сложным делом, поскольку политика, с его точки зрения, является «не типичной сферой деятельности, а комплексом действий и функций» [3, с. 48].

В сущности, само по себе слово не обладает самостоятельным весом, но приобретает значимость посредством его активного употребления, благодаря говорящему и через смысл, который возникает в связи с его употреблением в определённом контексте. Ведь в политической коммуникации используются не только политические термины, но и слова с различной степенью выраженности политического значения из других сфер употребления языка. Таким образом, любое слово и любая тема в ситуациях политического общения становятся политически окрашенными, а язык политики означает использование языка в политическом контексте. Тот факт, что в политической коммуникации обсуждаются практически любые темы человеческой жизнедеятельности: от запрета абортотворения (*Abtreibungsverbot*) или искусственного оплодотворения (*künstliche Befruchtung*) до отказа от использования ядерной энергии (*Atomausstieg*) или защиты окружающей среды (*Umweltschutz*) способствует тому, что в языке политики скорость обогащения и изменения вокабуляра, в том числе и за счёт профессиональных понятий из других областей деятельности, значительно выше, чем в других подъязыках. По замечанию О.И. Воробьёвой «именно политическая лексика наиболее подвержена семантическим изменениям» [1, с. 11].

Основываясь на классификации, предложенной В. Дикманном, в политическом вокабуляре можно выделить:

1) Институциональный вокабуляр (*Institutionalvokabular*), состоящий из наименований отдельных институтов и должностей (*Bundestag, Minister, Bundeskanzler*), организаций и их подразделений (*Fraktion, Partei, Parteivorstand*), задач, которые они выполняют (*Verfassungsschutz, Entwicklungshilfe, Finanzpolitik*), а также процессов, в которых они функционируют (*Wortmeldung, Abstimmung, Tagesordnung*);

2) Ведомственный вокабуляр (*Fachsprache des verwalteten Sachgebietes*), к которому относятся присущие профессиональному языку должностных лиц/экспертов в сфере политического администрирования языковые формы (*Steuerbelastung, Wirtschaftspartner, Kulturpropaganda, Konjunktur*);

3) Идеологический вокабуляр (*Ideologivokabular*), к которому можно отнести слова, обладающие определённым оценочным значением по отношению к миру и социуму (*Klassenkampf, Nation, Gemeinschaft, Familie*), политическим группам (*Demokratie, Opposition*), основополагающим ценностям и практическим установкам (*Pressefreiheit, Gerechtigkeit, Rechtsstaatlichkeit, Pluralismus*). Поскольку основной функцией сферы политики является борьба за власть, идеологическая составляющая политической коммуникации выражена достаточно ярко. Неудивительно, что многими исследователями именно идеологический вокабуляр воспринимается как истинно политический язык.

В терминах политолингвистики ядро идеологического вокабуляра составляют так называемые слова-символы, то есть слова, чьи основные семантические компоненты давно закреплёны в общественном сознании и чьей задачей является концентрированное представление сложной реальности: *Freiheit, Sicherheit, Menschenrechte, Staat, Demokratie, Terrorismus*. Слова-символы в политической коммуникации являются способом ведения дискуссии и инструментом социального контроля, так как, по мнению немецкого лингвиста Хайко Гирнта, «твёрдо вплетены в идеологическую систему определённого общества» [4, с. 52]. Различают слова-символы с положительной коннотацией и слова-символы с отрицательной коннотацией, так называемые *Miranda-Wörter* и *Anti-Miranda-Wörter* (по терминологии Х. Гирнта). Первые затрагивают желательные положительные ценности, производят благоприятное впечатление, пробуждают восхищение и призваны укрепить чувство сплочённости в обществе, лояльность по отношению

к государству и определённой группе людей: *Frieden, Freiheit, Gerechtigkeit, Sicherheit*. Вторые выражают презренные, нежелательные явления, которые необходимо побороть: *Krieg, Diktatur, Aggression, Ungerechtigkeit*. Умело используя слова-символы из первой или второй группы, политики закрепляют свои идеи в общественном сознании и проводят необходимые им политические решения.

В свете идеологической интерпретации слова-символы можно классифицировать на слова-знамёна (*Fahnenwörter*) и слова-ярлыки (*Stigmawörter*) (по терминологии Фритца Херманнса). Задача первых заключается в восхвалении собственной политической программы и превозношении собственных политических идей. Будучи «штандартом» в руках политических союзников, слова-знамёна одновременно раздражают и даже провоцируют политических противников, «действуют на оппозицию как красная тряпка на быка» [5, с. 102]. К характерным примерам слов-знамён в политическом языке Германии можно отнести *soziale Gerechtigkeit* (*Fahne der Weimarer Republik*), *Volk und Reich* (*Fahne von NS-Deutschland*), *demokratischer Sozialismus* (*Fahne der SPD*), *soziale Marktwirtschaft* (*Fahne der CDU*). Противоположную задачу выполняют слова-ярлыки: с их помощью дискредитируют политических оппонентов, уничижительно или гневно осуждая идеи и высказывания оппозиционных политиков, вызывают недоверие к идеологически чуждым политическим структурам. Суть слова-ярлыка заключается, по мнению О.И. Воробьёвой, «в его обвинительной направленности: оно используется не столько для характеристики объекта и отнесения объекта к определённому классу, сколько для обвинения в опасных для общества свойствах» [1, с. 131]. Наглядным примером слов-ярлыков могут считаться *Terrorist, Islamist, Diktator, Extremismus, Hetze, Lügenpresse*. Интересно, что некоторые слова-символы отличаются идеологической полисемией (*ideologische Polysemie*) (по терминологии В. Дикманна). Слова-знамёна и слова-ярлыки в различных идеологических системах, в зависимости от отношения ведущих политических сил к определённым реалиям, могут менять свою коннотацию и приобретать противоположное значение. Классическими примерами такой идеологической полисемии могут служить слова, в которые различными идеологиями вкладываются взаимоисключающие значения: *Sozialismus, Demokratie, Republik, System*.

Словам-символам в политической коммуникации Германии придаётся большое значение, ведь они, отображая некоторую мировоззренческую позицию определённых политических сил, не только дают возможность информировать об их идеях и намерениях, но и, создавая определённую систему мировосприятия, помогают переинтерпретировать определённые смыслы и формировать общественное мнение.

Образно выражаясь, можно утверждать: если политическая коммуникация в целом сводится к борьбе за власть, то язык политики нацелен на борьбу (словами) за слова. Прибегая к идеологически мотивированному выбору слов, открыто и часто сознательно провоцируя своих оппонентов, поливая грязью слова-знамёна своих конкурентов, навязывая определённые смыслы и пытаясь повлиять на политические предпочтения общества, политические противники ведут борьбу за слова-символы как борьбу за значение тех или иных понятий и, в конечном счёте, за избирателей. В борьбе за лексику, как и в любой другой борьбе, используются определённые стратегии, которые можно разделить на три группы:

- 1) назвать понятие (*Begriffe benennen*);
- 2) завладеть понятием (*Begriffe besetzen*);
- 3) приукрасить понятие (*Begriffe beschönigen*).

Рассмотрим эти стратегии более подробно и проиллюстрируем их на актуальных примерах миграционного дискурса.

- 1) *Begriffe benennen*

С точки зрения общественного воздействия употребления языка политики умение «правильно» называть вещи и давать жизнь определённым понятиям, а вместе с ними и определённым настроениям, чрезвычайно важно. Тот, кто в соответствии со своей точкой зрения интерпретирует понятия определённым образом, кто, имея в своём распоряжении *Miranda-* или *Anti-Miranda-Wörter*, эксплуатирует положительные/отрицательные коннотации слов, тот доносит свои аргументы ярче всех, создаёт новую реальность, даёт надежду или разрушает иллюзии и, следовательно, добивается своего. Тактически данная стратегия проявляется в создании неологизмов, речевых новообразований, которые благодаря своей необычности или яркому новому значению дают пищу для размышлений и способствуют новым положительным/отрицательным ассоциативным рядам. Так, в первой половине 2000-х гг. миграционную политику Германии

продолжало определять желание преодолеть тяжёлое наследие нацистского прошлого, «искупить вину» и создать социальную противоположность Третьему рейху – мультикультурное пространство. Германия открыла свои границы для беженцев из Северной Африки и Ближнего Востока, формируя основанную на принципе толерантности либеральную миграционную политику. Чтобы продвигать правительственную позицию и пробудить у населения особую чувствительность к бедственному положению беженцев, было создано понятие «культуры гостеприимства» (*Willkommenskultur*). Данный неологизм представляет из себя композит, созданный из двух существительных: *der Willkomm* (тёплый приём, приветствие гостю) и *die Kultur* (культура). Это понятие определяло желаемую государством и его органами власти (правительственной коалицией, состоящей из блока Христианско-демократического союза/Христианско-социального союза (ХДС/ХСС) и социал-демократической партии Германии (СДПГ)) практику приёма беженцев. Благодаря положительным ассоциациям *Miranda-Wörter* и активному употреблению этого неологизма в сочетании с прилагательными «новая», «настоящая», а также с глаголами «не хватать», «развить», «нуждаться», в общественном сознании укоренялась необходимость помощи бедствующим людям и создавалось позитивное отношение коренного населения Германии к беженцам: «*In Berlin wollen wir <...> eine neue Willkommenskultur entwickeln. Wir wollen <...> eine Einbürgerungskampagne starten*» (Rede im Abgeordnetenhaus Berlin am 11.11. 2004), «*Es ist in unserem ureigensten Interesse <...> als Einwanderungsland Deutschland eine Willkommenskultur <...> gegenüber den Einwanderern an den Tag zu legen*» (Rede im Landtag Nordrhein-Westfalen am 08.10.2009). Со временем данное понятие так прочно закрепилось в языке, что даже вошло в первый словарь неологизмов немецкого языка после 1990 года (www.idsmannheim.de) и в 24-ое издание словаря Duden (*Zeit Online*, 07.08.2017).

2) *Begriffe besetzen*

Как было указано выше, одно и то же слово может вызывать в сознании разные ассоциации, в зависимости от вкладываемого в него смысла. Присвоить слово-знамя политического противника, наполнив его другими (своими) смыслами или дискредитировать слово-знамя, лишив его положительного значения и превратив его в слово-ярлык – вот что значит завладеть по-

нятием. Так, когда миграция в Германию стала приобретать всё более хаотичный характер, когда принцип мультикультурализма стал давать сбой, в политической коммуникации всё чаще стал мелькать термин «ведущая культура» (*Leitkultur*). Впервые это понятие упомянул ещё в 1998 году немецкий политолог сирийского происхождения Бассам Тиби в книге «Европа без идентичности? Кризис мультикультурного общества», чтобы описать базирующийся на европейских демократических ценностях общественный консенсус, который должен служить связующим звеном между коренным населением Европы и мигрантами: «Если немцы хотят интегрировать мигрантов в своё культурное пространство, они должны определить ведущую культуру: составляющей любой идентичности является ведущая культура! <...> Без ведущей культуры невозможно мирное сосуществование» [6, с. 189]. В политической коммуникации Германии это понятие впоследствии было политически инструментализировано и стало предметом ожесточённых дискуссий. Первые сложности появились в начале 2000-х гг., после принятого правительством закона о либерализации гражданства, и заставили представителей консервативных христианских партий (ХДС/ХСС) обратиться к понятию *Leitkultur* и потребовать, чтобы миграционная политика проводилась в первую очередь не в интересах мигрантов, но в интересах коренного населения Германии с учётом существования в стране свободно-демократической немецкой ведущей культуры: «*Zuwanderer, die auf Dauer hier leben wollen, müssten sich einer freiheitlichen deutschen Leitkultur anpassen*» (Friedrich Merz, Vorsitzender der Bundestagsfraktion der CDU/CSU am 16.10.2000). Понятие «ведущая немецкая культура» спровоцировало жёсткую критику со стороны политических противников христианских демократов: представители СДПГ (*SPD*), Свободной демократической партии Германии (*FDP*), партии Зелёных (*Die Grünen*) и Левых (*Die Linke*) упрекали их в использовании опасной «националистической лексики», дискриминирующей «этнической эксклюзивности» и провозглашении превосходства своей культуры по отношению к другим. Пробудив в общественном сознании негативные ассоциации с нацистским лексиконом, оппоненты христианских демократов смогли вызвать общественное неприятие данного понятия и превратить его в слово-ярлык. По версии одного из ведущих немецких издательств PONS оно даже

было объявлено антисловом года (*Tagesspiegel.de*, 15.11.2000) и какое-то время в политической коммуникации почти не употреблялось. Вновь склонить общественное мнение на сторону христианских демократов заставили развитие миграционного кризиса и первая волна терактов с участием немецких мусульман иностранного происхождения. Христианские демократы смогли вернуть положительное значение понятия *deutsche Leitkultur* как «обязательной рамочной культуры», способствующей формированию чувства принадлежности к единому государству и сохраняющей традиционные ценности европейской культуры эпохи Просвещения и «христианские корни немецкой культурной идентичности» [2, с. 254]: «*Wer das christliche Menschenbild nicht akzeptiert, der ist bei uns fehl am Platze*» (*Bundeskanzlerin Angela Merkel, Spiegel.de*, 15.10.2010). Ситуацией вокруг спорного понятия воспользовались немецкие националисты и правые радикалы. На фоне страхов и истерии, вызванных всплеском нелегальной миграции второй половины 2000-х гг. и участившимися нападениями на немцев со стороны мигрантов, они стали требовать принудительной адаптации мигрантов к немецкой ведущей культуре и немецким ценностям в качестве гарантии защиты от засилья иностранцев, исламистского террора и посягательств на немецкую идентичность. В 2016 году партия Альтернатива для Германии (*AfD*) также использовала в качестве слова-знамени понятие *deutsche Leitkultur* в своей программе, сведя это понятие до «немецкости» и понимая под ним единственную альтернативу «угрозе распада немецкой идентичности и уничтожения Родины, <...> залог сохранения социального мира и нации как культурной единицы» (www.afd-thl.de).

3) *Begriffe beschönigen*

Часто маскировать истинные мотивы, смягчать грубую или негативную нагрузку на слова помогает замена считающихся неуместными, табуированными или неприличными выражений политкорректными высказываниями. Тактически приукрасить действительность с целью создания нужных образов можно благодаря использованию метафор или эвфемизмов. Их сила заключается в том, что благодаря скрытому за более красивой формой смыслу и нейтральной нагрузке они обладают эмоциональной притягательностью и проникают в общественное со-

знание, которое следует за предложенной идеологической моделью. Так, например, выступая в Бундестаге за оперативное насильственное выдворение мигрантов, не получивших разрешения на пребывание в Германии, депутат ХДС Армин Шустер заявил: «Нам теперь нужна культура прощания» (*Abschiedskultur*) (*zeit.de*, 26-07-2016). С одной стороны – это намёк на провозглашённую канцлером политику тёплого приёма беженцев, не оправдавшую себя (*Willkommenskultur*). С другой стороны – это отсылка к существующей в Германии культуре прощания с неизлечимо больными людьми, служащей практическим руководством обращения с умирающими. Употребив это понятие из области медицины и здоровья в несвойственной ему плоскости, он вывел понятный для всех образ и позволил этому образу в человеческом сознании разграничить людей на больных и здоровых: беженцы – это больные, не способные выражать свои чувства люди, требующие скорейшей изоляции. Так называемая культура прощания – это новый концепт безопасности «здоровых» людей, который может успешно защитить от постоянных нападений извне (но не вирусов, а беженцев). Для защиты здоровья принято полагаться на мнение профессионалов, в данном случае на мнение не врачей и психологов, но политиков. А они, прокламируя *Abschiedskultur*, перетягивают внимание на то, что «прощание» с почти 200 000 человек – это вполне миролюбивая и вполне преодолимая задача, а не принудительное выдворение или режущая слух «депортация» (*die Abschiebung, die Vertreibung*).

Общая суть всех стратегий борьбы за лексику очевидна: необходимо повысить значимость своей позиции в общественном мнении и одновременно понизить значимость позиции противника. Ответственно и осознанно выбирая слова, маскируя истинные мотивы говорящего, используя межличностные чувства и направляя человеческие порывы, язык политики отравляет общественный образ мыслей. Однажды сказанное слово становится впоследствии образцом для подражания и разгадкой политических убеждений и поступков политически мыслящего и политически действующего. Ведь язык как способ мышления – это одновременно и инструмент политики, и условие её существования.

Список литературы

1. Воробьева О. И. Политическая лингвистика: Политический язык как сфера социальной коммуникации. М.: Изд-во Икар, 2011. 295 с.
2. Пинюгина Е.В. Проблема иммиграции и концепция «ведущей культуры» в немецкой политике // Россия и мир: анатомия современных процессов. М.: Международные отношения, 2014. С. 246 -273.
3. Dieckmann W. Deutsch: politisch – politische Sprache im Gefüge des Deutschen // Sprache und Politik. Duden Band 6. – Mannheim: Dudenverlag, 2005. S. 11–30.
4. Girth H. Sprache und Sprachverwendung in der Politik. Eine Einführung in die linguistische Analyse öffentlich-politischer Kommunikation. Tübingen: Niemeyer Verlag, 2002. S. 127.
5. Hermanns F. Slogans und Schlagwörter // Sprachliche Kürze. Konzeptuelle, strukturelle und pragmatische Aspekte. Berlin: Walter de Gruyter, 2007. S. 459-478.
6. Tibi B. Europa ohne Identität? Die Krise der multikulturellen Gesellschaft. // Leitkultur oder Werte-Beliebigkeit. München: Bertelsmann Verlag, 1998. 154 S.

Сведения об авторах:

Кашенкова Ирина Соломоновна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкого языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: методика преподавания немецкого языка, межкультурная коммуникация, политический дискурс, общественно-политический перевод.
E-mail: ikashenkova@yandex.ru.

Кашенков Роман Юрьевич – студент 4 курса факультета МЖ, МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: журналистика, история, международное право, PR и реклама, маркетинг.
E-mail: kashenkov.roma@yandex.ru.

SPECIFICITY OF MODERN POLITICAL COMMUNICATION IN GERMANY: FIGHT FOR LEXICON

Irina S. Kashenkova, R.Y. Kashenkov

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article highlights some aspects of modern political communication in Germany. Various linguistic and extralinguistic factors determine the relevance of the problem. The main purpose of the article is to look at the sphere of “language and politics” from the point of view of their interrelation, to demonstrate the power of the language of politics on public opinion and on the political situation in the country. To this end, the article describes the language of politics within the terms of political linguistics, offers a classification of political vocabulary, and characterizes the word-symbols, such as **Liberty, Safety, Democracy, Terrorism** as a reasonable way of expression and differentiation between words and political content. It is noted, that political communication as an ideological discourse is aimed at the fight for power, while the main task of the language of politics is the fight for vocabulary, which ultimately is the fight for the voter. The desire to influence the political preferences of voters in conditions of aggravation of the migration crisis in Germany dictates the need to consciously choose the words: to increase the importance of their position in public opinion or to mobilize their own supporters, use positive words-banners, such as **Peace, Fairness and Safety**. To reduce the importance of the position of the enemy or verbally attack his political opponent, use negative words-labels, such as **Terrorist, Islamist and Extremism**. On the example of actual concepts of migration discourse **welcome culture, leading culture, farewell culture** the article examines the strategies and tactics through which political communication is a struggle for vocabulary, thus showing the correlation of language and policy.*

Key Words: *language of politics, political vocabulary, words-symbols, words-banners, words-stigma, term, fight for vocabulary, strategies.*

References

1. Vorobiova O. I. Politicheskaya lingvistika: Politicheskii iazyk kak sfera socialnoi kommunikatsii [Political linguistics: Political language as a sphere of social communication]. M.: Ikar, 2011, 295 p.
2. Piniugina E.V. Problema immigratsii i konceptsiya «vedushchei kultury» v nemetskoj politike [The problem of immigration and the concept of “leading culture” in German politics] // Rossiya i mir: anatomiya sovremennykh protsessov [Russia and the world: anatomy of modern processes]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2014, pp. 246 -273
3. Dieckmann W. Deutsch: politisch – politische Sprache im Gefüge des Deutschen // Sprache und Politik. Duden Band 6. – Mannheim: Dudenverlag, 2005, S. 11–30
4. Girnth H. Sprache und Sprachverwendung in der Politik. Eine Einführung in die linguistische Analyse öffentlich-politischer Kommunikation. Tübingen: Niemeyer Verlag, 2002, S. 127
5. Hermanns F. Slogans und Schlagwörter // Sprachliche Kürze. Konzeptuelle, strukturelle und pragmatische Aspekte. Berlin: Walter de Gruyter, 2007. S. 459-478
6. Tibi B. Europa ohne Identität? Die Krise der multikulturellen Gesellschaft. // Leitkultur oder Werte-Beliebigkeit. München: Bertelsmann Verlag, 1998, 154 S.

About the authors:

Irina S. Kashenkova – Candidate of Pedagogics, Associate Professor at the Department of the German Language, MGIMO University (Moscow, Russia). Research and professional interests: German language teaching methods, intercultural communication, political discourse, socio-political translation. E-mail: ikashenkova@yandex.ru.

Roman Y. Kashenkov – Fourth-year student at the Faculty of International Journalism, MGIMO University (Moscow, Russia). Research and professional interests: Journalism, history, international law, PR and advertising, marketing. E-mail: kashenkov.roma@yandex.ru.

* * *

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА МИГРАНТА В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА (НА ПРИМЕРЕ МЕДИАТЕКСТОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ)

Е.В. Комарова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Миграционная политика стран Европы и восприятие обществом мигрантов тесно связаны между собой. СМИ оказывают большое влияние на общественное мнение, касаясь как самих мигрантов, так и политики, проводимой правительством в отношении последних. При том, что вопрос репрезентации мигрантов в традиционных СМИ изучен достаточно широко, то, каким образом мигранты представлены в современном медиaprостранстве, на данный момент мало исследовано. Данная работа посвящена изучению особенностей представления мигрантов в медиатекстах Великобритании в период максимального притока мигрантов.

Материалом для нашего исследования послужили данные новостного подкорпуса Британского Национального Корпуса (NOW). В работе используются методы текстового анализа с использованием нейросетевых технологий, контент-анализ и анализ лексических ассоциаций для определения эксплицитной и имплицитной информации. В результате проведённого исследования было выявлено, что криминализация мигрантов в СМИ привела к смешению терминов. Появляются два образа мигрантов (мигранты, несущие вред принимающей стороне, и мигранты, вызывающие чувство солидарности). Проблема незащищённости мигрантов на рынке труда также является важным топосом. Общество обеспокоено эксплуатацией и нарушением прав мигрантов. При этом «реальные» истории самих мигрантов практически отсутствуют.

Ключевые слова: репрезентация образа мигранта, медиатекст, текстовый анализ, нейросетевые технологии, корпусная лингвистика, новостной дискурс.

Введение

В 2015 году дестабилизация ситуации в ряде стран на Ближнем Востоке, открытые вооружённые конфликты, а также перенаселение в Африке привело к резкому увеличению потока мигрантов в страны Европы. Количество прошений о предоставлении убежища в странах Евросоюза от лиц, не имеющих гражданства ЕС, в 2014 году увеличилось более, чем в 2 раза по сравнению с 2013 годом.

По данным на 2015 год, сальдо миграции достигло рекордно высокого уровня – более 330 тыс. человек.

С этого времени правительства различных стран, СМИ, а также общественное мнение активно вовлечены в процесс миграции и следят за развитием проблемы беженцев, которые продолжают прибывать в Европу. Миграционная политика стран Европы и восприятие обществом мигрантов тесно связаны между собой. СМИ в свою очередь оказывают огромное влия-

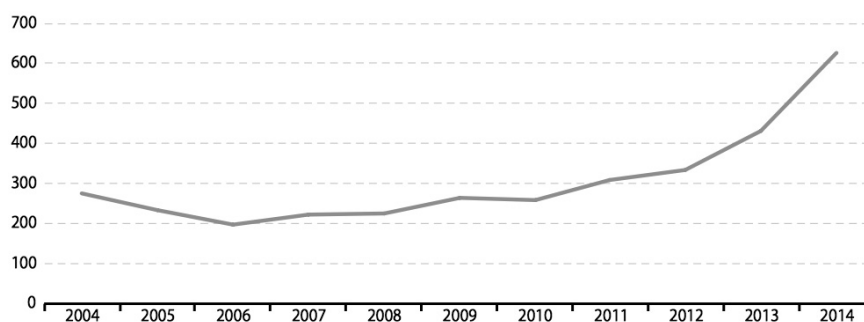

Рис.1: Количество прошений о предоставлении убежища в странах Евросоюза в 2004-2014 гг.
Источник: Eurostat.

ние на общественное мнение, касаемо как самих мигрантов, так и политики, проводимой правительством в отношении последних [см., например, [14]].

Сегодня СМИ являются эффективным инструментом формирования общественного мнения и влияния на восприятие публикой того или иного события. Будучи основным источником информации, СМИ способствуют тому, каким образом местное население будет реагировать на различные явления. В последнее время одной из самых обсуждаемых тем в СМИ является вопрос миграции.

Анализ теоретических источников исследования

Применяя практики контент и дискурс анализа, исследователи занимаются изучением в основном Европейских СМИ [5; 4]. Среди различных аспектов, находящихся в фокусе внимания учёных, можно выделить ряд наиболее значимых. Это исследования, посвящённые языковым особенностям представления мигрантов [см. напр., [8]; [4]], а также работы, направленные на изучение, каким образом представлены различные группы меньшинств в СМИ [см. напр., Ван Дейк Т.А. *Racism and the Press*, 1991.].

Как правило, общественное мнение распадается на два лагеря: в одном преобладают негативные установки о мигрантах, а ко второму относятся те, кто выражают солидарность с приезжими [7]. При этом ряд последних исследований показал, что общество зачастую плохо информировано или вовсе дезинформировано о проблемах миграции [13; 18; 10].

Тем не менее следует отметить, что разные издания освещают тему миграции неодинаково. Ряд исследователей делают вывод о том, что ри-

торика бульварной прессы и общественно-политических газет Великобритании касательно миграции сильно отличается. Например, мигранты упоминаются в определённых контекстах, и жёлтая пресса чаще всего изображает иностранцев и представителей меньшинств в более негативном ключе [11]. Иннес А. Дж. [9, с. 466] утверждает, что в целом таблоиды обычно репрезентируют мигрантов как преступников. Как и следовало ожидать, в свою очередь общественно-политические газеты более добросовестно обозревают события, связанные с мигрантами, и представляют так называемую рациональную практику («good practice coverage») [20, с. 6].

Напомним, что общественно-политические газеты (Broadsheets) – это издания, освещающие важные политические новости («hard news») и актуальные политические и экономические события [6]. Бульварная пресса (Tabloids) – это издания, которые фокусируются на «светских новостях» («soft news»), таких, как спорт, развлечения и личная жизнь селебрити и обычных людей [18].

Гендерные различия также играют роль при изображении мигрантов в СМИ. Некоторые исследования о репрезентации мигрантов женского пола в новостях доказывают, что женщины гораздо менее представлены в СМИ по сравнению с мужчинами [16]. Щепаник М. [19] приводит примеры подобного гендерного нарратива в новостных статьях. Женщины изображены пассивными и уязвимыми жертвами, в то время как мужчины представлены более активными и агрессивными, а, следовательно, они становятся «опасной нецивилизованной группой» [19, с. 24].

Интересным представляется исследование Джорджиу М. и Заборовски Р. (2017) общественно-политических газет восьми европейских стран, где была предпринята попытка про-

следить изменения в том, как пресса освещает проблему миграции в период максимального притока мигрантов [цит. по 15]. В результате проведённого контент-анализа были выделены 3 основных подхода к освещению темы миграции по мере развития так называемого «миграционного кризиса». Первый этап был охарактеризован как «осторожная толерантность» (*careful tolerance*), чему способствовала трагедия в Средиземном море. Второй этап был назван «экзальтированной филантропией» (*ecstatic humanitarianism*), поскольку граждане Европы выражали солидарность с беженцами [цит. по 15 с. 41]. И наконец, третий этап – это период «страха и обеспечения безопасности» (*fear and securitization*), что вполне закономерно, учитывая, что в это время происходят террористические атаки в Париже.

Очевидно, что на репрезентацию мигрантов и освещение темы миграции в целом влияют различные факторы, такие как конкретная реальная ситуация, которая трактуется СМИ в определённом ключе, учитывая политический контекст, идеологию страны, её культурные ценности, социоэкономические, исторические и другие факторы. При этом основополагающую роль играют культура, методы и этика конкретного издания, а также государственное регулирование деятельности средств массовой информации.

При том, что вопрос репрезентации мигрантов в традиционных СМИ изучен достаточно широко, то каким образом мигранты представлены в современном медиапространстве на данный момент мало исследовано. Данная работа посвящена изучению особенностей представления мигрантов в медиатекстах Великобритании в период их максимального притока.

Материал и методы исследования

Материалом для нашего исследования послужили данные новостного подкорпуса (NOW) Британского Национального Корпуса за период 2015-2016 (число слов 35717).

Новостной дискурс позволяет комбинировать критический дискурс-анализ с корпусной лингвистикой [17]. Использование методов количественного анализа (таких, как поиск по ключевым словам, различные программы текстового анализа, анализ словосочетаний с помощью специальных инструментов корпуса и т.д.) в сочетании с качественными методами кон-

тент-анализа значительно повышает эффективность исследования [17; 4].

Нейросетевые технологии для анализа текста позволяют изучить текстовый корпус на различных уровнях: выделить эксплицитную и имплицитную информацию. Автоматический анализ текста даёт возможность определить тематическую структуру, то есть внешнюю канву повествования, семантическую структуру, то есть смысловую основу текста, и лексические ассоциации (оценочность и коннотативные нюансы) [2].

Соответственно, в работе используются следующие методы:

1. текстовый анализ с использованием нейросетевых технологий (TextAnalyst – тематическая структура, семантическая сеть);
2. контент-анализ в интерпретации [12];
3. анализ лексических ассоциаций: нейросетевые технологии TextAnalyst [3].

Результаты и обсуждение

С помощью программы TextAnalyst 2.0 была выделена тематическая структура текста, что в свою очередь позволило описать содержание выбранного нами корпуса. Таким образом, мы выявили темы и подтемы, которые отражают основные понятия и соответствуют узлам сети понятий (рис.2):

Самыми частотными понятиями в данном дата-сете являются: *crisis* (100), *police* (99), *child* (99). Так, для понятия *crisis* были выделены следующие подтемы с соответствующими смысловыми весами: *migrant crisis* (95), *Calais* (62), *Europe* (59). Ситуация с беженцами представляется критической, а кризис приобретает мировой характер и охватывает всю Европу, особенно серьёзно проявляясь в Кале, который мигранты используют, чтобы попасть в Британию. Ситуация достигла «предельной точки».

Например:

«...as this refugee reality climaxes into the world's greatest migrant crisis since the Second World War...» (Telegraph, 2015)

«A growing migrant crisis all over Europe as desperate refugees live in camps struggling to survive». (Daily Star, 2016)

Семантика данных лексических единиц (*climaxes, growing, all over Europe*) и грамматических конструкций (суперлатив – *greatest*) усиливает ощущение нарастающей угрозы катастрофы.

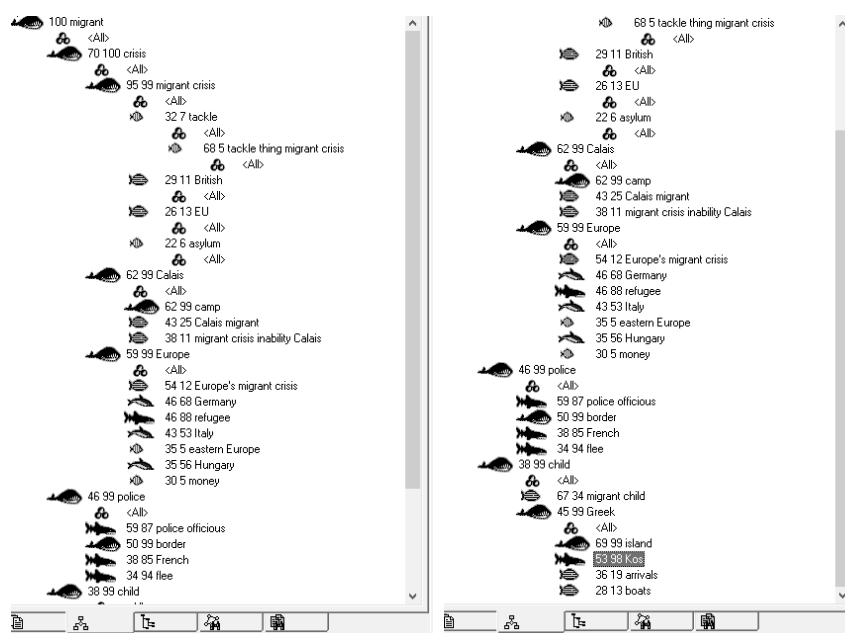

Рис.2: Тематическая сеть данных BNC

Одним из последствий такого кризиса стало смешение терминов. В рамках права на неприкосновенность семейной жизни и угрозы преследования на основании образа жизни, подавая прошение о предоставлении политического убежища, и беженцы, и мигранты определяются как перемещённые лица. См.:

«The hard and fast distinction between refugee and migrant status has all but disappeared – rights to “family life” and “fear of persecution on lifestyle grounds” have brought vast numbers of displaced persons within the scope of asylum claims». (CITYA.M., 2016)

В этой связи ведущая британская телерадиовещательная компания находит необходимым пояснить значение терминов, употребляемых их журналистами. Мигранты – это мигрирующие лица, которым ещё только предстоит завершить процесс подачи прошения о предоставлении убежища. Люди, спасающиеся от войны, например, в Сирии, вероятно, получают статус беженцев, люди, ищущие работу и стремящиеся улучшить условия жизни, вероятнее всего, будут считаться экономическими мигрантами. См.:

«A note on terminology: The BBC uses the term migrant to refer to all people on the move who have yet to complete the legal process of claiming asylum. This group includes people fleeing war-torn countries such as Syria, who are likely to be granted refugee status, as well as people who are seeking jobs and better lives, who governments are likely to rule are economic migrants». (BBC, 2016)

Тематическая структура также содержит два других понятия, образующих связи со следующими лексемами: police officers (59), border (50), French (38), flee (34), относящиеся к теме «police»; и migrant child (67), Greek (45), являющиеся подтемами понятия «child».

С одной стороны, в сознании читателя возникает образ властей, пытающихся сдержать наплыв мигрантов, с другой, – образ ребёнка, который пытается найти помощь в странах Европы. Таким образом, можно выделить наиболее важные для акторов семантические акценты. Общество делится на два лагеря: те, кто поддерживают жёсткие меры властей в отношении мигрантов, и те, у кого мигранты вызывают эмпатию.

Сравним:

«One of the rape suspects is 15 but another suspect was revealed to be 22. Both were in the shelter living among the 60,000 unaccompanied migrant children and youths that the tide of refugees has washed up on Germany's borders since last year». (The Times, 2016)

«Stars including Benedict Cumberbatch... are among 145 to put their name to a letter calling on David Cameron to let children living in Calais's migrant camps into the UK». (Daily Mail, 2016)

«We deeply regret the UK Government's reluctance to relocate migrant children to the UK, in particular those living in terrible conditions in the camps». (Huffington Post, 2016)

С одной стороны, мигранты упоминаются в контексте криминальной обстановки в Великобритании, они способствуют росту преступ-

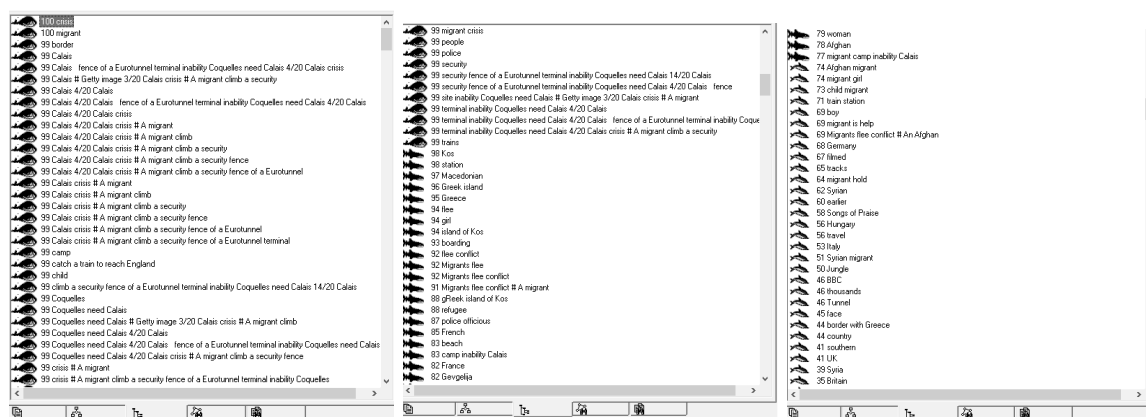

Рис.3: Семантическая сеть данных BNC

ности, не контролируются местными властями (*unaccompanied migrant children and youths*) и скрываются в миграционных лагерях (...*were in the shelter*).

С другой стороны, модальный компонент ряда сообщений содержит совершенно противоположный смысл. Общество выражает солидарность с мигрантами и осуждает нежелание властей им помочь. Такие установки выражаются посредством употребления оценочной лексики (*terrible conditions*), эмфатических слов (наречия-интенсификаторы – *deeply regret*) для убедительности и усиления глагола (*deeply regret*), вводных конструкций (*in particular...*) для выделения информации и передачи авторской оценки.

Семантическая сеть выявляет наиболее значимые понятия и концепты, несущие смысловую нагрузку, и позволяет определить ядро информации и важные нюансы (рис.3):

Кризис в Кале, пересечение границы мигрантами, чтобы попасть в Великобританию, неспособность органов безопасности справиться с тысячами мигрантов в Кокель, а также на греческом острове Кос – важные семантические акценты в исследуемом корпусе. Важно отметить, что список ключевых понятий (с наибольшим весом) включает и другие лексемы: girl (94), flee conflict (92), woman (79), migrant is help (69), boy (69). Образ мигранта-ребёнка, спасающегося от войны, мигранта, которому нужна помощь, представляется также значимым для акторов. Таким образом, журналисты «очеловечивают» образ мигранта в сознании читателя.

Например:

«This desperate migrant family were forced off a train by police...» (Daily Mail, 2015)

«A young migrant boy is seen crying as his father lifts him into the air amid the crush to board a train in Budapest» (Daily Mail, 2015)

«...people – a woman, a child and a baby – died when another migrant boat sank off the nearby Greek island of Rhodes, and three more are missing...» (Daily Mail, 2015)

Синтаксические конструкции выражают модальность сообщения, то есть указывают на отношение актора к данному явлению с эмоционально-экспрессивной точки зрения (напр., парентеза: ...people – *a woman, a child and a baby – died...*). Погибли не просто какие-то неизвестные люди, а женщина, ребёнок и младенец – самые уязвимые и незащищённые члены общества. Употребление пассивного залога также является вербальной презентацией эмоций и оценки явления актором («A young boy is seen crying...»). Данные конструкции позволяют акцентировать информацию, имплицитно передают авторскую оценку описываемых событий.

Характер понятия определяется прилагательными в атрибутивной позиции: *desperate migrant*, *terrible conditions in the camps*. Адъективная сочетаемость отображает определённое отношение к сложившейся ситуации, чему также способствует семантика лексем, находящихся в окружении данного понятия (... *amid the crush*).

Присутствие таких лексем, как *migrant deaths* (18), *tear* (13), *rescue* (10), *desperate migrant* (5), *have died* (5), *tragedy* (4) и их семантический вес свидетельствуют о том, что проблема миграции расценивается, пусть и весьма ограниченной частью общества, как трагедия. Нужно отметить, что в список понятий с приблизительно таким же весом входят и другие лексемы, несущие совсем противоположенный посыл: *swarm* (4), *smuggling* (4), *shoot* (4), *migrant smugglers* (4), *problem* (5), *thousands of migrants* (9). Мигранты рассматриваются как криминальные элементы, угроза обществу, которые продолжают прибывать в страны ЕС в больших количествах.

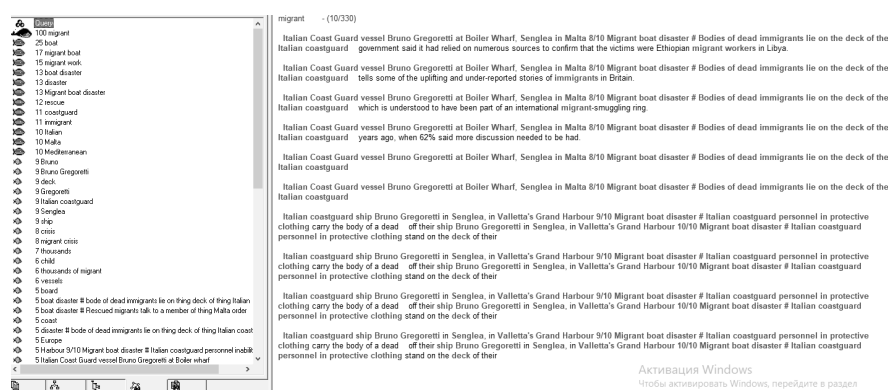

Рис.4: Результаты ассоциативного поиска по запросу «мигрант»: тематическое дерево – в левом окне и тематический реферат – в правом окне

Очевидно противопоставление мигрантов, вынужденных покинуть свой дом и ищущих убежища, в связи с чем вызывающих чувство солидарности у общества, мигрантам, представленным в негативном контексте, создающим угрозу принимающему обществу.

Данные для анализа имплицитной информации мы получили с помощью ассоциативных конструкций (рис. 4).

Морская катастрофа в Средиземном море является основным фактором, влияющим на построение образа мигранта в СМИ. Результаты ассоциативного поиска подтверждают, насколько определяющим это событие стало для общества. Понятия *boat* (25), *migrant boat* (17), *boat disaster* (13), *rescue* (12), *Mediterranean* (10) имеют наибольший вес.

Следует отметить, что проблема незащищённости мигрантов на рынке труда выходит на первый план. Понятие *migrant work* имеет вес связи – 15, то есть также является доминирующим в данном представлении текста. Общество обеспокоено безжалостной эксплуатацией и нарушением прав мигрантов. Например:

«Two men and two women have been found guilty of offences relating to the exploitation of migrant workers in Fenland area of Cambridgeshire...» (The Guardian, 2016)

«The UAE's medieval labour laws put the migrant workers there totally under the control of their employers...» (The Independent, 2015)

«Labour is serious about ending the misery caused by the exploitation of migrant workers and rightly targets the employers who profit through the mistreatment of workers...» (BBC, 2015)

Негативное отношение к использованию мигрантов в качестве дешёвой рабочей силы чётко прослеживается в употреблении различных средств выражения оценки: аффиксальных

(аффикс *mis-* в слове *mistreatment*), лексических (употребление оценочной лексики, например, лексемы *misery*, *exploitation*), стилистических (эпитет – *medieval labour laws*).

Подмена стилистически нейтрального слова маркированным синонимом является широко распространённым способом имплицирования оценки [1]. Употребление синонимов с оценочным элементом выявляет сопричастность автора, то есть его позицию (*medieval labour laws*). Лексема *medieval* «средневековый» вызывает ассоциации с варварскими, нецивилизованными методами регулирования жизни общества.

Заключение

Постоянное освещение событий реального мира в СМИ влияет на представление общества о мигрантах и их месте в современном мире. Как показывают результаты нашего исследования, в современных англоязычных медиатекстах проблема миграции представлена в контексте внутренней политики принимающей страны и её установок. В такого рода дискурсе появляются два образа мигрантов: мигранты, убегающие от войны и эксплуатируемые миром капиталистов, и мигранты, несущие вред для принимающего общества и его благосостояния.

Криминализация мигрантов в СМИ привела к смешению терминов. Приезжие делятся на экономических мигрантов, стремящихся улучшить материально-бытовые условия, и вынужденных беженцев. Последние рассматриваются в рамках освещения гуманитарной проблемы, они вынуждены покинуть свой дом, чтобы спасти детей и себя. Такие мигранты изображены в СМИ как беспомощные и отчаявшиеся жертвы вооружённых конфликтов. В данных медиатекстах понятие «мигрант» часто сочетается с

лексемами «ребёнок» («child») и «сирийский» («Syrian»). Образ ребёнка, спасающегося от войны, вызывает чувство сострадания у принимающего общества.

Интересно отметить, что «реальные» истории самих мигрантов практически отсутствуют в исследуемом медиадискурсе. Общество слы-

шит мнение политиков и различных экспертов, которые представляют мигрантов в определённом ключе. Подобная практика разграничения свидетельствует об отрицании роли мигрантов как политических, исторических и социальных акторов.

Список литературы

1. Пильгун М.А. Средства выражения оценочности в медиатексте в контрастивном аспекте. Вестник НГЛУ. Вып. 3. Язык и культура. 2008. С. 21-34
2. Пильгун М.А., Transmedia storytelling: перспективы развития медиатекста // Медиаскоп. 2015. № 3. С. 2 - 19.
3. Харламов А. А. Ассоциативная память — среда для формирования пространства знаний. От биологии к приложениям. Дюссельдорф: Palmarium Academic Publishing, 2017. 109 p.
4. Baker, P. A useful methodological synergy? Combining critical discourse analysis and corpus linguistics to examine discourses of refugees and asylum seekers in the UK Press / P. Baker, C. Gabrielatos, M. Khosravinik, M. Krzyzanowski, T. McNery, R. Wodak // *Discourse and Society*. 2008. Vol. 19(3). Pp. 273-306.
5. Chouliaraki, L., & Zaborowski, R. (2017). Voice and community in the 2015 refugee crisis: A content analysis of news coverage in eight European countries. *The International Communication Gazette*, 79(6-7), pp. 613-635.
6. Esser, Frank. (1999). "Tabloidization" of News: A Comparative Analysis of Anglo-American and German Press Journalism." *European Journal of Communication* 14(3). Pp. 291-324.
7. File, B., Keczer, Z., Vancsó, A. et al. Behav Res (2018). Emergence of polarized opinions from free association networks Behavior Research Methods. URL: <https://link.springer.com/article/10.3758/s13428-018-1090-z> Дата обращения: 15.10.19. <https://doi.org/10.3758/s13428-018-1090-z>
8. Holmes, S. M., & Castañeda, H. (2016). Representing the "European refugee crisis" in Germany and beyond: Deservingness and difference, life and death. *American Ethnologist*, 43. Pp. 12-24. <https://doi.org/10.1111/amet.12259>
9. Innes, A. J. (2010). "When the Threatened Become the Threat: The Construction of Asylum Seekers in British Media Narratives." *International Relations* 24(4). Pp.456-77.
10. Jacobs, L., Hooghe, M., & de Vroome, T. (2017). Television and anti-immigrant sentiments: e mediating role of fear of crime and perceived ethnic diversity. *European Societies*, 19(3). Pp. 243-267.
11. Kaye, Ronald. (2001). "Blaming the Victim": An Analysis of Press Orientation of Refugees and Asylum-Seekers in the United Kingdom in the 1990s." Pp. 53-70 in *Media and Migration: Constructions of Mobility and Difference*, edited by R. King and N. Wood. London, New York: Routledge.
12. Krippendorff, K. (2012). *Content Analysis. An Introduction to Its Methodology*. Third Edition. Los Angeles: SAGE Publications, Inc., 456 p.
13. Meuleman, B., Davidov, E., & Billiet, J. (2009). Changing attitudes toward immigration in Europe, 2002-2007: A dynamic group conflict theory approach. *Social Science Research*, 38(2). Pp. 352-365.
14. Orgad, S. (2012). *Media representation and the global imagination*. Cambridge: Polity. 296 p.
15. Rozane De Cock, Ebba Sundin, and Valeriane Mistiaen. (2019). The Refugee Situation as Portrayed in News Media: A Content Analysis of Belgian and Swedish Newspapers- 2015-2017. Images of Immigrants and Refugees in Western Europe. Leuven University press. Pp. 39-57.
16. Rush, R., Oukrop, C. E., & Sarikakis, K. (2005). A global hypothesis for women in journalism and mass communications. *International Communication Gazette*, 67(3), pp.239-253.
17. Russo and Wodak – Introduction. (2017). The Representation of "Exceptional Migrants" in Media Discourse. *Anglistica AION* 21.2 1-6 ISSN: 2035-8504 doi: 10.19231/angl-aion.201720. URL: https://www.academia.edu/39392035/Introduction_The_Representation_of_Exceptional_Migrants_in_Media_Discourse. Дата обращения: 17.11.19
18. Sparks, Colin. (2000). "Introduction: The Panic over Tabloid News." Pp. 1-40 in *Tabloid Tales: Global Debates Over Media Standards*, edited by Colin Sparks and John Tulloch. Oxford: Rowman Littlefield Publishers.
19. Szecepanik, M. (2016). The 'good' and 'bad' refugees? Imagined refugeehood(s) in the media coverage of the migration crisis. *Journal of Identity and Migration Studies*, 10(2). Pp.23-33.
20. Threadgold, Terry. (2009). *The Media and Migration in the United Kingdom, 1999 to 2009*. Washington DC. Migration Policy Institute. [Google Scholar]

Сведения об авторе:

Комарова Елена Валерьевна – старший преподаватель кафедры английского языка №8 МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: медиадискурс, корпусная лингвистика, нейросетевые технологии, текстовый анализ, компьютерная лингвистика, методика преподавания иностранных языков. E-mail: elvakom@rambler.ru.

REPRESENTATION OF MIGRANTS IN MODERN MEDIA (GREAT BRITAIN MEDIA TEXTS EXAMPLE)

Komarova Elena V.

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

Abstract: Migration policy of European countries and public opinion are interconnected. Mass Media have great impact on public opinion towards migrants themselves as well as the state policy in respect to the latter. Although the problem of migrant representation in traditional Mass Media has been studied extensively, the way migrants are represented in modern media space is still to be researched. The given study is devoted to the review of representation of migrants in media texts in Great Britain during migrant influx.

The data of British National Corpus (NOW) is analyzed using the methods of text analysis, content-analysis and lexical associations analysis. While implementing the abovementioned complex of methods we intend to reveal explicit and implicit information in the given corpus. As a result, it was concluded that there are two different types of representation of migrants in the British media texts (migrants doing damage to the hosting society and migrants provoking solidarity movements). Another important topos is insecurity of migrants at the labour market. Public is very much concerned about the exploitation of migrants and violation of human rights. However, the “real” stories of the migrants are rarely heard.

Key Words: migrant image representation, media text, text analysis, neural network technology, corpus linguistics, news discourse.

References

1. Pil'gun M.A. Sredstva vyrazheniia otsenochnosti v mediatekste v kontrastivnom aspekte. Vestnik NGLU. Vyp. 3. Iazyk i kul'tura. 2008. Pp. 21-34.
2. Pil'gun M.A., Transmedia storytelling: perspektivy razvitiia mediateksta// Mediaskop. 2015. № 3. Pp. 2 - 19.
3. Harlamov A. A. Assotsiativnaia pamiat' – sreda dlia formirovaniia prostranstva znaniy. Ot biologii k prilozheniiam. Diusseldorf: Palmarium Academic Publishing, 2017. 109 p.
4. Baker, P. (2008) A useful methodological synergy? Combining critical discourse analysis and corpus linguistics to examine discourses of refugees and asylum seekers in the UK Press / P. Baker, C. Gabrielatos, M. Khosravinik, M. Krzyzanowski, T. McNery, R. Wodak // *Discourse and Society*. Vol. 19(3). Pp. 273-306.
5. Chouliaraki, L., & Zaborowski, R. (2017). Voice and community in the 2015 refugee crisis: A content analysis of news coverage in eight European countries. *The International Communication Gazette*, 79(6-7), pp. 613-635.
6. Esser, Frank. (1999). “‘Tabloidization’ of News: A Comparative Analysis of Anglo-American and German Press Journalism.” *European Journal of Communication* 14(3). Pp. 291-324.
7. File, B., Keczer, Z., Vancsó, A. et al. Behav Res (2018). Emergence of polarized opinions from free association networks Behavior Research Methods. URL: <https://link.springer.com/article/10.3758/s13428-018-1090-z> Accessed: 15.10.19. <https://doi.org/10.3758/s13428-018-1090-z>
8. Holmes, S. M., & Castañeda, H. (2016). Representing the “European refugee crisis” in Germany and beyond: Deservingness and difference, life and death. *American Ethnologist*, 43, pp. 12-24. <https://doi.org/10.1111/amet.12259>
9. Innes, A. J. (2010). “When the Threatened Become the Threat: The Construction of Asylum Seekers in British Media Narratives.” *International Relations* 24(4). Pp. 456-77.
10. Jacobs, L., Hooghe, M., & de Vroome, T. (2017). Television and anti-immigrant sentiments: e mediating role of fear of crime and perceived ethnic diversity. *European Societies*, 19(3). Pp. 243-267.
11. Kaye, Ronald. (2001). “‘Blaming the Victim’: An Analysis of Press Orientation of Refugees and Asylum-Seekers in the United Kingdom in the 1990s.” Pp. 53-70 in *Media and Migration: Constructions of Mobility and Difference*, edited by R. King and N. Wood. London, New York: Routledge.
12. Krippendorff, K. (2012). *Content Analysis. An Introduction to Its Methodology*. Third Edition. Los Angeles: SAGE Publications, Inc., 456 p.
13. Meuleman, B., Davidov, E., & Billiet, J. (2009). Changing attitudes toward immigration in Europe, 2002-2007: A dynamic group conflict theory approach. *Social Science Research*, 38(2). Pp. 352-365.
14. Orgad, S. (2012). *Media representation and the global imagination*. Cambridge: Polity. 296 p

15. Rozane De Cock, Ebba Sundin, and Valeriane Mistiaen. (2019). The Refugee Situation as Portrayed in News Media: A Content Analysis of Belgian and Swedish Newspapers- 2015-2017. *Images of Immigrants and Refugees in Western Europe*. Leuven University press. Pp. 39-57.
16. Rush, R., Oukrop, C. E., & Sarikakis, K. (2005). A global hypothesis for women in journalism and mass communications. *International Communication Gazette*, 67(3). Pp. 239–253.
17. Russo and Wodak – Introduction. (2017). The Representation of “Exceptional Migrants” in Media Discourse. *Anglistica AION* 21.2 1-6 ISSN: 2035-8504 doi: 10.19231/angl-aion.201720. URL: https://www.academia.edu/39392035/Introduction_The_Representation_of_Exceptional_Migrants_in_Media_Discourse. (Accessed:17.11.19)
18. Sparks, Colin. (2000). “Introduction: The Panic over Tabloid News.” Pp. 1–40 in *Tabloid Tales: Global Debates Over Media Standards*, edited by Colin Sparks and John Tulloch. Oxford: Rowman Littlefield Publishers.
19. Szcapanik, M. (2016). The ‘good’ and ‘bad’ refugees? Imagined refugeehood(s) in the media coverage of the migration crisis. *Journal of Identity and Migration Studies*, 10(2). Pp. 23–33.
20. Threadgold, Terry. (2009). *The Media and Migration in the United Kingdom, 1999 to 2009*. Washington DC. Migration Policy Institute. [Google Scholar]

About the author:

Elena V. Komarova – Senior lecturer at the English Language Department №8, Faculty of International Law, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: media discourse, corpus linguistics, neural network technology, text analysis, computer linguistics, ELT. E-mail: elvakom@rambler.ru.

* * *

КЛАССИФИКАЦИЯ ИМПЛИЦИТНЫХ СРЕДСТВ ТЕМПОРАЛЬНОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИЯ В БУДУЩЕМ

О.В. Ларина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В предлагаемой статье рассматриваются имплицитные средства временной локализации действия в будущем в англоязычном дискурсе с позиции когнитивной лингвистики и функциональной семантики. Материалом для исследования послужили передовые статьи журнала "The Economist". Полученные методом сплошной выборки примеры были проанализированы с точки зрения темпоральных особенностей представленных в них языковых форм и структур со значением будущего времени. В работе осуществляется попытка классификации языковых средств, имплицитно передающих значение футуральности, а также анализ особенностей порождения и восприятия высказываний с их участием. Предлагается универсальная классификация имплицитных средств темпоральной локализации действия. Рассматриваются различия между набором способов имплицитной темпоральной локализации в прошлом и будущем. Также в связи с проблемой темпоральной имплицитности поднимается вопрос функционирования конструкций «будущее-в-прошедшем» и намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: классификация, инференция, имплицитные средства, темпоральная локализация, будущее время.

Проблема объективации будущего времени в языке (как бы ни парадоксально это звучало по отношению к чему-то, что носит сугубо гипотетический характер) связана с тем, что настоящее (в большей степени) и прошлое доступны для наблюдения и анализа, в то время как будущее с точки зрения человека как субъекта восприятия не имеет объективных материальных проявлений. В английском языке никакое другое время не обладает большей субъективной окрашенностью, чем будущее. В связи с этим у многих лингвистов (О. Есперсен, С. Фляйшман, Ч. Фриз, Д.А. Штелинг) имеются вполне обоснованные сомнения относительно существования в нём самой грамматической формы будущего времени. То есть в английском языке нет будущего времени как отдельной грамматической категории, а есть многочислен-

ные лексические и грамматические способы выражения футуральных значений.

В данной статье мы провели анализ имплицитных средств темпоральной локализации действия в будущем (всего рассмотрено 100 контекстов употребления футуральных форм), с целью создания универсальной классификации конструкций, косвенно указывающих на время, которая могла бы охватывать все временные сферы (прошлое, настоящее и будущее). В перспективе эта классификация будет использована при разработке когнитивной модели порождения и восприятия имплицитно темпорально локализованного дискурса. В качестве источника нами был выбран один из наиболее влиятельных британских журналов The Economist, стиль изложения материала которого можно считать нейтральным и стремящимся к объективности.

Журнал рассчитан на образованного читателя, что позволяет рассматривать статьи в нём как образец современного стандартного британского английского языка.

В рамках предлагаемой статьи мы вслед за рядом исследователей будем рассматривать глаголы *shall* и *will* не как вспомогательные, а как модальные. «Всё то, что не совершено как факт, а имеет лишь стремление к завершённости, не несёт в себе точной гарантии своего исполнения, в силу чего оно представляется не столько в плане своей аспектологической характеристики, сколько в плане возможной, желательной, обязательной, но не фактически утверждённой оценки» [2, с. 152–153]. То, что глаголы *shall* и *will* относятся к модальным, а конструкции с ними, в отличие от конструкций, например, страдательного залога и времён группы *Perfect* и *Continuous*, не являются аналитическими и, следовательно, не могут рассматриваться в качестве отдельных видовременных форм, было доказано Л.С. Бархударовым [1]. Помимо формальных аргументов против включения данных модальных конструкций в состав времён английского глагола, существует ещё и проблема их полисемии: «В то время как конструкции «*shall/will* + инфинитив» не всегда имеют значение будущего времени (или только будущего времени), справедливо и обратное – значение будущего времени в английском языке выражается далеко не всегда при помощи именно этих конструкций» [1, с. 127]. Ну и, наконец, само наличие формы “*Future-in-the-Past*” противоречит определению будущего времени.

Учитывая изложенные выше соображения, приведём основные способы отнесения действия к будущему в английском языке:

- Видовременные формы *Present Simple*, *Present Continuous* (из всех значений этого времени два направлены в будущее: изменение/развитие и планы субъекта высказывания).
- Модальные глаголы в сочетании с различными формами инфинитива (сюда же отно-

сятся все конструкции с *will/shall*), имеющие ряд футуральных значений: «концепт будущего конкретизируется в виде набора шести «концептуальных примитивов», отражающих особенности концептуализации идеи будущего познающим субъектом. Имеются в виду такие элементы, как: 1) Желание; 2) Согласие; 3) Оценка степени вероятности осуществления действия; 4) Вынужденность совершения действия субъектом; 5) Закономерность совершения действия/ возникновения ситуации; 6) Нейтральная перспективность, лишённая модальной оценки»¹ [4, с. 241].

– Конструкции с неличными формами глагола (*be about to do*, *be on the point of doing* и т.д.)².

– Лексические средства (слова и выражения со значением времени).

– Синтаксические конструкции (сложноподчинённые предложения с придаточными предложения времени).

Экспликация футуральных смыслов не содержится в самих глагольных формах, а обеспечивается лексическим наполнением высказывания, контекстом и интенцией говорящего. Таким образом, локализация действия в будущем в английском языке осуществляется посредством сочетания модального глагола и неличной формы глагола с темпоральной лексикой, а также соответствующего коммуникативного намерения адресанта и контекста (в широком прагматическом смысле этого слова)³.

Практически все приведённые выше средства так или иначе требуют когнитивных усилий и расшифровки до такой степени, что можно даже утверждать, что, в некотором смысле, будущее время имплицитруется в английском языке в той же мере, что и эксплицитруется.

Таким образом, с точки зрения принятой нами классификации имплицитных средств выражения темпоральной локализации действия в прошлом⁴ можно выделить способы, которые также релевантны для действия в будущем. Ещё

¹ Нам, тем не менее, представляется, что вне зависимости от того, насколько неотвратимым и предопределённым может казаться будущее, элемент сомнения со стороны адресанта всё равно присутствует, как присутствует и модальность во всех конструкциях со значением будущего.

² Стоит отметить, что в большинстве случаев действие инфинитива в инфинитивных конструкциях имеет значение следования, т.е. по сути выражает будущее, будь то с точки зрения момента речи или момента референции: e.g. *At a time of national gloom, the Tories hope that Mr Johnson's ebullience will be enough to “ping off the guy-ropes of self-doubt”, as he put it in his jokey acceptance speech* [9].

³ Ср. “*He will be at home*” = “*I’m sure he is at home*” и “*He will be at home*” = “*He will probably be at home [tomorrow]*”.

⁴ Последовательность действий (И [имплицитное средство временной локализации] – 1), «согласование времён» (И – 2), «настоящее историческое» (И – 3),

раз оговоримся, что в контексте будущего времени эти средства будут вступать в сложные взаимодействия с перечисленными выше полу-эксплицитными способами, уточняя и раскрывая заложенные в них футуральные значения. В данной статье мы не будем анализировать когнитивные усилия, требуемые от адресата сообщения для расшифровки модального аспекта высказывания, воспримем его как неотъемлемую часть футурального дискурса, сосредоточиваясь на прочих имплицитных темпоральных компонентах. Приведённые выше полу-эксплицитные средства (в частности, модальные конструкции) примем за основу, в которой закладывается ведущий элемент темпорального смысла высказывания. Они локализуют действие в неопределённом будущем, тогда как предлагаемые к рассмотрению имплицитные способы временной локализации будут уточнять и конкретизировать футуральное значение.

Проведённый анализ примеров показал, что для футуральных контекстов разработанная нами классификация имплицитных средств временной локализации предстаёт в следующем несколько модифицированном виде:

I. Морфолого-синтаксические:

1) Последовательность действий в будущем (И-1):

e.g. Imagine that Mr Putin *chooses to step down in 2024*, when the constitution says he must, and that his successor tries to mark the change by distancing Russia from China and turning towards Europe [6].

В приведённом выше примере действие глагола try по времени следует за действием эксплицитно темпорально локализованного глагола choose. Дополнительную временную локализацию выделенный глагол получает через знание адресатом современного политического контекста (упоминание конкретных фамилий, косвенная отсылка к выборам в России (И-5, 6)), а также через семантику слова successor⁵.

II. Синтактико-семантические:

1) Указание на место действия (И-4):

e.g. Now environmentalists wonder whether China **will lead** the charge *in a new round of climate diplomacy* [8].

e.g. South America's natural wonder may be perilously close to the tipping-point *beyond which its gradual transformation into something closer to steppe cannot be stopped* or reversed, even if people lay down their axes [5].

Глаголы lead и stop относятся к будущему в том числе и за счёт использования метафор с локативным значением.

2) Указание на конкретное историческое лицо (И-5):

e.g. Pessimists fear that the cycle of runaway degradation may kick in when another 3-8% of the forest vanishes – which, *under Mr Bolsonaro*, **could happen** soon [5].

e.g. For all these reasons, the world ought to make clear to *Mr Bolsonaro* that it **will not tolerate** his vandalism [5].

В приведённых примерах время действия выделенных глаголов косвенно локализуется в будущем через знание читателями статьи политических реалий Бразилии и сроков полномочий её президента.

3) Указание на сопутствующие объекты или обстоятельства (И-6):

e.g. That would be a good outcome for the country, which deserves a chance to say whether the warts-and-all reality of *Brexit* matches up to the fantasy version it was sold in 2016. But the red lines in which *Mr Johnson* has entangled himself **will probably keep** such a deal out of reach [9].

В данном отрывке логический вывод о времени действия глагола keep совершается адресатом на основании упоминания автором статьи Brexit, которое предполагает знание о сроках и обстоятельствах его проведения.

4) Структуры с каузальным значением (И-7):

e.g. Brazil's trading partners **should make** deals *contingent on its good behavior* [5].

В приведённом примере значение причина/следствие усложняется значением условия, со-

место действия (И – 4),
конкретное историческое лицо (И-5),
сопутствующие объекты или обстоятельства (И – 6),
структуры с каузальным значением (И – 7),
свернутые конструкции (И-8),
сопутствующее эксплицитно темпорально выраженное действие (И – 9),
«анафорический антецедент» (И – 10),
широкий контекст (И – 11) [3].

⁵ Некоторые слова, например, succeed (в значении быть преемником), promise, result и т.д. несут в себе сему футуральности (e.g. Today's polls show a four-party split, making any *resulting* election a lottery [9].), что, возможно, позволит нам в дальнейшем объединить их в отдельный пункт классификации.

держась в семантике выражения *contingent on*, что требует от адресата дополнительных когнитивных усилий.

5) Свёрнутые структуры (И-8):

e.g. Brazil's agriculture minister urged Mr Bolsonaro to stay in the Paris agreement. *Unchecked deforestation could end up* hurting Brazilian farmers if it leads to foreign boycotts of Brazilian farm goods [5].

Выражение *unchecked deforestation* может быть развёрнуто до условного предложения [If unchecked deforestation continues.../If deforestation remains unchecked...], что будет служить косвенным указанием на время действия глагола *end*.

e.g. And *eradicating cash*, an anonymous payment method, for a digital system could let governments snoop on people's shopping habits and private titans exploit their personal data [7]. – [If/when cash is eradicated, it will let...].

III. Контекстуальные.

1) Сопутствующее эксплицитно локализованное во времени действие (И-9):

e.g. Work is getting under way on drawing up China's next five-year economic plan, which *will take effect in 2021*. It **will be** a test of China's willingness to raise its game [6].

2) "Анафорический антецедент" (И-10):

e.g. Some hardline Brexiteers say Parliament *should be suspended* so that no-deal can be forced through – in the name of democracy. The grotesqueness of this speaks for itself. Yet Mr Johnson has not ruled it out. If he **tries such a reckless gambit**, Parliament must stand in his way [9].

В приведённом примере действие глагола *try* в сочетании с выражением *reckless gambit* перефразирует действие глагола *suspend*, и, соответственно, оказывается имплицитно темпорально связанным с последним.

3) Широкий контекст (И-11):

e.g. Mr Johnson has made the same mistake on a larger scale. He swears he **will bin** the "backstop" designed to avoid a hard border in Ireland, which the EU insists is non-negotiable [9].

Действие глагола *bin* воспринимается читателем как локализованное в неопределённом будущем через модальное сочетание с *will* и семантику глагола *swear*. Более конкретный вывод о том, когда именно должно произойти действие

выделенного глагола, возможен только для читателей, знакомых с широким информационным контекстом сообщения.

К приведённой классификации способов имплицитной темпоральной локализации действия в будущем стоит также отнести придаточные предложения условия. В этих конструкциях значение Present Simple как выражающее настоящее или будущее время можно зачастую понять только через главное предложение и наличие в нём модальных глаголов (включая *will*) или форм настоящего времени, что даёт нам основание включить в предложенную классификацию ещё один способ имплицитной темпоральной локализации действия. Кроме того, имплицитное условие в свою очередь косвенно локализует глагол в главном предложении, так как предшествует ему по времени:

e.g. If the regime **holds on** to power by means of Chinese technology, it *will feed* popular anger towards China and its Russian clients [6].

В конструкциях со значением цели также иногда используется Present Simple, что требует от адресата определённых когнитивных усилий для совершения семантического вывода о фактическом времени действия глагола:

e.g. Second, governments should maintain banks' obligation to keep customer information private, so *that* the plumbing **remains** anonymous [7].

Конструкции⁶ со значением условия и цели можно, по-видимому, отнести к синтактико-семантической группе имплицитных средств временной локализации.

Таким образом, разработанная нами классификация средств имплицитной темпоральной локализации действия представляется универсальной почти в полном объёме и работает для всех видовременных форм и модальных конструкций со значением времени. Исключение составляет только «настоящее историческое», которое по определению не может имплицитно локализовать действия в настоящем и будущем. Дополнительным пунктом классификации косвенных способов передачи времени на материале контекстов настоящего и будущего следует, очевидно, признать Present Simple в придаточных условиях и цели, поскольку вывод о том, относится ли действие этих глаголов к настоящему или будущему, не основывается только на их семантике,

⁶ Под конструкцией здесь мы понимаем сочетание (модальной) глагольной формы и соответствующего имплицитного средства временной локализации действия.

но следует из лексико-грамматического окружения и контекста.

Что касается набора пресуппозиций⁷, закладываемых адресантом на этапе создания высказывания о будущем, то он, по всей видимости, не отличается от того, который был рассмотрен нами при когнитивном анализе контекстов, темпорально локализованных в прошлом [3]. Для правильного восприятия имплицитной футуральной информации также необходимо учитывать экзистенциальную пресуппозицию (знание мира) при интерпретации всех семантико-синтаксических способов, прагматическую (знание контекста) для контекстуальных средств и лингвистическую (знание языка и его особенностей) для понимания морфолого-синтаксических способов имплицитной временной локализации.

В плане перспективы дальнейшего исследования отдельное внимание предполагается уделить рассмотрению конструкций “будущее-в-прошедшем”, которые, по-видимому, будут реализовать дополнительный оттенок темпорального значения «следование» в рамках «согласования времён» (И-2):

e.g. As they waited for the decision of Tory members, ordinary Britons, who *had no say* in who **would succeed** Theresa May as prime minister, were left wondering which version of Mr Johnson they would get [9].

Данное предложение представляет собой сочетание в рамках одного высказывания многообразных способов отнесения действия к будущему. На его примере можно продемонстрировать сложность и разноплановость когнитивных усилий, которые должен приложить адресат в процессе инферирования времени действия рассматриваемого глагола. С одной стороны, дейктическим центром для выделенного глагола является претеритная форма *had no say*, по отношению к которой действие *succeed* реализует соотносительную временную локализацию следования (И-2). Значение следования также подкрепляется самой семантикой глагола (то есть задействуется лингвистическая пресуппозиция). Следующим этапом логического вывода будет, по-видимому, расшифровка заложенных автором высказывания экзистенциальных пресуппозиций, связанных со знанием политиче-

ской ситуации в Великобритании и ключевых политических фигур (И-5, 6), что позволяет читателю делать вывод о времени событий. И, наконец, на основании знания широкого контекста сообщения (прагматическая пресуппозиция) следует важный вывод о том, произошло ли уже действие выделенного глагола (*would succeed*) или форма *Future-in-the-Past* используется здесь исключительно из соображений формального согласования времён. В первом случае моментом референции⁸ для обоих глаголов будет один и тот же момент в прошлом, а во втором – моментом референции глагола *succeed* будет являться момент порождения высказывания, то есть момент речи. Для определения момента референции в таком случае также важен широкий информационный контекст. В ситуациях с конструкциями будущее-в-прошедшем инференция об актуальности/неактуальности текстовой футуральности будет, естественно, зависеть, с одной стороны, от фактического взаимодействия момента речи и момента референции (то есть к какой временной сфере с точки зрения автора сообщения принадлежали действия выделенных глаголов в момент создания высказывания), а также от того времени, которое пройдёт между публикацией статьи и её прочтением: чем больше этот разрыв, тем меньше вероятность того, что будущее адресанта всё ещё является будущим адресата. Приведём ещё один подобный пример:

e.g. If “the people” are thwarted by the courts or parliament, they may be driven to unconstitutional action. That’s what some Britons thought the Conservative Party chairman meant when he said that, if they were denied Brexit, they would “look at other ways of initiating change”. And it is what some Americans concluded when Mr Trump *retweeted* a pastor’s warning that impeachment **would “cause a Civil War like fracture in this Nation”** [10].

Помимо всего прочего, в зависимости от актуальности текста когнитивные усилия по интерпретации скрытых футуральных смыслов могут усложняться верификацией предположений о будущем, сделанных адресантом. Это возможно в том случае, если действие, локализованное в момент порождения высказывания в будущем, по прошествии времени становится прошлым для интерпретатора. В процессе по-

⁷ Пресуппозиция – это имплицитный элемент смысловой структуры высказывания/дискурса, отражающий фоновые знания адресанта и адресата и служащий условием успешного осуществления коммуникации.

⁸ Под моментом референции мы понимаем лингвистическую манифестацию точки зрения автора высказывания, своеобразную точку отсчёта для действия всех глагольных форм в предложении.

добной инференции изначально заложенная автором сообщения прагматическая пресуппозиция (знание и учёт ситуации общения) будет трансформироваться по прошествии времени в экзистенциальную (знание и учёт исторических фактов).

Исходя из проведённого нами анализа когнитивных особенностей высказываний с имплицитной футуральностью, можно уже на данном этапе сделать ряд выводов, которые в дальнейшем необходимо будет учитывать для построения универсальной когнитивной модели понимания высказывания, содержащего любую имплицитную темпоральную информацию:

1) Предложенная нами классификация способов имплицитной темпоральной локализации действия может применяться (с некоторыми оговорками) для анализа текстов любой временной отнесённости.

2) Установлено, что при порождении и интерпретации высказывания с имплицитной

футуральной семантикой адресантом и адресатом учитывается тот же набор пресуппозиций (лингвистическая, прагматическая и экзистенциальная), что и для контекстов с претеритной временной локализацией. Тем не менее, при когнитивном анализе дискурса, темпорально локализованного в будущем, необходимо учитывать возможное несовпадение набора пресуппозиций заложенных автором и получаемых читателем/слушателем. Также важно принимать во внимание возможность верификации адресатом предположений, высказанных автором сообщения относительно будущего.

3) По прошествии времени конструкции «будущее-в-прошедшем» могут восприниматься адресатом как принадлежащие целиком прошлому или как частично относящиеся к актуальному для реципиента будущему с соответствующим смещением дейктического центра для отдельных частей конструкции.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка / Л. С. Бархударов. М.: Высш. шк., 1975. 156 с.
2. Кошева И.Г., Дубовский Ю.А. Сравнительная типология английского и русского языков / И.Г. Кошева, Ю.А. Дубовский. Минск. 1980. 270 с.
3. Ларина О. В. Функционирование имплицитных средств темпоральной локализации действия в англоязычном дискурсе: диссертация ... кандидата филологических наук / О.В. Ларина. Москва. 2009. 232с.
4. Селиванова Е.Е. Средства выражения категории футуральности в английском дискурсе: диссертация ... кандидата филологических наук / Е.Е. Селиванова. Москва, 2003. 289с.
5. Anonymous Author. Deathwatch for the Amazon. The Economist, 1 Aug. 2019. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2019/08/01/deathwatch-for-the-amazon> (Accessed 9 October 2019).
6. Anonymous Author. Partnership is much better for China than it is for Russia. The Economist, 27 Jul. 2019. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2019/07/27/partnership-is-much-better-for-china-than-it-is-for-russia> (Accessed 9 October 2019).
7. Anonymous Author. Rich countries must start planning for a cashless future. The Economist, 1 Aug. 2019. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2019/08/01/rich-countries-must-start-planning-for-a-cashless-future> (Accessed 9 October 2019).
8. Anonymous Author. To prevent catastrophic global warming, China must hang tough. The Economist, 19 Sep. 2019. Available at: <https://www.economist.com/china/2019/09/19/to-prevent-catastrophic-global-warming-china-must-hang-tough> (Accessed 9 October 2019).
9. Anonymous Author. To stop no-deal, Tory MPs must be ready to bring down Boris Johnson. The Economist, 27 Jul. 2019. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2019/07/27/to-stop-no-deal-tory-mps-must-be-ready-to-bring-down-boris-johnson> (Accessed 9 October 2019).
10. Anonymous Author. When politicians invoke "the people". The Economist, 1 Oct. 2019. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2019/10/05/when-politicians-invoke-the-people> (Accessed 9 October 2019).

Сведения об авторе:

Ларина Ольга Всеволодовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 8. Сфера научных интересов: грамматика английского языка, когнитивная лингвистика, грамматическая синонимия. E-mail: olga21.06larina@gmail.com.

CLASSIFICATION OF IMPLICIT MEANS OF DENOTING A FUTURE ACTION

Olga V. Larina

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

Abstract: *The article investigates the phenomenon of temporal implicitness and examines different means of temporal location of a future action in the English discourse from the standpoint of cognitive linguistics and functional semantics. We chose to base our research on the texts of leaders/ editorials from The Economist (one of the most influential British journals, the language of which is a good example of modern standard British English), which provided the corpus for the present paper. The examples for our analysis were selected by means of continuous sampling. In the article we explore time-related characteristics of various discourse units describing a future action. In the research we also make an attempt to create a classification of implicit means of future time reference and analyze the peculiarities of generating and interpreting time-implicit texts. The article suggests a universal classification of implicit temporal structures and demonstrates the difference between the sets of implicit means of denoting a past and a future action. In-depth analysis of modality and of "Future-in-the-Past" constructions is reserved for further research.*

Key Words: *classification; inference; implicit means, temporal location; future tense.*

References

1. Barkhudarov L.S. *Ocherki po morfologii sovremennogo angliyskogo iazyka* [Essays on the Modern English Morphology]. Moscow, Vyssh. shk. Publ., 1975. 156 p.
2. Koshevaia I. G. Dubovskii Ju. A. *Sravnitel'naia tipologiya angliiskogo i russkogo iazykov* [Comparative Typology of the English and Russian languages]. Minsk, 1980. 270 p.
3. Larina O. V. *Funktsionirovanie implitsitnykh sredstv temporal'noi lokalizatsii dijestviia v angloiazychnom diskurse: Dis. ... kand. filol. nauk.* [Functioning of Implicit Means of Temporal Location in English Discourse. Cand. Philol. Sci. Diss.]. Moscow, 2009. 232p.
4. Selivanova E.E. *Sredstva vyrazheniia kategorii futural'nosti v angliiskom diskurse: Dis. ... kand. filol. nauk.* [The Means of Expressing the Category of Futurity in English Discourse. Cand. Philol. Sci. Diss.]. Moscow, 2003. 289p.
5. Anonymous Author. Deathwatch for the Amazon. The Economist, 1 Aug. 2019. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2019/08/01/deathwatch-for-the-amazon> (Accessed 9 October 2019).
6. Anonymous Author. Partnership is much better for China than it is for Russia. The Economist, 27 Jul. 2019. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2019/07/27/partnership-is-much-better-for-china-than-it-is-for-russia> (Accessed 9 October 2019).
7. Anonymous Author. Rich countries must start planning for a cashless future. The Economist, 1 Aug. 2019. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2019/08/01/rich-countries-must-start-planning-for-a-cashless-future> (Accessed 9 October 2019).
8. Anonymous Author. To prevent catastrophic global warming, China must hang tough. The Economist, 19 Sep. 2019. Available at: <https://www.economist.com/china/2019/09/19/to-prevent-catastrophic-global-warming-china-must-hang-tough> (Accessed 9 October 2019).
9. Anonymous Author. To stop no-deal, Tory MPs must be ready to bring down Boris Johnson. The Economist, 27 Jul. 2019. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2019/07/27/to-stop-no-deal-tory-mps-must-be-ready-to-bring-down-boris-johnson> (Accessed 9 October 2019).
10. Anonymous Author. When politicians invoke "the people". The Economist, 1 Oct. 2019. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2019/10/05/when-politicians-invoke-the-people> (Accessed 9 October 2019).

About the author:

Olga V. Larina – PhD, Assistant Professor at Department of the English Language №8, MGIMO. Spheres of interest: English grammar, cognitive linguistics, grammar synonymy. E-mail: olga21.06larina@gmail.com.

* * *

О ДИАЛОГИЧНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Н.А. Левковская

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Данная статья, посвящённая проблеме интерпретации политического текста, рассматривает воздействие политической речи в её опосредованном проявлении через средство массовой информации. Автор исходит из положения о том, что текст СМИ ориентирован на приближение к адресату, при этом коммуникативная роль адресата проявляется в диалогизации монолога. Одним из весьма частотных и эффективных лингвистических приёмов является сложное и многофункциональное явление – вопрос-в-монологической речи. В статье подвергается анализу функционирование коммуникативных моделей данного явления. Выделены и репрезентированы три модели: 1) информационно-гносеологическая, 2) эмоционально-экспрессивная и 3) риторико-декларативная. Каждая модель имеет свои специфические функции, направленные на усиление воздействующего потенциала политического текста, что позволяет говорящему / пишущему манипулировать сознанием воспринимающего текст человека. Информационно-гносеологическая модель осуществляет функции запроса на информацию, запроса на расширение и углубление информации, запроса на прогрессию повествования. Эмоционально-экспрессивная модель выявляет функции: вовлечение реципиента в имплицитированный диалог, усиление эмоционального воздействия, зарождение сомнения. Риторико-декларативная модель представлена риторическим вопросом, направленным на передачу определённой важной для автора мысли в «затушёванно» категорической форме. Анализ проводился на материале информационно-аналитической статьи и политического эссе из англоязычных журналов и газет за последние двадцать лет. Анализ показал, что первая модель используется как в информационно-аналитической статье, так и в политическом эссе. Вторая модель в большей степени характерна для информационно-аналитической статьи. Третья модель получила наибольшее распространение в политическом эссе.

Ключевые слова: политический дискурс, диалогичность, вопрос в монологической речи, информационно-гносеологическая модель, эмоционально-экспрессивная модель, риторико-декларативная модель, информационно-аналитическая статья, политическое эссе.

Политика в разных её проявлениях играет весьма значительную роль в нашей жизни. В настоящее время она так или иначе затрагивает практически все области человеческой деятельности, и её влияние всё увеличивается. Воздействие политической речи, не только в прямом её проявлении (например, в обращениях политических деятелей), но и в опосредованном (через средства массовой информации) трудно переоценить.

В наше время аксиоматичным стало утверждение о том, что современные СМИ призваны в первую очередь оказывать влияние на формирование общественного мнения. Любой читатель или слушатель в той или иной мере, явно или скрытно, подвергается воздействию средств массовой коммуникации. Поскольку прямое, очевидное воздействие воспринимается как навязывание чужой точки зрения и чаще всего вызывает негативную реакцию, получил рас-

пространение медиа конструкт, выстраиваемый таким образом, чтобы адресат был убеждён, что внушаемая ему реальность является его личным взглядом на мир.

В статье подвергается анализу сложное лингвистическое явление – вопрос-в-монологической речи с целью показа функции его коммуникативных моделей, способствующих усилению воздействующего потенциала текста. Анализ проводился на материале информационно-аналитической статьи и политического эссе из англоязычных журналов и газет.

Как известно, средства массовой коммуникации характеризуются неоднородностью, синкретичностью языка, которая проявляется в размытости стилевых границ, во взаимопроникновении и взаимодействии характерных черт разных стилей – газетного, публицистического, научного, художественного. Синкретичны они и в том, что в них используются разные формы речи – устная и письменная: «...массовая информация – комплексный по способу создания и всеобъемлющий по устно-письменным источникам текст, так как ... охватывает, обнимает своим содержанием все прочие разновидности устного и письменного слова» [5, с. 227].

Устная и письменная формы коммуникации имеют свои отличительные черты. Для устной формы общения характерно наличие как минимум двух собеседников, и её доминирующим свойством является диалогичность, осуществляемая с помощью вопросно-ответных комплексов. Монологическая же речь предполагает, чаще всего, одного пишущего /говорящего и физическое отсутствие реципиента. Однако, подобные представления давно ушли в прошлое, и это, в частности, в первую очередь относится к текстам (письменным и устным) массовой коммуникации. Считается, что любой текст массовой коммуникации ориентирован на приближение к адресату. Направленный на внушение, он вынужден учитывать систему взглядов потенциального реципиента с целью модификации его мнения, позиции, мотивировки действий. Таким образом, по справедливому замечанию О.Л. Каменской, текст представляет собой «продукт селекции, которая осуществляется с ориентацией на некий образ адресата данного текста» [3, с. 126]. Автор моделирует интерактивность текста, оптимизируя воздействие на адресата и создавая общее когнитивное, психологическое и языковое поле. Это достигается за счёт придания тексту явной или скрытой диалогичности.

Коммуникативная роль адресата проявляется в диалогизации монолога, иными словами, через искусственно создаваемый диалог с имплицированным читателем (*implied reader* – термин В. Изера) [14, p. 183].

Адресованность, согласно М.М. Бахтину, означает, что любая речевая активность осуществляется в континууме Я – Другой. То есть можно сказать, что в самом высказывании содержится его адресованность, «специфическая, диалогическая интенциональность», а также специфическая форма Другого: «всякое высказывание строится с учётом возможных ответных реакций» [1, с. 248]. В этом плане актуальным становится понимание диалога как универсального явления, которое охватывает не только устную речь, но и вообще всякое смысловое образование. Это, в частности, означает, что диалогические отношения в широком понимании охватывают не только диалогические реплики, но и любые формы общения. Следует отметить, что одна из новейших разработок в русле теории диалога ввела специфический термин «диалогистика», подчёркивая значимость понятия «диалогическое общение» [6, с. 112].

Как уже отмечалось многими исследователями, основной задачей СМИ является «формирование общественного мнения, создание определённого идеологического фона, пропаганда той или иной системы ценностей...» [2, с. 19]. Оказывая влияние на все социально-политические процессы в обществе, СМИ создают то концептуальное пространство, в котором живёт современный человек. Именно в средствах массовой коммуникации наиболее отчётливо проявляется воздействующая функция языка.

Таким образом, СМИ не столько информируют, отображая окружающую действительность, сколько интерпретируют её с точки зрения той или иной идеологии и представляют читателям и слушателям понимание происходящих событий, воссоздавая их в свете определённой системы социо-культурных ценностей и политических воззрений. Эта задача осуществляется разными способами: отбором фактического материала, установлением приоритетности, сочетанием визуальных и вербальных компонентов [4, с. 679], использованием тех или иных лингвистических средств и приёмов, среди которых вопрос в монологической речи играет весьма значительную роль.

Вопрос в монологической речи – явление сложное и многофункциональное. Безусловно,

он, в первую очередь, как всякое обращённое к собеседнику слово, призван нести информационную задачу. С другой стороны, будучи использованным в «чуждом» для него контексте, он приобретает дополнительное значение – эмоционально-экспрессивное. В связи с этим, можно выделить три значимые коммуникативные модели вопроса в монологической речи: информационно-гносеологическую, эмоционально-экспрессивную и риторико-декларативную.

Информационно-гносеологическая модель, непосредственно отображающая содержательный аспект текста, имеет несколько специфических функций: запрос на информацию, запрос на расширение и углубление представленной информации, запрос на прогрессию повествования. В свою очередь эмоционально-экспрессивная модель выявляет: функцию вовлечения реципиента в имплицированный диалог, функцию усиления эмоционального воздействия на собеседника, функцию зарождения сомнения. И третья модель – риторико-декларативная – представлена риторическим вопросом, который является вопросом только по форме, а по содержанию представляет собой «вводную структуру псевдовосклицательного характера» [11, р. 248], не требующую ответа и выявляющую мотивацию намерений собеседника.

Все три вышеназванные модели активно используются в политическом дискурсе. Ставя своей задачей оказать то или иное воздействие на реципиента, политическая речь всегда направлена на вовлечение адресата в коммуникативные действия, чему способствует реализация данного явления. Рассмотрим функционирование всех трёх моделей на материале политических текстов – информационно-аналитическая статья и политическое эссе – из журналов: *the Economist*, *Foreign Affairs*, *The National Interest*, *The New Yorker*; и газет: *The Guardian*, *The Times*, *The Sunday Times*, *The Financial Times*, *The Telegraph*, *The Washington Post*, *The New York Times*, *International Harold Tribune*, *US Today* за последние 20 лет.

1. Информационно-гносеологическая модель.

Данная модель имеет три разновидности: запрос на информацию, запрос на расширение и углубление информации, запрос на прогрессию повествования.

а) Основопологающей функцией первой разновидности является запрос на информацию, в первую очередь запрос на определение анализируемого в тексте явления. Например:

«*Why does the UK love the monarchy?*» [10];

«*How did we get here?*»; «*Who is to blame? – an «accursed» question*» [20].

Сюда же относятся так называемые фундаментальные вопросы:

«*Did Russia's 1917 Leninist coup lead inexorably to Soviet tyranny, and was the attempt to force as socialist vision on a preindustrial society doomed from the very beginning?*» [8];

«*Yet when asked specific questions – Would Britain quit the EU's single market? What migration controls would it seek? Would it stay in Europe? When would negotiations start? – he gave only vague answers*» [18].

Как показал анализ, данная модель использует общие и все виды специальных вопросов (*wh-questions*), примерно 50/50. В газете они чаще всего употребляются в заголовках и подзаголовках. При этом обращённый к читателям вопрос даёт ему основание полагать, что это он (читатель) в конечном счёте вместе с автором пришёл к решению предлагаемой проблемы. В аналитической статье данная модель чаще всего употребляется в заголовках и подзаголовках. В таком случае вся статья является ответом на поставленный вопрос.

б) Запрос на расширение и углубление получаемой информации. Эта разновидность модели требует ответа на дополнительные аспекты описываемого в тексте явления и на уточнение предоставляемой информации.

«*How hard is reform and what has to change?*» [7];

«*But why exactly is Ireland's deficit so huge?*» [9];

Очевидно, что подобные вопросы помогают автору, в первую очередь, структурировать текст статьи. Однако, кроме этого, они способствуют выдвижению наиболее значимой с точки зрения адресанта информации и тем самым являются средством воздействия на адресата.

в) Запрос на прогрессию повествования. Как известно, развёртывание текста осуществляется разными способами. Одним из них является использование *wh-questions*.

«*Now there's a problem there, and we'll come back to it in a minute, which is that if you bring the most powerful together to make rules in treaty-based institutions, to fill that governance space, then what happen to the weak who fell out? And that's a big problem, and we'll return to it in just a second*» [7];

«*What to do? How should they be controlled?*» [13].

Так же, как и в предыдущем случае, запрос на развёртывание повествования упорядочивает

структуру статьи, одновременно подчёркивая важность определённого момента и характер развития аргументативного отрезка статьи.

2. Эмоционально-экспрессивная модель.

Данная модель используется в первую очередь для оказания эмоционального влияния на адресата. Обладая эмоционально-экспрессивной составляющей, она воздействует на его чувства, привлекая его на сторону адресанта. Эта модель также имеет три разновидности:

а) Вовлечение реципиента в диалог:

«Remember the village from the Asterix stories? That hold-out image rather sums up Europe's self-image today ...» [19]

«You remember Agatha Christie's classic whodunit *Murder on the Oriental Express?*» [9].

Прямое обращение к читателю всегда экспрессивно. Данный приём, так называемый *hooking technique*, во-первых, призван привлечь внимание читателя, «заставить» его прочитать статью. А во-вторых, «перетягивает» его на сторону автора, имплицитно сходясь взглядов и переживаемых настроений.

б) Усиление воздействия при помощи сочетания разных языковых средств. Эту разновидность модели характеризует конвергенция языковых и стилистических приёмов. Например:

«Lose some, Win some?» [15].

Повтор и антитеза, используемые в данном примере, придают этой лаконичной фразе большую ёмкость и значимость. Всё вместе взятое призвано оказать большое воздействие на читателя.

В другом примере «*The German presidency costs about the same as the Queen, but how many tourists line the streets of Berlin to catch a glimpse of her – what is his name?*» [21] очевидно намерение автора усилить эмоционально экспрессивное воздействие. Логическая аргументация «растворяется» в самой постановке вопроса – Как часто президенты устраивают «показательные» выезды? – а употребление чисто разговорных элементов инициирует общение.

в) Зарождение сомнения. Например:

«Are *globalized economies* more unequal than *nonglobalized ones*?...»

«...The point is not that promoting globalization would promote equality, but that the foregrounding of globalization as the cause of inequality isn't a simple case to make» [12].

Как видно из контекста, вводимый автором вопрос призван поставить под сомнение убеждение антиглобалистов в том, что глобализация

увеличивает неравенство людей. Автор статьи не пытается декларировать это положение, он предлагает читателю альтернативу (*globalized economies vs non globalized ones*), при этом он делает это не совсем корректно, впадая в демагогию (*The point is not that promoting globalization would promote equality*).

В другом примере «*Whose army – if not America's – will chase Isis to the "gates of hell"*» [16] парентетическое вкрапление (*if not America's*) «навязывает» читателю ответ, но вопросительная форма предложения сглаживает категоричность авторского утверждения.

3. Риторико-декларативная модель.

Эта модель представлена риторическим вопросом. В политическом дискурсе стилистический приём риторического вопроса явление далеко не редкое и в первую очередь характерное для выступлений, например, перед избирателями предвыборных кампаний. Но и в текстах газет и журналов данный стилистический приём играет весьма существенную роль. Например:

«Before Google and Facebook, Alta Vista and MySpace were the bee's knees. Who remembers them?» [13].

Очевидно, что данный вопрос не требует никакого ответа. Он используется в качестве выразительного средства для концентрации внимания читателя именно на названных автором компаниях.

Следующий пример показывает, как автор использует риторический вопрос для получения у читателя необходимой автору эмоции: *How do you proclaim the virtues of your nation and its ability to steer its own cause without sounding boastful or conveying a sense of exceptionalism?* [17]. Кевин Маккена неодобрительно относится к националистическим настроениям в Шотландии. Но не желая настраивать против себя аудиторию, выражает свою позицию с помощью риторического вопроса, в котором явно видны затуманенная похвальба и чувство своей исключительности.

Безусловно, данные модели редко выступают в своём «чистом» виде. Та или иная функция информационно-гносеологической модели присутствует практически везде. Слово информативно постольку, поскольку оно значимо. Поэтому очевидно, что эта модель активно используется как в информационно аналитической статье, так и в политическом эссе.

С другой стороны, эмоционально-экспрессивная модель осуществляет свои функции уже одним своим присутствием в монологической

речи. Так называемый вопрос-в-повествовании является узнаваемым стилистическим приёмом, поскольку способствует выдвиганию определённой информации, указанием на её значимость для адресанта, добиваясь нужного эффекта с помощью воздействия на чувства читателя. Данная модель в большей степени характерна для информационно-аналитической статьи.

Риторико-декларативная модель, представленная риторическим вопросом, передаёт

определённую важную для автора мысль, но в «затушёванной» категорической форме. Столкнувшись с уверенной определённой информацией с вопросительной формой придаёт этому явлению экспрессию и усиливает воздействующую функцию риторического вопроса. Данная модель получила наибольшее распространение в политическом эссе, что вполне закономерно, учитывая полемический характер эссе как жанра публицистики.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С.248 – 296.
2. Добросклонская Т.Г. Теория и методы медиалингвистики (на материале английского языка): дис. док. филол. наук. М., 2000. 364 с.
3. Каменская О.Л. Текст и коммуникация: Учебное пособие. М., Высшая школа, 1990. 126 с.
4. Левковская Н.А. Прагматическая интеграция: соотношение вербальных и визуальных компонентов политического дискурса как фактор идеологического воздействия// Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания. М., 2015. С. 677–684.
5. Рождественский Ю.В. Теория риторики. М.: Добросвет, 1997. 227 с.
6. Хализев В.Е. Теория литературы: учеб. для вузов. 4-е изд. М.: Высшая школа, 2004. 112 с.
7. Ashdown, P. The Global power shift [Electronic resource]/ A. Ashdown. – Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=zuAj2F54bdo> (accessed 26.07.19).
8. Avineru, S. The Strange Triumph of Liberal Democracy/ S. Avineru. Foreign Affairs, January/February, 2012.
9. Ferguson, N. Murder on the EU Express/ N. Ferguson. Newsweek, April 3rd, 2011.
10. Gaston, M. Why does the UK love the monarchy? [Electronic resource]/ M. Gaston. – Access mode: <https://www.bbc.com/news/uk-18237280> (accessed 26.07.19).
11. Galperin I.R. Stylistics. Moscow: Higher School Publishing House, 1971. p. 248.
12. Henwood, D. Beyond Globophobia/ D. Henwood. The Nation, November 13th, 2003.
13. How to tame the tech titans. The Economist, January 20th, 2018.
14. Iser, W. The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response. The Johns Hopkins University Press, 1978. p. 183.
15. Kinsman, G. On heaving Europe/ G. Kinsman. International Herald Tribune, June 26th, 2006.
16. Lace, E. America's perpetual war on Terror by any other name/. The Financial Times, September 14th, 2014.
17. McKenna, K. England's sorry delusions are Scotland's best argument for independence/ K. McKenna. The Guardian, November 4th, 2018.
18. So what will Brexit really mean? Theresa May's ministers are carefully avoiding specific answers. The Economist, September 6th, 2016.
19. The EU's copyright reform is an example of "a Europe that protects". The Economist, March 26th, 2019.
20. Treisman, D. Blaming Russia First/ D. Treisman. Foreign Affairs, November/December, 2000.
21. Warner, G. The Royal Family Is a Bargain for Britain/ G. Warner. The Telegraph, June 23rd, 2010.

Сведения об авторе:

Левковская Нина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка №1, МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных интересов: стилистика английского языка, когнитивная лингвистика, лингвистика текста. E-mail:levknina@yandex.ru.

DIOLOGICAL ASPECT OF POLITICAL DISCOURSE

Nina. A. Levkovskaya

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

Abstract: *The article is devoted to the problem of interpretation of the political text and reveals the influence of political speech on the addressee indirectly through mass media communication. The author comes from the assumption that mass media aims at making the addressee interactive, with the communication role of the latter showing itself in the dialogization of the monologue. One of the most frequent and effective linguistic devices is question in the monological speech. The article reveals realization of three communicative models of functioning of this phenomenon created by the author: informative-gnoseological, expressive-emotive, rhetoric-declarative. All the functions of the analyzed models aim at increasing the pragmatic impact of the text thus enhancing its effect on the audience. So, informative-analytical article and political essay from English magazines and newspapers for the last twenty years were in the focus of the analysis. The results of the research could be used both by scholars in linguistics and by students at the newspaper class.*

Key Words: *political discourse, dialogical aspect, question-in-the-monological speech, informative-gnoseological model, expressive-emotive model, rhetoric-declarative model, informative-analytical article, political essay.*

References

1. Bakhtin, M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of written word]. Moskva: Iskusstvo, 1979. pp. 248-296.
2. Dobrosklonskaia, T.G. *Teoriia i metody medialingvistiki: na materiale angliiskogo iazyka* [Theory and methods of media linguistics: on the basis of the English language]: dis. dok. filol. nauk. Moskva, 2000. 364 p.
3. Kamenskaia, O.L. *Tekst i kommunikatsiia* [The text and communication]: uchebnoe posobie. Moskva: Vysshaia shkola, 1990. 126p.
4. Levkovskaia, N.A. *Pragmaticheskaia integratsiia: sootnoshenie verbal'nykh i vizual'nykh komponentov politicheskogo diskursa kak faktor ideologicheskogo vozdeistviia* [Pragmatic Integration: Correlation of Verbal and Visual Components of Political Discourse as Factor of Ideological Influence]// *Magiia INNO: novoe v issledovanii iazyka i metodike ego prepodavaniia*. Moskva, 2015. pp.677-684.
5. Rozhdestvenskiy, YU.V. *Teoriia ritoriki* [The theory of rhetoric]. Moskva: Dobrosvet, 1997. 227 p.
6. Halizev, V.E. *Teoriia literatury* [The theory of literature]: uchebnoe posobie. 4-e izd. Moskva: Vysshaia shkola, 2004. 112 p.
7. Ashdown, P. *The Global power shift* [Electronic resource]// A. Ashdown. – Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=zuAj2F54bdo> (accessed 26.07.19).
8. Avineru, S. *The Strange Triumph of Liberal Democracy*/ S. Avineru. *Foreign Affairs*, January/February, 2012.
9. Ferguson, N. *Murder on the EU Express*/ N. Ferguson. *Newsweek*, April 3rd, 2011.
10. Gaston, M. *Why does the UK love the monarchy?* [Electronic resource]// M. Gaston. – Access mode: <https://www.bbc.com/news/uk-18237280> (accessed 26.07.19).
11. Galperin I.R. *Stylistics*. Moscow: Higher School Publishing House, 1971. p. 248.
12. Henwood, D. *Beyond Globopobia*/ D. Henwood. *The Nation*, November 13th, 2003.
13. *How to tame the tech titans*. *The Economist*, January 20th, 2018.
14. Iser, W. *The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response*. The Johns Hopkins University Press, 1978. p. 183.
15. Kinsman, G. *On heaving Europe*/ G. Kinsman. *International Herald Tribune*, June 26th, 2006.
16. Lace, E. *America's perpetual war on Terror by any other name*/. *The Financial Times*, September 14th, 2014.
17. McKenna, K. *England's sorry delusions are Scotland's best argument for independence*/ K. McKenna. *The Guardian*, November 4th, 2018.
18. *So what will Brexit really mean? Theresa May's ministers are carefully avoiding specific answers*. *The Economist*, September 6th, 2016.
19. *The EU's copyright reform is an example of "a Europe that protects"*. *The Economist*, March 26th, 2019.
20. Treisman, D. *Blaming Russia First*/ D. Treisman. *Foreign Affairs*, November/December, 2000.
21. Warner, G. *The Royal Family Is a Bargain for Britain*/ G. Warner. *The Telegraph*, June 23rd, 2010.

About the author:

Nina A. Levkovskaya – PhD in Linguistics, Professor at English Language Department No. 1, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: English stylistics, cognitive linguistics, text linguistics. E-mail: levknina@yandex.ru.

★ ★ ★

ДИХОТОМИЧЕСКИЕ ДИАДЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ КЛЮЧЕВЫХ ЦЕННОСТЕЙ АРМЕЙСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

А.С. Романов, Е.В. Лупанова

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации
123001, г. Москва, ул. Б. Садовая, д. 14

В статье раскрывается специфика профессиональной картины мира американского военнослужащего, осмысленная сквозь призму дихотомических диад фразеологии. Исходя из понимания фразеологического фонда языка как основного материала исследования автохтонного языкового сознания, авторы подчёркивают смежность общенациональной и социально отмеченной военной идиоматики. Образные системы последней позволяют рассмотреть особенно-сти мировоззрения военнослужащих, выявить морально-нравственные установки и аксиосферу представителей военного социума США.

Очевидная актуальность глубокого осмысления особенностей мировосприятия потенциального противника предопределила стремление авторов публикации запечатлеть систему ценностей воинской «касты» на основе дихотомических диад ФЕ. Отмечается, что английская идиоматика понятийной сферы «Война» включает устойчивые словосочетания, в семантике которых отражены идеалы и антиобразцы военной субкультуры, спектр одобряемого и порицаемого поведения, характерные приметы речевого репертуара военнослужащих.

В идиоматическом строе языка запечатлены ключевые ценности и антиценности армейской субкультуры. Делается вывод о том, что социально маркированные фразеологические единицы, наделенные особым символизмом, обладают ярко выраженной оценочностью и экспрессией, отражают стереотипы массового языкового сознания.

Ключевые слова: фразеологическая единица, дихотомическая диада, военная субкультура, культурная коннотация, оценочность, символизм, стереотип, культурные ценности и антиценности.

Проблематика исследования фразеологического пласта лексики, восходящей к культурно-историческому наследию той или иной национальной (этнической) общности, по-прежнему сохраняет свой эвристический потенциал. Фразеологические единицы как особые вербально-культурные знаки общенародного языка отражают обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива [9, с. 13].

Фразеологический фонд апеллирует к об-разной перцепции окружающего мира. Фразеологические единицы (далее также – ФЕ) обладают внутренней формой, эксплицирующей национально-специфичные образы и смыслы. На основании метафорического переноса ФЕ наделяет содержание устойчивого словосочетания яркой, запоминающейся формой [2, с. 254]. Фразеологизмы характеризуются поликомпонентностью, устойчивостью, метафоричностью,

оценочностью, экспрессивностью, идиоматичностью, а также невыводимостью семантики фразеологизма из суммы его лексических составляющих [10, с. 144-145].

Фразеологический фонд языка имеет глубокую связь с культурой, историей и традициями этнической общности. В семантике фразеологических единиц отражены культурные установки, стереотипные представления, эталоны и архетипы.

Целью данной статьи ставится проведение интроспективного аксиометрического анализа национальных (этнических) авто- и гетеростереотипов о военном социуме США, эксплицированных во фразеологических единицах. Стереотип как вид мифологического сознания, формируемого на основе чужого практического опыта, позволяет проникнуть в мир ценностей военного социума США, позволяет запечатлеть морально-психологический портрет собирательного образа американского военнослужащего. Военную субкультуру как часть культуры этнической общности отличают особые смыслы, эталоны, символы и стереотипы, служащие для наименования объектов окружающей действительности исходя из специфики армейского социума [3, с. 202].

Неотъемлемой составляющей семантики устойчивых словосочетаний выступает этическая оценка, выражаемая эксплицитно или имплицитно. Под импликацией в широком смысле И.В. Арнольд понимает прочитываемые реципиентом, хотя и вербально невыраженные, смыслы. Безоценочность и стёртость внутренней формы лексических компонентов, образующих фразеологизм, свидетельствуют об оценочной имплицитности ФЕ. Имплицитные семы – элементы значения, присутствующие в плане содержания и отсутствующие в плане выражения [1, с. 147-148].

Интерпретация эмотивно-оценочной коннотации фразеологизма, которая может как гармонировать с положительными национально-культурными установками, так и противоречить им, – важный компонент лингвокультурологического анализа. Семантика ФЕ может выражать одобрение или порицание (презрение, осуждение, пренебрежение и т. п.) [8, с. 232]. Оценочность выражена эксплицитно в том случае, если лексический состав ФЕ обнаруживает собственно оценочные слова, аксиологические предикаты общей оценки «хорошо» или «плохо», существительные и глаголы с оценочным

значением, а также дескриптивные прилагательные.

Под культурной коннотацией понимается результат соотнесения образа фразеологизма с некими стереотипами, свойственными национальному менталитету [8, с. 231]. Коннотация определяется как эмоциональная, стилистическая или оценочная окраска языковой единицы. Коннотация придает языковой единице экспрессивную окрашенность на основании исторических и мировоззренческих знаний носителя языка, его отношения к обозначаемому явлению [7, с. 236].

На материале дихотомических диад ФЕ обосновывается тезис о том, что слагаемые воинского этоса отражены в идиоматике национального языка. Исследование ФЕ позволяет выявить аксиологические доминанты армейской (военной) субкультуры. Полюса диад образованы парой антонимичных фразеологизмов, эксплицирующих ценности и антиценности армейской субкультурной среды. С опорой на электронные сетевые ресурсы, лексикографические источники, одноязычные и двуязычные справочные издания (словари военного сленга, фразеологические словари и глоссарии) анализируются следующие дихотомические диады ФЕ:

- **“Selfless service and commitment – Laziness”** – «Добросовестность и самоотдача – Нерадивость»;
- **“Combat exposure – Lack of combat experience”** – «Наличие боевого опыта – Отсутствие боевого опыта»;
- **“Feeling of common touch – Egoism”** – «Чувство товарищества – Эгоизм»;
- **“Valour and Honor – Faint-heartedness”** – «Мужество и честь – Малодушие»;
- **“Professionalism and combat readiness – Lack of Professionalism”** – «Профессионализм – Непрофессионализм»;
- **“Enthusiasm and vigour – Lack of enthusiasm”** – «Энтузиазм и энергичность – Инертность».

“Selfless service and commitment – Laziness”

Профессиональная выучка военнослужащего – гарант не только его собственной жизни, но и жизнью братьев по оружию. Именно поэтому ключевыми аксиологическими доминантами военной субкультуры выступают профессиональные знания и навыки. В качестве иллюстрации приведем расхожее в армейской среде выражение *train hard, fight easy and win or train easy*,

fight hard and die 'тяжело в учении, легко в бою'. Входящий в состав ФЕ лексический компонент *train hard* указывает на важность *трудолюбия* и *целеустремлённости* в процессе овладения воинской профессией. В образном основании фразеологизма заключено неприятие легкомысленного отношения к любому виду деятельности. Названным универсальным культурным установкам противопоставлены *праздность* и *леность*, реализуемые в языке посредством таких устойчивых оборотов военного социолекта, как *horse around, do smth. in a slipshod manner, lounge away one's life* и др. [5, с. 156].

В качестве примера обратимся к изречению *if you can't stand the heat, get out of the kitchen*, дословно означающего 'если не выносишь жара, на кухне тебе делать нечего'. Семантическое значение опасности в приводимой ФЕ реализовано в словосочетании *to stand the heat*. Фразеологизм транслирует стереотипное представление об армии как социальном институте, связанном с риском для жизни. Сема опасности «военной кухни» отражена во фразеологизмах *go West / hit the glory road* 'принять смерть, погибнуть'; *fight to the bitter end* 'сражаться героически, сражаться до последней капли крови'; *die with one's boots on* 'пасть на поле брани'; *death is the great leveler* 'пред ликом смерти все едины' [6; 15].

Культурные ценности, как отмечает В.А. Маслова, запечатлены в семантике лексико-фразеологических единиц и паремий, одобряющих определённые личностные качества и осуждающих пороки и недостатки [4, с. 112]. В связи с этим правомерно говорить и о системе антиценностей, бытующих в армейской (военной) субкультурной среде *GI*. Порицание *лености* и *хитрости*, препятствующих надлежащему исполнению воинского долга, запечатлено в таких лексико-фразеологических единицах, как *devil-may-care attitude* 'недобросовестное, наплевательское отношение к службе'; *ride the sick book / ride the sick list* 'симулировать болезнь для того, чтобы получить освобождение от исполнения служебных обязанностей'; *gold brick* 'симулянт, нерадивый солдат'; *feather merchant* 'бездельник, лодырь'; *liberty hound / coffee cooler* 'сачок, лентяй' [6; 13].

"Combat exposure – Lack of combat experience"

Наличие боевого опыта выступает одним из критериев профессиональной компетенции. Именно боевой опыт способствует формиро-

ванию подлинно братских, в высшей степени доверительных отношений между военнослужащими. Отсутствие боевого опыта может свидетельствовать как о профессиональной незрелости, так и о малодушии.

Приведём в качестве иллюстрации фразеологизм *baptism of fire* 'крещение огнём, боевое крещение'. По одной из версий, идиома содержит аллюзию к предаваемым огню мученикам во имя веры. В XIX веке происходит семантическая трансформация приводимой ФЕ. Устойчивое изречение обрело новый смысл, соотносимый с принятием военным боевого крещения [12, с. 19]. Наличие боевого опыта – тот критерий, который отличает закалённого в бою профессионала от неопытного, «зелёного» новобранца. Изречение «крещение огнём», восходящее к христианской традиции, ассоциируется со страданиями и гонениями во имя веры, во имя Христа. Получение боевого опыта подобно обряду инициации, превращающего вчерашнего новобранца в полноценного члена воинского коллектива [5, с. 159].

Ценность боевого опыта как одной из ключевых доминант военной субкультуры заключена в образном основании таких ФЕ, как *been to the wars* 'опытный'; *soldier of the seven seas* 'морской пехотинец (досл. солдат семи морей)'; *son of Mars* 'Марсов сын, военнослужащий'; *lean, mean, fighting machine* 'находиться в отличной форме, физической и морально-психологической'.

Отсутствие боевого опыта и характер профессиональной деятельности в структуре вооружённых сил нередко становятся питательной средой для порождения ряда фразеологизмов, имеющих негативно-оценочную коннотацию. Ср.: *a man behind the man behind the gun* 'тыловая крыса'; *chair-borne commando / desk jockey / carpet soldier* '«паркетный» военнослужащий'; *Purple Seat job / pencil pusher* 'штабная (канцелярская) должность' [6; 13; 16].

"Feeling of common touch – Egoism"

Чувство товарищества, готовность к самопожертвованию в минуту опасности выступают профессионально обусловленными аксиологическими ориентирами военной субкультуры. Универсальным для всех воинских формирований вооружённых сил США выступает девиз *"We leave no man behind"* – «Мы своих не бросаем». В семантике ряда фразеологизмов *two is one and one is none* 'один в поле не воин'; *shoulder to*

shoulder 'плечом к плечу'; *all hands on deck!* 'свить всех наверх, все сюда'; *as one man / all to the last man* 'один за всех, и все за одного' выступает идея исключительности воинского братства как социально-профессиональной общности, пронизанной духом коллективизма.

В семантически антонимичных фразеологизмах *an only apple in the orchard / an only oyster in the stew / an only pebble on the beach* 'эгоистичный человек' отражено негативное отношение представителей военного социума к проявлениям девиантного поведения. В приводимых идиомах подчёркивается решительное осуждение эгоцентризма, подрывающего сплочённость и боеспособность воинского коллектива [11; 13; 14; 16].

"Valour and Honor – Faint heartedness"

Мужество, честь мундира, волевые качества и жертвенность во имя высоких идеалов противопоставлены малодушию. В коллективном сознании носителей воинской культуры референтный облик американского военнослужащего ассоциируется с героизмом, дисциплинированностью, готовностью к любым испытаниям, берущей города смелостью, приверженностью высоким идеалам воинского этоса. Ср.:

- *at any cost / price* 'любой ценой';
- *bite the bullet* 'мужественно, стоически переносить испытания, лишения, физическую боль'. Приводимая ФЕ ассоциируется с прецедентной ситуацией на поле боя, связанной с острым дефицитом медикаментов. В отсутствие анестезии раненому, оказавшемуся на хирургическом столе, предлагалось закусить в зубах пулю для того, чтобы хоть как-то облегчить страдания. Со временем ФЕ приобрела фигуральное значение;
- *blood and guts* 'мужество, отвага, готовность к самопожертвованию';
- *die with one's boots on* 'погибнуть при исполнении воинского долга';
- *last-ditch effort* 'ещё немного, ещё чуть-чуть, из последних сил'. В приводимой ФЕ подчёркиваются императивы упорства и целеустремлённости в достижении военнослужащим поставленной цели;
- *stick to one's guns* 'бескомпромиссность, твёрдость убеждений'. Метафорический образ орудийного расчёта, выполняющего боевую задачу под шквальным огнём неприятеля, в имплицитной форме выражает значимость таких качеств, как мужество, стойкость, решитель-

ность. Ср. также ФЕ *take a stand / hold the line* 'удерживать занимаемые позиции'. Переносное значение рассматриваемых фразеологизмов соотносится с твёрдостью характера, силой воли военнослужащего [6; 11; 13; 14].

Обратимся к идиоматическим выражениям, эксплицирующим презрительное отношение к трусости и предательству как наиболее постыдным проявлениям человеческой натуры. Ср.:

- *lay down one's arms / lower (strike) one's colours / throw down one's arms* 'сложить оружие, капитулировать, признать поражение';
- *lose one's battle* 'потерпеть поражение, неудачу';
- *turn one's coat* 'перейти на сторону неприятеля, предавать свои убеждения и взгляды'.

Неумение совладать с собственными страхами, нервозность и паническое поведение военнослужащего в критической ситуации подвергаются осуждению. Об этом свидетельствуют такие идиомы, как *press the panic button* 'паниковать', *be jumpy as a bag of fleas* 'находиться в нервном состоянии, быть как на иголках'; *cry wolf* 'поднимать ложную тревогу' [3, с. 203-204].

"Professionalism – Lack of Professionalism"

Собирательный образ служивого человека ассоциируется не только с профессионализмом, боеготовностью, высоким уровнем физической и моральной подготовки, но и с осведомлённостью, умением хранить государственную тайну, опрятным внешним видом. Ср.:

- *armed to the teeth, to be* 'вооружённый до зубов'. Датированное XIV веком устойчивое речение соотносилось с надлежащей экипировкой рыцаря, облачённого в доспехи с головы до пят;
- *at the ready* 'в состоянии готовности, на чеку'. В своём исконном значении рассматриваемая идиома означала приведение огнестрельного оружия к бою для поражения избранной цели. Имплицитный посыл ФЕ заключается в том, что военнослужащий всегда готов к выполнению приказа.

Неотъемлемой характеристикой психологического портрета собирательного образа военнослужащего выступает специфический юмор. Ср.:

- *Purple Heart box* 'машина с лёгкой броневой защитой; броневый автомобиль; бронетранспортер; танк';
- *that's all she wrote* 'письмо солдату от супруги или возлюбленной с дурными вестями' (расторжение помолвки, развод и т. п.).

Приведём примеры фразеологизмов, свидетельствующих о таких проявлениях непрофессионализма, как неумение держать язык за зубами, грубость, вульгарность, необразованность, низкий уровень интеллекта. Ср.:

– *an empty suit* ‘некомпетентный, а потому бесполезный офицер’;

– *save your breath to cool your porridge!* ‘держи язык за зубами!’ О важности молчаливой осведомлённости как профессиональной добродетели свидетельствует идиома *loose lips sink ships* ‘болтать – врагу помогать’;

– *swear like a trooper* ‘ругаться на чём свет стоит’. Характерными приметами «речевого паспорта» профессиональной группы военнослужащих выступают вульгарность речевого поведения и общенность лексикона. Начиная с середины XVIII века пейоративно маркированное выражение *swear like a trooper* стало прочно ассоциироваться с рядовым составом кавалерийских войск;

– *tell that to the marines!* ‘повесь эту лапшу на уши морпехам!’ Приводимое изречение выражает крайнюю степень недоверия к сказанному, скепсис. В идиоме морские пехотинцы выступают эталоном наивности и откровенной глупости. ФЕ отражает распространённый с начала XIX века стереотип о том, что морпехи доверчивы и не обременены интеллектом [6; 11; 12].

“Enthusiasm – Lack of enthusiasm”

Неизменными атрибутами референтных мифологических персонажей армейского фольклора *Mr. Army* и *Captain Jack* выступают молодцеватость, энергичность и рвение. Ср.:

– *on the firing line* ‘занимать активную позицию в какой-либо деятельности’ (досл. находиться на рубеже ведения огня);

– *rise and shine!* ‘проснись и пой!’;

– *rootin’, tootin’ son of a gun* ‘энергичный человек, исполненный энтузиазма военнослужащий’ (досл. шумный, активный, хвастливый сукин сын);

– *with flying colours* ‘успешно справиться с поставленной задачей, добиться успеха’.

В качестве антиценностей армейской субкультуры выступают вялость, заторможенность, безынициативность, апатия. Ср.:

– *Adam with an anchor / Adam with a dead battery* ‘женатый мужчина; необщительный, скучный человек’;

– *low on lamps and voltage* ‘безынициативный, не отличающийся умом человек’;

– *sleeping Jesus* ‘ленивый, медлительный человек’ (досл. погружённый в сон Иисус) [6; 13].

Фразеологический строй языка отражает исторический опыт народа, его национальное мировосприятие. Исследование социально отмеченных лексико-фразеологических единиц позволяет запечатлеть систему духовно-нравственных доминант воинского этоса. В английской идиоматике с исходной понятийной сферой «Война» отражены идеалы и антиобразцы армейской субкультуры, спектр одобряемого и порицаемого военнослужащими поведения, характерные приметы речевого репертуара. Проведённое исследование единиц лексико-фразеологического массива, эксплицирующих ключевые ценности армейской (военной) субкультуры как ядерного компонента военного социума, позволяет сформулировать следующие выводы. Профессиональными доминантами военной субкультурной среды США выступают боевой опыт (свидетельствующий о мужестве, профпригодности и благонадежности), беззаветное служение Отчизне, преданность воинскому коллективу, чувство товарищества и взаимовыручки, готовность к самопожертвованию, патриотизм, негибкость характера, молодцеватость и энергичность. К числу очевидных антиценностей воинской среды, запечатлённых во фразеологическом строе национального языка, отнесены эгоцентричность, недобросовестное исполнение служебных обязанностей, лень, хвастовство, трусость, профессиональная некомпетентность. Наделённые особым символизмом фразеологические единицы военного жаргона обладают ярко выраженной оценочностью и экспрессией, отражают стереотипы массового языкового сознания.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 10-е изд. М.: Флинта: Наука, 2010. 384 с.
2. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2 изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
3. Лупанова Е.В. Фразеологизмы военной тематики как средство создания отрицательного образа представителя англо-американского армейского социума // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 4. С. 201–205.

4. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
5. Романов А.С. Этнические стереотипы армейской субкультурной среды США в знаках языка и культуры: монография. М.: Военный университет, 2017. 231 с.
6. Судзиловский Г.А. Сленг – что это такое? Английская просторечная военная лексика. М.: Воениздат, 1973. 182 с.
7. Телия В.Н. Коннотация // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
8. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
9. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981. 269 с.
10. Шевчук В.Н. Лексикология и фразеология английского языка: курс лекций. М.: Военный Краснознаменный Институт, 1980. 172 с.
11. Ammer C. The American Heritage dictionary of idioms. 1st ed. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 1992. 1191 p.
12. Ammer C. The Facts On File dictionary of clichés. 2nd ed. N.Y.: Infobase Publishing, 2006. 534 p.
13. Dickson P. War Slang: America fighting words and phrases since the Civil War. 2nd ed. Dulles, Virginia: Brassey's Inc, 2003. 428 p.
14. Fergusson R. Shorter Dictionary of Catch Phrases. From the work of Eric Partridge and Paul Beale / ed. by R. Fergusson. New York, NY: Routledge, 1994. 176 p.
15. Spears A.R. Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs. McGraw-Hill's Companies, 2005. 1080 p.
16. Sgt Brandi. Available at: <http://www.sgtbrandi.com> (accessed 21 August 2019).

Сведения об авторах:

Романов Александр Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка (основного) Военного университета Министерства обороны РФ (г. Москва, ул. Б. Садовая, д. 14). Сфера профессиональных интересов: социолингвистика, лингвокультурология, психолингвистика, когнитивная лингвистика. E-mail: biyalka@mail.ru.

Лупанова Екатерина Вячеславовна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка (основного) Военного университета Министерства обороны РФ (г. Москва, ул. Б. Садовая, д. 14). Сфера профессиональных интересов: лингвокультурология, английская фразеология, психолингвистика, этнолингвистика. E-mail: katerina.lupanova9751@yandex.ru.

DICHOTOMOUS DYADS OF PHRASEOLOGICAL UNITS AS A MEANS TO EXTEND KEY VALUES OF THE MILITARY SUBCULTURE

Aleksander S. Romanov, Yekaterina V. Lupanova

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
14 B. Sadovaya Street, Moscow, Russia, 123001

Abstract: *This paper dwells on the worldview specifics of the military subculture representatives as reflected by dichotomous dyads of phraseological units. Given the phraseological fund is the main material for analysis of a national mindset specifics, the authors emphasize that ethnic phraseology and socially-marked military phraseology have a great deal in common. Phraseological imagery makes it possible to consider peculiarities of the military personnel's worldview, to reveal moral attitudes and values of the military.*

Contemporary linguistics stresses out the need for a comprehensive study of the military subculture mentality as an integral part of the national culture. This issue has defined the authors' aspiration to record the system of spiritual and moral dominants of the military ethos on the basis of socially-marked dichotomous dyads of phraseology. The cognitive field of "War" military idiomatics includes phrases reflecting ideals and anti-samples of military subculture, the spectrum of approved and reprehensible behavior, as well as military lore singularities.

The national language phraseological units, extending key values of the military subculture as a nuclear component of the military society, register professional dominants and obvious anti-values of the

military milieu. This article concludes that socially-marked phraseological units with special symbolic potential possess explicit evaluation and expression, and reflect stereotypes of mass linguistic consciousness.

Key Words: *phraseological unit, dichotomous dyad, military subculture, cultural connotation, evaluation, symbolism, stereotype, cultural values and anti-values.*

References

1. Arnold I.V. 2010, Stilistika. Sovremenny angliiskiy iazyk: uchebnik dlia vuzov [Stylistics. Modern English: textbook for universities]. 10th edition, Moscow, Flinta: Nauka, 384 p.
2. Kornilov O.A. 2003, Iazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsionalnykh mentalitetov [Language pictures of the world as derivatives of national mentality], Moscow, ChRo, 349 p.
3. Lupanova YE.V. Frazеologizmy voennoy tematiki kak sredstvo sozdaniia otritsatel'nogo obraza predstavitelia anglo-amerikanskogo armeyskogo sotsiuma [Military phraseological units as a means for creating a negative image of the British-American military society representative]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo, 2018. No 4. pp. 201-205 (in Russian).
4. Maslova V.A. 2001, Lingvokulturologiia: ucheb. Posobie dlia stud. vyssh. ucheb. zavedeniy [Linguoculturology: textbook for students of higher education], Moscow, Akademiya, 208 p.
5. Romanov A.S. 2017, Etnicheskie stereotipy armeyskoy subkul'turnoy sredy SSHA v znakakh iazyka i kultury [Ethnic stereotypes of the U.S. military subcultural environment in language and culture signs], Moscow, Voenny universitet, 231 p.
6. Sudzilovsky G.A. 1973, Sleng – chto eto takoe? Angliyskaia prostorechnaia voennaia leksika [Slang, what is it? English vernacular military vocabulary], Moscow, Voenizdat, 182 p.
7. Teliia V.N. 1998, Konnotatsiia // YAzykoznanie. Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar' [Connotation // Linguistics. Large Encyclopedic Dictionary], Moscow, Bolshaia Rossiyskaia entsiklopediia, 685 p.
8. Teliia V.N. 1996, Russkaia frazeologiia. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguistic-cultural aspects], Moscow, Iazyki russkoy kul'tury, 288 p.
9. Teliia V.N. 1981, Tipy iazykovykh znacheniy. Sviazannoe znachenie slova v iazyke [Types of language values. The associated meaning of a word in a language], Moscow, Nauka, 269 p.
10. Shevchuk V.N. 1980, Leksikologiia i frazeologiia angliyskogo iazyka: kurs lektsiy [Lexicology and Phraseology of English: course of lectures], Moscow, Voenny Krasnoznamenny Institut, 172 p.
11. Ammer C. The American Heritage dictionary of idioms. 1st ed. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 1997. 1191 p.
12. Ammer C. The Facts On File dictionary of clichés. 2nd ed. N.Y.: Infobase Publishing, 2006. 534 p.
13. Dickson P. War Slang: America fighting words and phrases since the Civil War. 2nd ed. Dulles, Virginia: Brassey's Inc, 2003. 428 p.
14. Fergusson R. Shorter Dictionary of Catch Phrases. From the work of Eric Partridge and Paul Beale / ed. by R. Fergusson. New York, NY: Routledge, 1994. 176 p.
15. Spears A.R. Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs. McGraw-Hill's Companies, 2005. 1080 p.
16. Sgt Brandi. Available at: <http://www.sgtbrandi.com> (accessed 21 August 2019).

About the authors:

Aleksander S. Romanov – PhD in Philology, English Department assistant professor, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: sociolinguistics, linguoculturology, psycholinguistics, cognitive linguistics. E-mail: biyalka@mail.ru.

Yekaterina V. Lupanova – PhD in Philology, English Department lecturer, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: linguoculturology, English phraseology, psycholinguistics, ethnolinguistics. E-mail: katerina.lupanova9751@yandex.ru.

* * *

АМХАРСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Л.Н. Чернышева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье анализируется практика составления одноязычных и двуязычных амхарских словарей с момента опубликования первых изданий и до настоящего времени. Основной акцент делается на исследовании микроструктуры рассматриваемых лексикографических работ. Описываются способы расположения материала, приводятся примеры и отмечаются особенности оформления словарных статей. Произведённый обзор лингвистических словарей демонстрирует актуальность всестороннего изучения существующих типов амхарских лексикографических источников и установления общих принципов их создания. Перед современными амхарскими лексикографами стоят задачи, связанные с исследованием теоретических и практических аспектов словаростроения на базе анализа словарной продукции на амхарском языке и с учётом достижений мировой лексикографии. Лексикографическая параметризация, на наш взгляд, могла бы дать возможность авторам определиться с основными характеристиками словаря, отвечающего их целям, и выбрать наиболее подходящую форму описания языкового материала. Следование единым принципам и методам словарного дела наряду с изучением имеющегося положительного опыта позволит соблюсти принцип преемственности лексикографических произведений, что особенно важно при составлении терминологических и учебных словарей, поможет преодолеть существующие в амхарской лексикографии недостатки и откроет новые перспективы для её дальнейшего успешного развития.

Ключевые слова: амхарский язык, лексикография, словарь, микроструктура словаря, словарь, типология словарей, лексикографическая параметризация.

Лексикография как раздел языкознания, занимающийся изучением и составлением словарей, имеет не только научное, но и большое практическое значение в связи с чётко выраженной направленностью на удовлетворение потребностей широкого круга пользователей. Первая лексикографическая работа в области амхарского языка – амхарско-латинский словарь немецкого учёного И. Лудольфа – была опубликована в 1698 году. В XVII веке, когда постепенно росло количество письменных текстов на амхарском языке, началось его научное изучение в Европе. По мере того, как ам-

харский всё прочнее утверждался в качестве литературного языка – наиболее интенсивно этот процесс протекал с конца XIX века – возрастала и необходимость в создании словарей, главным образом двуязычных. В 1841 году в Лондоне вышел из печати состоящий из двух частей амхарско-английский и англо-амхарский словарь К.В. Изенберга, немецкого миссионера, занимавшегося изучением языков Эфиопии. Этот лексикографический труд был продиктован желанием помочь людям, осуществлявшим миссионерскую деятельность в странах, где говорят на амхарском языке, а также удовлетворить интерес

последователей христианской религии к народу одного с ними вероисповедания [11, с. 6]. Материал словаря собирался самим автором. С целью пополнения словника привлекалась лексика из амхарско-латинского словаря И. Лудольфа. Бесспорным достоинством лексикографического издания, подготовленного К.В. Изенбергом, является то, что наряду с переводом словарных единиц в большинстве случаев даются примеры их контекстуального употребления. Однако в словаре нет знаков для обозначения геминии (удвоения), не приводится транскрипция, что при отсутствии полного совпадения фонетического и графического облика слова может представлять определённые трудности для пользователя.

Амхарский язык унаследовал эфиопскую письменность, каждый знак которой обозначает отдельный слог. Сочетание согласного звука с гласным называется порядком, которых по количеству гласных фонем насчитывается семь, например: *le, lu, li, la, le, lə, lo*. При этом шестой порядок, представляющий сочетание согласного с гласным *ə*, часто передаёт только согласный звук, без гласного. Что касается геминии, то с учётом её форморазличительной и смысловоразличительной функций в амхарском только хорошее знание языка или словарь дают возможность правильного понимания и произношения отдельного слова.

В 1881 году был опубликован французско-амхарский словарь А. д'Аббади, за которым с некоторой периодичностью последовало издание таких лексикографических работ, как амхарско-итальянский словарь И. Гвиди (1901 г.), англо-амхарский и амхарско-английский словари Ч.Х. Армбрустера (1910 и 1920 гг. соответственно), итальянско-амхарский словарь А. Бевилаквы (1917 г., 1937 г.), амхарско-французский и французско-амхарский словари Ж. Бэтемана (1929 г.), дополнение к амхарско-итальянскому словарю И. Гвиди Ф. Галлина и Э. Черулли (1940 г.).

Особо следует отметить вышедшие впервые в Советском Союзе в издательстве «Советская Энциклопедия» русско-амхарский (1965 г.) и амхарско-русский (1969 г.) словари, составленные отечественным учёным-филологом Э.Б. Ганкиным [1; 2]¹. Соавтором русско-амхарского словаря был профессор Кэббэдэ Дэста, преподававший амхарский язык в Институте восточных языков при МГУ², научным редактором амхарско-русского словаря – кандидат филологических наук Каса Гэбрэ-Хыйвот. Несмотря на то, что с момента публикации словарей лексический состав амхарского языка существенно обновился, научное и практическое значение данных лексикографических работ до сих пор продолжает сохраняться. Основная часть словника амхарско-русского словаря была накоплена автором в процессе преподавания амхарского языка в Институте восточных языков при МГУ. Частично использован лексический материал из изданных ранее двуязычных словарей И. Гвиди и Ж. Бэтемана, а также толкового словаря, автором которого является Тэсэма Хабтэ-Микаэль Гыцыу.

При составлении амхарских словарей вопросам написания слов уделяется большое внимание, ввиду того что стандартизация амхарской орфографии не проводилась и один звук может обозначаться разными графемами. Например, амхарский звук *h* может записываться тремя графемами, звуки *s* и *ṣ* – двумя графемами каждый. В целом более 23 графем употребляются как дублирующие [7, с. 6–7].

Вся включённая в амхарско-русский словарь Э.Б. Ганкина лексика, в том числе и с колеблющимся написанием, приводится по алфавиту, при этом буквы, дублирующие друг друга, сгруппированы и располагаются вместе. Первыми идут слова, которые начинаются с графемы первого порядка, то есть сочетания согласного с гласным «*e*», за ними – с графемы второго порядка: согласный + гласный «*u*». И так – вплоть до седьмого порядка, представляющего соче-

¹ В последующие годы в России было опубликовано ещё несколько словарей амхарского языка, существенно отличающихся от рассматриваемого далее амхарско-русского словаря Э.Б. Ганкина по назначению, объёму представленного в них материала, критериям отбора описываемой лексики: 1) Э. Б. Ганкин, Е. И. Кедайтене, В. И. Митрохина. Учебный русско-амхарский словарь: 2100 слов. М.: Русский язык, 1983. 278 с. 2) Е.П. Завадская. Приложение к «Амхарско-русскому словарю» М.: МГИМО(У) МИД России, 2006. 113 с. 3) Е.П. Завадская. Русско-амхарский словарь общественно-политической и экономической лексики: В 2 ч. М.: МГИМО-Университет, 2004. 353 с. 4) Завадская Е.П. Учебный словарь новой лексики амхарского языка. М.: МГИМО-Университет, 2012. 303 с. Обзор вышеназванных лексикографических работ с точки зрения перспектив развития амхарской лексикографии в России, а также анализ лексикологических аспектов отдельных пластов лексики амхарского языка могли бы стать предметом дальнейших исследований.

² В настоящее время – Институт стран Азии и Африки при МГУ.

тание согласного с гласным «о». Далее следуют слова, начинающиеся с лабиализованных согласных. Лексикографируемые лексические единицы, которые можно записать разными графемами, сопровождаются ссылкой на наиболее употребительный вариант написания. В словаре использована международная транскрипция в латинской графике,³ геминация обозначается определённым знаком (ˈ), который стоит после соответствующей графемы в именах действия и состояния, в иллюстративном материале, в словах, на которые даётся ссылка.

Амхарско-русский словарь Э.Б. Ганкина построен по принципу гнезд с алфавитным порядком корней. Эта система распределения лексического материала является обычной для словарей семитских языков. Словарная статья с глаголом в качестве исходной единицы имеет приведённую ниже структуру.

Заголовочное слово – первообразный глагол в форме третьего лица единственного числа мужского рода перфекта, условно переводимый на русский язык неопределённой формой глагола. Имя действия и состояния (приводится рядом в круглых скобках) – эквивалент неопределённой формы глагола в русском языке. Фонематическая транскрипция. Функционально-стилевые пометы. Переводные эквиваленты. Иллюстративный материал в виде текста:

ቀለሰ (መቀለሰ) qellese – 1) гнуть, сгибать; **አንገቱን : ቀለሰ** а) нагнуть голову (животному); б) *перен.* повесить голову ...

Сразу же за заглавным словом следует имя деятеля, а также имя места и орудия. Если включённые в статью слова перевести на русский язык вне контекста невозможно, они даются в составе словосочетаний или предложений, либо предлагается описательный перевод:

ቀላሽ qellaš: **ቀላሽ : በሬ** – вол, идущий впереди других волов (*на току*);

መቀለሽ meqelleša: **ጎጆ : መቀለሽ : ቦታ** – место, где строится хижина ...

После имени деятеля и имени места и орудия идут все производные основы глагола, лексикографическое описание которых состоит из тех же компонентов, что и у корневого слова: имя действия и состояния, транскрипция и т.д.:

ተቀለሰ (መቀለሰ) teqellese 1) быть согнутым; 2) быть построенным (*о хижине*);

አስቀለሰ (ማስቀለሰ) asqellese *пону́д. от ቀለሰ*;

አቃለሰ (ማቃለሰ) aqqallese помогать гнуть, сгибать;

ቀላለሰ (መቀላለሰ) qelallese гнуть сгибать не много;

አቀላለሰ (ማቀላለሰ) aqqelallese см. **አቃለሰ**;

ተቅለሰሰ (መቅለሰሰ) teqlesellese гнуться, сгибаться; опускаться ...

Следующий структурный элемент словарной статьи – звукоописательные глаголы:

ቀለሰ አለ (ማለት) qelless ale: **መለ'ስ ቀለ'ስ አለ** повернуться; обернуться;

ቀለሰ አደረገ (ማድረግ) qelless aderrege см. **ቀላለ'ስ**;

ቅለሰ አደረገ (ማድረግ) qalləss aderrege согнуть ...

За ними следуют образованные от глагольного корня другие части речи:

ቅለሰ qəlləs кривой, изогнутый; согнутый;

ቅለሰልሰ qələsləs застенчивый, робкий.

И завершает словарную статью имя способа действия:

አቀላለሰ aqqelalles *имя способа от ቀለሰ*.

В том случае, когда заглавным словом в гнезде является не глагол, а другие части речи – имя существительное, имя прилагательное, числительное – словарная статья демонстрирует следующий порядок расположения слов: заголовочная единица, фонематическая транскрипция, переводные эквиваленты:

አለት alet 1) большой камень; 2) скала, утёс.

Далее следуют производные от заглавного слова с фонематической транскрипцией и переводными соответствиями:

አለታም aletam, **አለትማ** aletamma 1) каменный; 2) скалистый;

አለታ፤ aletawi см. **አለታም**.

При необходимости даётся краткая грамматическая характеристика, включаются функционально-стилевые пометы, иллюстративный материал:

እንጂ ənji 1. союз а ...; 2. частица же ...

ሰርዶ serdo *бот.* пырей; **እኔ : ከሞትሁ : ሰርዶ : አይብቀል : አለች : አሁን** ◇ посл. «После моей смерти пусть не растёт пырей», – сказал осёл.

Вольф Леслау, один из известнейших специалистов по семитским языкам Эфиопии, в предисловии к разработанному им краткому амхарско-английскому и англо-амхарскому словарю (1976 г.), говоря о лексикографических трудах своих предшественников, руководствовавшихся принципами научного подхода к составлению

³ В основу используемой в словаре транскрипции положено «Практическое письмо для африканских языков», принятое Международным институтом африканских языков и культур в Лондоне в 1930 г.

такого рода изданий, называет и амхарско-русский словарь Э.Б. Ганкина. Разработка двуязычных словарей представлялась очень важным делом, так как амхарский язык в течение длительного времени являлся языком межнационального общения в Эфиопии, в результате количество тех, кто использовал его в качестве первого или второго языка, было существенно выше числа людей, говоривших на других языках народов Эфиопии. Такая ситуация сохраняется и до настоящего времени: в соответствии с конституцией страны амхарский язык является рабочим языком федерального правительства. Поэтому неудивительно, что, как и остальные лексикографические источники амхарского языка, труд В. Леслау оказался очень востребованным [17].

В. Леслау определяет способ расположения лексикографируемого материала в своём словаре как алфавитный, хотя многие статьи помимо зоны значения самого слова, примеров его употребления в составе словосочетаний и краткой грамматической характеристики (для функциональных омонимов) включают и производные. Словарные единицы размещены по алфавиту в соответствии с порядком, принятым европейскими лингвистами и лексикографами и учитывающим только согласные без огласовок. Исключение представляют статьи, заглавные единицы которых состоят из идентичных согласных графем. Глагольный корень в форме третьего лица единственного числа мужского рода перфекта является исходной формой в статьях с глаголом в качестве заглавного слова и переводится на английский язык инфинитивом без частицы «to». За ним следуют глагольные и именные производные. Специальным знаком (B) отмечены только глаголы типа «B»⁴. Глаголы типа «A», а также не относящиеся ни к одному из вышеуказанных типов, никак не обозначены. Отсутствие при глагольном корне имени действия и состояния, образуемого по специальным правилам от любой глагольной основы и являющегося многофункциональным в амхарском предложении, может вызывать затруднения у пользователей на начальной стадии изучения амхарского языка. В отдельных словарных статьях имя действия

и состояния даётся на месте именных производных и переводится на английский язык именем существительным. В этом случае статья выглядит следующим образом:

ጠየቀ tāyyäqä⁵ (B) query, demand, ask, question, request, solicit, inquire, pay a visit, call on someone;

ጠየቀ tāyyäqä quiz, interrogate;

ጥያቄ tēyyaqe question, request, query;

(**ጥያቄ : ምልክት** question mark);

የቃል : ጥያቄ interview;

ተጠያቂ tātäyyaqi responsible (liable, accountable);

መጠየቅ mättäyyäq interrogative (n.);

መጠየቂያ mättäyyäqiya requisition;

መጠይቅ mättäyyäq questionnaire.

В данной лексикографической работе нет также обозначающих геминацию знаков, о важности которых сам автор пишет в предисловии к вышедшему тремя годами ранее англо-амхарскому контекстному словарю.

Начиная с середины XX века растёт число одно- и двуязычных словарей, составленных эфиопскими учёными самостоятельно или в соавторстве с европейскими коллегами⁶. Одноязычные лингвистические словари представлены такими авторами, как Тэфэрра Уорк Армыде (1954/55 г.), Тэсэма Хабтэ-Микаэль Гыцыу (1958/59 г.), Мэсфын Лысану (1959/60 г.), Могэс Ыкуб Ыгзи (1968/69 г.), Дэста Тэклэ Уольд (1970 г.), Ефрем Ассэфа Уорэдэуорк (1999/2000 г.), Бахру Зэргуу Гызау (2006 г.). Среди двуязычных переводных словарей можно назвать амхарско-английский словарь Амсалу Акклию (1979 г.), краткий англо-амхарский словарь общественно-политической лексики Зденека Полачека, Мэлаку Аззэнэ и Тамрата Тесфайе (1990 г.), англо-амхарский словарь Мамо Гудеты и Алемайеху Гырмы (1991 г.).

В это же время, в 1990 году, издаётся двухтомный амхарско-английский словарь Томаса Л. Кейна [15], словник которого включает большой объём лексики, заимствованной из двуязычных словарей И. Гвиди, Ф. Галлина и Э. Черулли, Ж. Бэтемана, Ч. Армбрустера, Амсалу Акклию. Значительная часть лексикографического материала, вошедшего в перечисленные выше издания, к моменту публикации словаря

⁴ Глаголы подразделяются на типы в зависимости от наличия или отсутствия удвоения корневого согласного в различных грамматических формах.

⁵ В традиционной эфиопской транскрипции фонема *ä* обозначается как *ä*.

⁶ Анализ дву- и многоязычных амхарских словарей, включающих языки народов и народностей Эфиопии, остаётся вне рамок данной статьи.

Т. Кейна могла устареть, в том числе в связи со сменой общественно-политического строя в Эфиопии в 1974 году и последовавшей за этим модернизацией амхарского языка. Включая данную лексику в свой труд, автор полагал, что вышедшие из активного употребления слова способны помочь учёным в работе с историческими документами. Источниками для данного лексикографического издания стали также одноязычные словари таких эфиопских учёных, как Тэсэмма Хабтэ-Микаэль и Дэста Тэклэ Уольд.

В словаре Т. Кейна все производные однокоренные слова описываются в одном гнезде, заглавные единицы словарных статей расположены в соответствии с согласными, выведенными в алфавитном порядке. За заглавными словами следуют производные. Транскрипция приводится в латинской графике. Что касается орфографии, то как и в большинстве словарей, дублирующие друг друга графемы сведены в одну группу, однако в коррелятивных парах q и q^w , g и g^w ⁷ предпочтение отдаётся слоговым знакам, обозначающим огубленные велярные согласные. Глаголы типа «В» имеют при себе соответствующее обозначение (В), знаки удвоения отсутствуют, первообразная основа глагола даётся в форме третьего лица единственного числа мужского рода перфекта:

ለበመ läbbämä В to take note, notice, to understand, to be intelligent, sensible; to devise a plan ... to measure out or grind grains for the Host (КВТ⁸);

ተለበመ tāläbbämä to be realized, understood ...;

አለበመ aläbbämä to render intelligent, sensible ...;

አስለበመ asläbbämä to render intelligent, sensible ...;

ለበሟ läbbäma being intelligent, observant, prudent (КВТ);

ለባሟ läbbami one who prepares, who grinds grains for the Host; intelligent, sensible;

ለባሟነት läbbaminnät a state or condition of being one who grinds grains for the Host (КВТ);

ለባሟ läbbäma prepared ...;

ለባሟ läbbame doing various kinds of mental work ...;

ለባሟ läbbam intelligent, insightful (see also **ለበ**) ...

Данный лексикографический труд включает большое количество идиоматических выражений, встречающихся в произведениях художественной литературы и периодических изданиях. В нём также нашли отражение лексические изменения, связанные с процессом становления научно-технической терминосистемы амхарского языка, имевшем место в 80-е гг. XX века, что выразилось в фиксации в словаре терминологических неологизмов (с пометой *neol.* в круглых скобках), появившихся незадолго до его опубликования. Всё это делает рассматриваемое лексикографическое издание востребованным широким кругом пользователей, включая специалистов. Однако необходимо отметить, что наиболее полно новая терминология, относящаяся к 13 различным дисциплинам, была представлена в англо-амхарском словаре научно-технических терминов (1996 г.), подготовленном и опубликованном Академией языков народов Эфиопии.

В 2001 году вышел из печати словарь амхарского языка, отличающийся от своих одноязычных предшественников подбором словника и предназначенный в основном для учащихся старших классов, преподавателей, переводчиков. Это результат многолетнего труда большого коллектива авторов, который не был постоянным, а периодически менялся в силу объективных причин, связанных с тем, что работа над словарём началась ещё в конце 70-х гг. прошлого века.

Словарь содержит более 25000 заголовочных и производных единиц. При составлении словника авторы старались подбирать актуальную общеупотребительную лексику, а также зафиксировать новые значения старых слов, появившиеся в результате развития языка. Лексические единицы, вышедшие из повседневного употребления либо получившие архаическую окраску, не представлены в словаре, так как это могло существенно увеличить его объём. Тем не менее, в словнике в небольшом количестве присутствует специальная лексика, обозначающая понятия, связанные с определённой областью знаний или деятельности.

В словаре принята алфавитно-гнездовая система расположения слов, при которой возглавляющие гнездо непроизводные следуют по

⁷ В современном произношении лабиализованные согласные k^w , g^w , q^w , h^w в сочетании с гласными e , i , $ə$ превратились в однородные сочетания, например, ko , ki , ke , ku .

⁸ Ссылка на словарь амхарского языка Тэсэммы Хабтэ-Микаэля.

алфавиту в соответствии с семью слоговыми вариантами: согласный + ε, согласный + u и т.д. В алфавитном порядке приводятся также лексические единицы, имеющие сложную структуру, когда связь с исходным словом определить сложно. Глагол, выступающий в качестве заглавной единицы, традиционно даётся в форме третьего лица единственного числа мужского рода перфекта.

В словах, имеющих двоякое написание, используются слоговые знаки второго и седьмого порядков: согласные k, q, g, h + o/u; слоговые знаки, передающие их лабиовелярные корреляты k^w, q^w, g^w, h^w + ε/ə, отсутствуют. Лабиализованные заднеязычные представлены только графемами **ቁ, ኳ, ኳ፡**⁹ – лабиализованный согласный + а. Отсутствует также особый знак **ኧ**, служащий для передачи гласного ε в начальной позиции. Из дублетных графем, которыми могут обозначаться звуки h, s, a, ʃ, в орфографическом оформлении слов используются **ሀ, ሰ, አ, ፀ**. Знак удвоения над графемой (ˆ) ставится только в том случае, когда неправильное прочтение слова может исказить его смысл.

Иллюстративному материалу, в том числе цитатам из художественных произведений, пословицам и поговоркам, которыми так богат амхарский язык, отводится важная роль. При необходимости в словарную статью включаются функционально-стилевые пометы, краткая грамматическая характеристика, иллюстрации в виде рисунка:

መሸገ ግ 1. ከጠፋት ጦር ለመከላከል ጉድጓድ በመሆን፡ ድንጋይ በመካብ፡ ... መሸሸጊያ አበጀ ፤ ምሽግ ሰራ። 2. ተደበቀ ፡ ተሸሸገ ። 3. (ዘይ.) በአንድ ቦታ ወይም አካባቢ ተወስኖ ተቀመጠ ወይም አዘውትሮ ተገኘ ።

ምሽግ ስ 1. ከጠፋት ጦር ለመከላከል ጉድጓድ በመሆን፡ ድንጋይ በመካብ፡ ... የሚሰራ መከለያ ቦታ ፡ ተገኘ ። 2. (ዘይ.) ሁልጊዜ የማይታጡበት ቦታ ፡ መገኛ ፡ መቶ ። የእግለ ምሽግ ያ ጠጅ ቤት ነው ።

ምሽግ ሰበረ ምሽግ ጥሶ ገባ ፡ አለፈ ።

ተመሸገ ግ ተከለለ ፡ ተደበቀ ፡ ምሽግ ውስጥ ሆነ ።

[10, с. 51]

መሸገ гл. 1. рыть окопы, выкладывать заграждение из камней с целью обороны от вражеских войск, ... сооружать укрепление; возводить крепость 2. быть спрятанным/укрытым; быть спрятанным/скрываться 3. *идеом.* быть приписан-

ным/прикованным (*к месту*); быть завсегдаем (чего-либо)¹⁰.

ምሽግ сущ. 1. укрытие в виде вырытой в земле траншеи или каменной стены для обороны от войск противника; убежище 2. *идеом.* место постоянного пребывания; место, где проводят время. *Он завсегдатай того бара, где (в котором) пьют тэдж.*

ምሽግ ሰበረ ምሽግ ጥሶ ገባ ፡ አለፈ. разрушить укрепление (крепость); прорвать укрепление; прорваться.

ተመሸገ ግ ተከለለ ፡ ተደበቀ ፡ ምሽግ ውስጥ ሆነ гл. быть построенным (*об укреплении, крепости*), быть огороженным (*забором*) – укрыться (*под чем-то*); быть укрытым (спрятанным); находиться в укрытии.

Амхарский язык постоянно пополняется новой лексикой, однако нельзя сказать, что вся она фиксируется в словарях. Это связано не только с тем, что некоторые языковые новообразования не выдерживают «испытания временем» и не становятся частью литературного языка. Зачастую появившаяся в последнее время лексика, продолжая функционировать в языке, не включается в двуязычные словари в силу небольшого объёма отдельных лексикографических изданий данного типа. В ряде случаев такая ситуация объясняется позицией авторов, считающих, что сложные или употребляемые редко слова интересны исключительно специалистам и должны быть представлены в одноязычных словарях. Последний тезис опровергает упоминавшийся выше двухтомный амхарско-английский словарь Т. Кейна, который по полноте лексикографического материала в значительной степени способен удовлетворить информационные потребности пользователей самого высокого уровня.

Стремясь сделать свой лексикографический труд уникальным и незаменимым источником информации для читателей, составители словарей используют принципы отбора словника, учитывающие не только его количественный состав, но и качественный, предлагают новые способы организации и описания словарного материала, что свидетельствует о значимости субъективного фактора в этом процессе. Ориентация автора словаря на пользователя выступает в качестве методологического основания

⁹ В словаре использован знак **ኳ** вместо **ኳ፡**.

¹⁰ Здесь и далее перевод на русский язык автора статьи.

лексикографической деятельности. Неизбежная при составлении словарей субъективность, а также «...“настройка” параметров словаря на параметры адресата» являются проявлениями антропоцентризма в лексикографии, при этом «...на равных функционируют понимание антропоцентризма как проявленности личности лексикографа в словаре и понимание антропоцентризма как ориентации на адресата при создании словаря» [4, с. 8, 21].

Англо-амхарский словарь Даниеля Уорку Кассы (2011 г.), включающий более 75 тысяч слов и около 1 000 иллюстраций в виде рисунков, отличается от аналогичных изданий эфиопских авторов тем, что учитывает существующие в британской и американской версиях английского языка различия в написании, произношении и значении слов [12]. Рядом с британским вариантом, который приводится первым, стоит помета /**ጥሬ**/ «брит.», за ним с соответствующей пометой /**አሜሪካ**/ «амер.» даётся значение, которое это слово имеет в американском английском.

Заглавные и производные слова статей расположены по алфавиту. В статью включается краткая грамматическая характеристика, например, **ሰ**. «суц.». Долгие звуки обозначаются особым знаком (:), а ударение в транскрибированных словах – знаком (^):

ardour/ardor (**አ፡ደ** // **አ፡ርደር**) ሰ.;

የኃላ የፍቅር ስሜት «сильное (пылкое) чувство влюблённости»;

pants (**ፕንትስ**);

1. **ሱፖንፖ የውስጥ ሱሪ** /**ጥሬ**/ «кальсоны /брит./»;

2. **ሱሪ/ሶላሌ** /**አሜሪካ**/ «брюки/широкие брюки /амер./».

Как видно из приведённых выше примеров, в словаре Даниеля Уорку Кассы звуковая форма заголовочных единиц воспроизводится графемами амхарского алфавита. Это в некоторой степени указывает на потенциального пользователя, которому может быть предназначено данное издание: английским языком владеет хорошо лишь небольшая часть наиболее образованных представителей эфиопского общества, поэтому очевидно, что не все эфиопы знакомы с транскрипционными знаками для передачи английских гласных и согласных звуков.

Между тем, в пояснениях к словарю отмечается, что это издание будет полезно учащимся школ и колледжей, студентам вузов, переводчикам и людям, занимающимися исследованиями в области амхарского языка. В целом, автор характеризует свой труд как «лучший, не имею-

щий аналогов» лексикографический источник, существенную помощь в работе над которым в качестве консультантов и редакторов оказали преподаватели школы имени Менелика II и университета в Аддис-Абебе, а также Стэнфордского университета в США.

Ориентированность на язык сельских жителей, которые составляют большинство населения страны и являются носителями традиций, играет важную роль при описании лексических единиц входящих в состав словника дополнения к кратким амхарско-английским словарям Гырма Й. Гетахуна [14]. По словам автора, при отборе и оформлении лексикографируемого материала он стремится отойти от ставшего традиционным для многих составителей амхарских словарей игнорирования этимологического принципа орфографии. Автор считает, что принятое, как правило, в городах и широко транслируемое лексикографами амхарских словарей написание слов может не соответствовать их этимологии, произношение отличаться от традиционного написания. Формальная вариантность слова, по мнению автора, должна фиксироваться лексикографическими справочниками. В данной работе вариант наиболее часто встречающегося написания и произношения слов, где с.р.в. обозначает принятое произношение и написание (обычно в крупных городах), а с.в. – принятое написание слова, приводится с соответствующей пометой в квадратных скобках:

ትምህርት tāmḥərt – [с.р.в. ~**ፖር**~] – 1. education

...

ዕደስ addäsä – [с.в. **አ**~] – renew (a permit, etc.);

...

Словарь строится по алфавитно-гнездовому принципу. Заглавные единицы и примеры их контекстуального употребления сопровождаются транскрипцией в латинской графике. Для удобства пользователей слова, начинающиеся с букв, передающихся одинаковыми звуками, сгруппированы по месту буквы, идущей по алфавиту первой. В словарь включён элемент для обозначения удвоения согласных и долготы гласных (:), например, wäd:do.

В данном издании представлены значения слов, редко встречающиеся в других лексикографических источниках. В качестве иллюстративного материала приводится много примеров, заимствованных из амхарского фольклора и эфиопских народных песен.

Анализ амхарской лексикографии показывает, что составление двуязычных словарей было и

продолжает оставаться важной сферой деятельности большинства авторов, посвятивших себя реализации этой непростой, но очень важной задачи. Вместе с тем, в последнее время не менее актуальной стала работа над многоязычными словарями, куда включаются получающие свои алфавиты бесписьменные языки Эфиопии, 28 из которых по данным ЮНЕСКО находятся под угрозой исчезновения. Содействие в подготовке и издании таких словарей оказывает Центр лексикографии, терминологии и перевода при Академии языков и культур народов Эфиопии. Центр рассматривает это направление своей деятельности как приоритетное наряду с поддержкой исследований в области теоретической лексикографии. И такая позиция не случайна, поскольку словари играют важную роль в деле сохранения родного языка, «решая задачу максимальной его репрезентации, причём не только лексического состава, но и в определенной мере грамматики и синтаксиса...» [6, с. 186]. Одноязычные амхарские словари представлены немногочисленными лексикографическими изданиями, из которых наиболее интересны с точки зрения объёма и содержания лексикографируемого материала уже упоминавшиеся работы таких авторов, как Тэсэмма Хабтэ-Микаэль Гыццу и Дэста Тэклэ Уольд, толковый словарь амхарского языка, подготовленный коллективом авторов, и претерпевший два издания с 2004 года словарь Бахру Зэргату Гызау.

Работа над словарём «...требует исключительно обострённого языкового восприятия» [9, с. 284], она не сводится к механическому отбору словарного материала, а предполагает умение анализировать и систематизировать языковые данные. По мнению лексикографов, в их деле, помимо готовности заниматься кропотливым трудом, очень важными являются знания в области лингвистики и лексикографии.

Известно, что авторы одноязычных амхарских словарей Тэсэмма Хабтэ-Микаэль Гыццу и Дэста Тэклэ Уольд не были профессиональными лингвистами, однако обладали высоким для своего времени уровнем грамотности и образованности. Лексический материал, включённый в подготовленные ими лексикографические издания, использовали в своих словарях многие авторы, в том числе и Т.Л. Кейн, который, тем не менее, упоминает о данном факте в предисловии к своему амхарско-английскому словарю. Poleмизируя заочно с Т.Л. Кейном, Гырма Й. Гетахун замечает, что по объективным причинам оба

упомянутых автора не обучались современной лингвистике и лексикографии, однако, в частности, Дэста Тэклэ Уольд был гораздо более осведомлён в вопросах этимологии амхарского языка и методах составления словарей, чем многие современные эфиопские лексикографы, получившие профильное образование [16].

Говоря о качествах лексикографа, В.В. Дубичинский причисляет к ним «...природные творческие способности, талант исследователя, чутьё языка в сочетании с желанием посвятить себя словарному делу и элементарным практическим опытом в области *ars lexicographica*». Он также полагает, что обладающий этими качествами недипломированный исследователь, работая над словарём, вполне может обойтись несколькими консультациями ведущих лексикографов [3, с. 44–45]. Однако проблемы составителей амхарских словарей, особенно тех, кто занимается этой работой не в рамках существующих государственных структур, а на индивидуальном уровне, как раз и заключаются в том, что они далеко не всегда могут получить теоретические и практические знания, необходимые для успешной реализации поставленных целей. Если не принимать во внимание коммерческую составляющую, когда автор не ставит перед собой задачу руководствоваться научными принципами при составлении словарей, а стремится только получить прибыль, то в большинстве случаев начинающий лексикограф сталкивается с проблемой отсутствия необходимой методической литературы и возможности участия в обучающих курсах и семинарах. Несмотря на то, что история амхарской лексикографии насчитывает более трёхсот лет, эфиопские авторы активно включились в эту работу менее века назад. Высококвалифицированных лексикографов, которые могли бы передать свой опыт тем, кто в нём нуждается, в стране явно недостаточно, отсутствует также практика описания существующих лексикографических изданий. Вместе с тем соблюдение преемственности имеет большое значение при работе над словарём, в частности терминологическим и учебным [8]. В этих условиях установление единых принципов и методов лексикографирования наряду с неизменным вниманием к особенностям их реализации при составлении словарей разных типов приобретает большое значение, так как может существенно облегчить работу лексикографа. Опираясь на лексикографические параметры, автор имеет возможность определиться с основными характеристиками

словаря, отвечающего его целям, и выбрать наиболее подходящую форму описания языкового материала. Для тех, кто берётся за составление словарей, очень важна финансовая, издательская и экспертная поддержка со стороны государственных или независимых институтов и организаций. Помимо Центра лексикографии, терминологии и перевода, содействие в подготовке и издании словарей в Эфиопии оказывает Летний институт лингвистики – международная некоммерческая организация, уделяющая особое внимание изучению и документированию малораспространённых языков. Однако предпринимаемых этими структурами усилий явно недостаточно для того, чтобы решать существующие в современной амхарской лексикографии проблемы: добиться количественного увеличения словарных изданий амхарского языка и улучшить их качество. Кроме того, в

поле зрения этих организаций не попадают те авторы, которые занимаются данной работой по собственной инициативе: из любви к языку и желания способствовать его развитию. В результате практически все лексикографические издания в современной Эфиопии, как подготовленные отдельными энтузиастами, так и изданные при поддержке соответствующих институтов и учреждений, с точки зрения структуры имеют недостатки [13]. Если принять во внимание тот факт, что «...именно словарям принадлежит исключительное место в сохранении культурной памяти народа, в формировании лингвистически компетентного члена языкового коллектива» [5], то необходимость активизации усилий по созданию благоприятных условий для развития амхарской лексикографии представляется очевидной.

Список литературы

1. Ганкин Э.Б. Амхарско-русский словарь / под ред. Каса Гэбрэ-Хыйвот. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1969. 968 с.
2. Ганкин Э.Б., Кеббеде Деста. Русско-амхарский словарь. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1965. 1016 с.
3. Дубичинский В.В. Лексикография русского языка: учеб. пособие. М.: Наука: Флита, 2008. 432 с.
4. Каламбет Е.В. Проявление антропоцентризма в современной отечественной лексикографии (на материале лингвистических словарей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 177 с.
5. Козырев В.А., Черняк В.Д. Современные ориентации отечественной лексикографии // Вопросы лексикографии. Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2014. № 1 (5). С. 5-15.
6. Озолина Л.В. О составлении двуязычных словарей (на материале русско-орокского словаря) // Сибирский филологический журнал. Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, 2018. № 2. С. 185-195.
7. Титов Е.Г. Грамматика амхарского языка. М.: Наука, 1991. 324 с.
8. Чернышева Л.Н. Лексикографическая фиксация терминологических неологизмов амхарского языка // Гуманитарный вектор. Забайкальский государственный университет, 2018. Том 15, № 5. С. 108-116.
9. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.
10. Amarəñña mezegebe qalat (Амхарский словарь). Addis Abeba Yuniversiti, 2000. 647 g.
11. Charles William Isenberg. Dictionary of the Amharic Language. London: The Church Missionary Society, 1841. 445 p.
12. Danə'el Wörqu Kasa. Mərt ənglizəñña amarəñña mezegebe qalat (Лучший англо-амхарский словарь). Addis Abeba, 2011. 768 g.
13. Getachew Anteneh and Melkamu Dumessa. Lexicographic Implementation in Ethiopia: The Case of Three Dictionaries Published Science 1995 // International Journal of Sociology and Anthropology. Addis Ababa University, 2011. Vol. 3 (10). Pp. 363-382.
14. Girma Y. Getahun. Advanced Supplement to Concise Amharic-English Dictionaries. Addis Ababa, 2016. 382 p.
15. Thomas Leiper Kane. Amharic-English Dictionary. Otto Harrassowitz, Wiesbaden, 1990. 2351 p.
16. Who is Aleka (Sir) Desta Tekle Wold. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://debirhan.com/2016/04/who-is-aleka-sir-desta-tekle-wold/> (дата доступа 10.03.2019).
17. Wolf Leslau. Concise Amharic Dictionary: Amharic-English, English-Amharic. Otto Harrassowitz, Wiesbaden, 1976. 543 p.

Сведения об авторе:

Чернышева Лариса Николаевна – старший преподаватель кафедры индоиранских и африканских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных интересов: язык политики, общественно-политический перевод, лексикология современного амхарского языка. E-mail: larisa-chernysheva@rambler.ru.

AMHARIC LEXICOGRAPHY: RETROSPECTIVE AND CURRENT STATUS

Larisa N. Chernysheva

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

Abstract: *The article analyzes the practice of compiling monolingual and bilingual Amharic dictionaries. The main emphasis is placed on studying the microstructure of the lexicographic works under consideration. Modern Amharic lexicographers face important tasks related to the study of theoretical and practical aspects of dictionary-making based on the analysis of Amharic lexicographic works already produced, as well as the necessity to take into account the achievements of world lexicography. In our opinion, lexicographic parameterization could enable the authors to determine the main characteristics of the dictionary they want to compile, and select the most appropriate form for the description of language materials. Adherence to common principles and methods of dictionary-making, along with the study of the accumulated positive experience, will allow one to maintain continuity of lexicographic works, especially important when compiling terminological and learner's dictionaries; it will also help to overcome the shortcomings in Amharic lexicography and open new prospects for its further successful development.*

Key Words: *the Amharic language, lexicography, dictionary, microstructure of a dictionary, vocabulary, typology of dictionaries, lexicographic parameterization.*

References

1. Gankin, E.B., Kebede Desta. Russko-amkharskii slovar' [Russian-Amharic Dictionary]. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1969. 968 p.
2. Gankin, E.B., Kebede Desta. Russko-amkharskii slovar' [Russian-Amharic Dictionary]. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1965. 1016 p.
3. Dubichinskii, V.V. Leksikografiia russkogo iazyka: ucheb. posobie [Lexicography of the Russian Language: Research Guide]. Moscow: Nauka: Flita, 2008. 432 p.
4. Kalambet, E.V. (2007) Proiavlenie antropotsentrizma v sovremennoi otechestvennoi leksikografii (na materiale lingvistikikh slovarei) [Manifestations of Anthropocentrism in Modern Russian Lexicography (Based on Language Dictionaries)]: avtoref. diss ... kand. filol. nauk. Krasnodar, 2007. 177 p.
5. Kozyrev, V.A., Cherniak, V.D. (2014) Sovremennye orientatsii otechestvennoi leksikografii [Modern Orientation of Russian Lexicography] // Voprosy leksikografii [Russian Journal of Lexicography]. Natsional'nyi issledovatel'skii Tomskii gosudarstvennyi universitet, 2014. no. 1 (5). pp. 5-15.
6. Ozolina, L.V. O sostavlenii dvuiazychnykh slovarei (na materiale russko-orokskogo slovaria) [On compiling the corpora of bilingual dictionaries] // Sibirskii filologicheskii zhurnal [The Siberian Journal of Philology]. Institut filologii Sibirskogo ot-deleniia Rossiiskoi akademii nauk, 2018. no 2. pp. 185-195.
7. Titov, E.G. Grammatika amkharskogo iazyka [Grammar of the Amharic Language]. Moscow: Nauka, 1991. 324 p.
8. Chernysheva, L.N. Leksikograficheskaia fiksatsiia terminologicheskikh neologizmov amkharskogo iazyka [Lexicographical Fixation of Amharic Terminological Neologisms] // Gumanitarnyi vektor [Humanitarian Vector]. Zabaikal'skii gosudarstvennyi universitet, 2018. Vol. 15, no. 5. pp. 108-116.
9. Shcherba, L.V. Iazykovaia sistema i rechevaia deiatel'nost' [Language System and Speech Activity]. Moscow: Editorial URSS, 2004. 432 p.
10. Amarēñña meṣgebe qalat [Amharic Dictionary]. Addis Ababa University, 2000. 647 p.
11. Charles William Isenberg. Dictionary of the Amharic Language. London: The Church Missionary Society, 1841. 445 p.
12. Daniel Worku Kassa. Məṛt ənglizəñña amarēñña meṣgebe qalat (Best English-Amharic Dictionary). Addis Ababa, 2011. 768 p.
13. Getachew Anteneh, Melkamu Dumessa. Lexicographic Implementation in Ethiopia: The Case of Three Dictionaries Published Science 1995 // International Journal of Sociology and Anthropology. Addis Ababa University, 2011. Vol. 3 (10). pp. 363-382.
14. Girma Y. Getahun. Advanced Supplement to Concise Amharic-English Dictionaries. Addis Ababa, 2016. 382 p.
15. Thomas Leiper Kane. Amharic-English Dictionary. Otto Harrassowitz, Wiesbaden, 1990. 2351 p.
16. Who is Aleka (Sir) Desta Tekle Wold. Available at: <https://debirhan.com/2016/04/who-is-aleka-sir-desta-tekle-wold/> (accessed 10 March 2019).
17. Wolf Leslau. Concise Amharic Dictionary: Amharic-English, English-Amharic. Otto Harrassowitz, Wiesbaden, 1976. 543 p.

About the author:

Chernysheva Larisa Nikolaevna – a senior lecturer at the department of Indo-Iranian and African languages at MGIMO. Spheres of scholarly interests – the language of politics, translation, lexicography of modern Amharic language. E-mail: larisa-chernysheva@rambler.ru.

★ ★ ★

СТРУКТУРА И СТИЛИСТИКА ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДОКУМЕНТА В ПЕРЕВОДЕ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДОВ ЛИЧНЫХ НОТ ПОЗДРАВИТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИКИ С ПОРТУГАЛЬСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ)

О.Л. Гренадерова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В данном исследовании рассмотрены некоторые структурные и содержательные особенности дипломатических нот поздравительной тематики, которые могут вызвать трудности при переводе документа с португальского языка на русский. Отмечается, что документы дипломатической переписки в португальском дипломатическом дискурсе построены стандартно, то есть лексические, стилистические и структурные средства в них повторяются. Проанализирована структура личной ноты поздравительной тематики, в составе которой выделены такие части, как обращение, начальный комплимент, содержательная часть, заключительный комплимент, личная подпись. Для каждой из структурных частей выявлены наиболее характерные языковые модели, приведены способы их перевода на русский язык. Многие эквиваленты при переводе текстов в жанре дипломатической переписки имеют характер речевых штампов и носят безвариантный характер. Стремление к достижению лексической эквивалентности и единообразию перевода дипломатической терминологии приводит к тому, что происходит заимствование структуры дипломатического текста при переводе, в том числе её копирование. Этого требует соблюдение дипломатических протокольных традиций. Делается вывод о необходимости максимального сохранения структурного и содержательного соответствия переводимого текста исходному.

Ключевые слова: дипломатия, перевод, личная нота, поздравительная телеграмма, композиция, профессиональная компетентность переводчика.

Введение

В современном мире дипломатический работник любого ранга обязан хорошо владеть иностранными языками, в связи с чем формирование навыка перевода дипломатических документов является одной из важных целей при обучении иностранному языку. В аспекте обучения переводу дипломатических текстов исследователи обращают внимание на

«имперсональность и объективность» дипломатического текста [2], различия между устным и письменным переводом [6], способы перевода отдельных групп лексики [11], отдельных грамматических форм и разрядов слов [5] и другие вопросы. Исследование дипломатической документации на португальском языке со структурных, содержательных и лингвистических позиций, а также изучение языковых средств современной дипломатии позволяют выявить

инструменты, которые будут способствовать осуществлению качественного перевода таких документов с португальского языка на русский. Особенности перевода с португальского языка на русский рассматриваются рядом исследователей [14; 16 и др.], отмечаются структурные различия между языками как источник ошибок переводчика [8] и т. п. При этом анализируются переводы художественных [9] и военных [15] текстов, а дипломатические тексты, особенности и трудности их перевода пока не получили достаточно внимания.

Целью исследования стало рассмотреть некоторые структурные и содержательные особенности личных нот поздравительной тематики, которые могут вызвать трудности при переводе документов с португальского языка на русский. Ноты анализировались с точки зрения апеллятивной адаптации текста и возможности сохранения структурного и содержательного соответствия переводимого текста исходному.

Методология

В исследовании применяются структурный, семантический и лингвокультурологический подходы к анализу перевода дипломатического текста.

Перевод дипломатической документации особенно сложен с позиций лингвистического понимания. Многими исследователями выделяется особый подстиль официально-делового стиля, обладающий комплексом специфических языковых средств, – дипломатический [1]. Для него характерны использование специальных, терминологических слов, выражений и фраз, дипломатическая вежливость, формальность выражения, логичность, краткость, точность. Их точная семантика не всегда очевидна, что способно усложнить процесс перевода. В зависимости от вида дипломатических документов также могут изменяться их структурные, содержательные, лингвистические, стилевые черты. Документы могут быть: внутриведомственные, документы дипломатической переписки, документы, связанные с назначением и отзывом дипломатических представителей, документы, связанные с ратификацией, присоединением, денонсацией, документы, появляющиеся в результате переговоров и т. п. [12, с. 431–442]. Дипломатическим документам свойственны обобщённый характер обращения, объективность, высокий уровень информативности, логичность, вежливость, ясность стиля и содержания [13, с. 101]. Состав жанровых раз-

новидностей документов данного типа достаточно широк: к ним относятся различные виды нот (личные, вербальные, циркулярные), различные виды грамот (верительные, отзывные), а также меморандумы, соглашения, декларации, договоры и конвенции [7, с. 53]. Правила оформления дипломатических документов в целом, и португальских документов в частности, должны соответствовать нормам международного права, дипломатическому протоколу и сложившимся в дипломатии страны традициям.

Актуальным методологическим подходом при исследовании дипломатических документов является лингвокультурологический. В исследовании мы рассматриваем степень культурного контакта в русском и португальском языках на жанровом уровне текста дипломатической ноты, степень соответствия исходного текста (португальский язык) и текста после перевода (русский язык). Принимая во внимание специфику перевода дипломатических документов с португальского языка на русский, мы видим, что в основе выбираемой переводчиком стратегии перевода таких дипломатических документов лежит понимание им взаимосвязи сразу нескольких уровней: уровня жанровой формы текста, уровня апеллятивной адаптации и уровня коммуникативной регуляции.

Результаты

На переводчике, занимающемся переводом официальных документов с португальского языка, безусловно, лежит большая ответственность за точность выполняемого им перевода. Высокие требования, предъявляемые к профессиональной компетенции переводчика, обязывают его чётко знать структуру построения португальского дипломатического документа и особенности его перевода.

Чтобы добиться максимального соответствия переводного документа исходному тексту на всех уровнях, необходимо знание правил композиции и содержания текста в языке-источнике, а также тех слов и оборотов, которые в нём используются, и способов их перевода.

Рассмотрим пример личной ноты на португальском языке, содержащей текст поздравительной телеграммы, и изучим её структуру.

**«Senhor Presidente e meu Caro Amigo,
Por ocasião das comemorações do Dia Nacional da República Federativa do Brasil, é com particular satisfação que endereço a Vossa Excelência, em**

nome do Povo Português e no meu próprio, calorosas felicitações e os mais sinceros votos de prosperidade para o Povo Brasileiro.

Unidos por laços profundos, que assentam na partilha de uma língua e História comuns, os nossos dois Povos irmãos desfrutam hoje de um amplo quadro de relações que se desenvolve a múltiplos níveis, **traduzindo uma parceria de valor estratégico para ambos os Países**. Uma parceria que se reflecte, igualmente, na **crescente concertação das nossas posições a nível internacional** e no compromisso que partilhamos no sentido **do continuado aprofundamento** da Comunidade de língua e **de valores** que é a CPLP.

Ao renovar-lhe as minhas felicitações, **quero reiterar a Vossa Excelência o meu firme empenho pessoal no reforço das relações que nos unem**, pedindo que aceite, Senhor Presidente e meu Caro Amigo, os protestos da minha mais elevada consideração e estima pessoal.

Aníbal Cavaco Silva» [10].

При переводе следует учитывать, что в протокольной практике Португалии такие дипломатические документы обладают набором формальных признаков. Параметры композиции личной ноты можно представить следующим образом. Она начинается с **Apelo** (обращения), в котором происходит апеллятивная адаптация. К наиболее характерным обращениям в португальских нотах, например, можно отнести: *Caro Senhor Embaixador* – Уважаемый Господин Посол; *Senhor / Senhora Presidente* – Господин / Госпожа Президент; *Majestade* – Ваше Величество, *Meu Caro Amigo* – мой дорогой друг.

После **Apelo**, согласно правилам композиционного построения документа, следует **Cortesia inicial** (начальный комплимент), который также нацелен на апеллятивную адаптацию текста. Такие комплименты довольно стандартны и имеют высокую степень повторяемости. Например: *ao tomar conhecimento de* – узнав о; *por ocasião de* – по случаю; *é com particular prazer que* – с особым удовольствием; *Quero expressar-lhe as mais calorosas felicitações em meu nome e no do Povo Português* – Хочу выразить Вам самые тёплые поздравления от своего имени и от имени всего португальского народа; *Endereço a Vossa Excelência as mais calorosas felicitações, bem como votos de continuado progresso e prosperidade para o Povo irmão* – Адресую Вашему Превосходительству самые тёплые поздравления, а также пожелания неизменного прогресса и благоденствия дружественному нам народу.

Когда автор в португальской официальной ноте намеревается официально сообщить о чём-то, довести до чьего-либо сведения информацию, в начальном комплименте стоит оборот *tenho a honra de* (имею честь). Например, *Tenho a honra de levar ao conhecimento de Vossa Excelência* – Имею честь сообщить Вам; *Tenho a honra de dirigir a Vossa Excelência as minhas mais sinceras e cordiais felicitações* – Имею честь адресовать Вам самые искренние и душевные поздравления; *Tenho a honra de acusar a receção da Nota na qual me comunica...* – Имею честь подтвердить получение ноты, в которой Вы сообщаете...; *Tenho a honra de solicitar a sua valiosa interferência junto de* – Имею честь просить Вашего вмешательства.

Далее идёт исключительно важный элемент португальской личной ноты поздравительного характера, называемый **Fecho** (заключительный комплимент). При употреблении такого комплимента недопустимо даже малейшее занижение, которое способно нанести вред отношениям сторон. Выбор заключительного комплимента определяется статусом адресата – его положением в дипломатической сфере. В португальской протокольной практике в обращениях к послам, премьер-министру, министру иностранных дел и другим министрам принято писать: *Peço aceite, Senhor Embaixador, os protestos da minha mais alta consideração* – Примите, господин Посол, уверения в самом высоком уважении к Вам [4, с. 74].

К наиболее распространённым в португальских дипломатических документах можно отнести следующие конечные комплименты: *Aproveito a oportunidade para reiterar a Vossa Excelência, os protestos da minha mais alta consideração* – Пользуюсь этим случаем, чтобы выразить Вам, Господин Посол, уверения в моём глубоком уважении; *Aproveito o ensejo, Senhor Ministro, para apresentar a Vossa Excelência os protestos da minha mais subida consideração* – Благодарен случаю, позволяющему выразить Вам, господин Министр, уверения в моём чрезвычайно высоком уважении; *Queira aceitar, Excelência, os protestos da minha mais alta consideração e estima pessoal* – Примите, господин Президент, мои уверения в самом высоком и искреннем личном уважении; *Peço aceite, Senhor Embaixador, os protestos da minha mais alta consideração* – Господин Посол, искренне выражаю Вам чувство глубокого уважения; *Na grata expectativa do nosso próximo encontro, queira Vossa Majestade aceitar os protestos da minha mais elevada consideração e estima pessoal* – С благодарностью ожидаю нашей следующей встречи и прошу Ваше

Величество принять уверения в моём самом высоком почтении и глубоком личном уважении. Такие комплименты в документах также строго формализованы и имеют свой фиксированный перевод, варианты которого даже используются в автоматизированном или машинном переводе.

В конце документа всегда ставится *Assinatura* (личная подпись) автора ноты.

Переведём некоторые части дипломатических нот, анализ которых позволит нам выявить, существуют ли противоречия между адекватной передачей смысла и возможностью сохранить форму и содержание текста языка оригинала, а также проследить переход от апеллятивной адаптации к коммуникативной регуляции:

Текст документа	Перевод
Unidos por lazos de particular afecto , assentes numa História e Língua comuns, os nossos dois países têm sabido construir um relacionamento de valor estratégico , que se afirma, hoje, nos mais variados domínios de actividade e numa estreita concertação de posições nas organizações internacionais de que Portugal e o Brasil são membros.	Связанные узами особых отношений , основанных на общности истории и языка, обе страны смогли выстроить отношения на стратегической основе , которые в настоящее время развиваются в разных направлениях, а также выражаются в сходстве позиций в международных организациях , в которые входят Португалия и Бразилия.
Estou seguro de que , no decorrer deste mandato de Vossa Excelência, as relações de amizade e de cooperação entre Portugal e a Ucrânia continuarão a reforçar-se, em benefício dos nossos dois povos	Я искренне уверен, что на протяжении действия мандата Вашего Превосходительства дружеские отношения между Португалией и Украиной будут и впредь укрепляться во славу наших народов
No decurso do actual mandato no Conselho de Segurança, e para além dele, quero assegurar-lhe que sempre encontrará em Portugal um aliado firmemente comprometido com os valores da Carta das Nações Unidas, empenhado na protecção dos Direitos Humanos e no fortalecimento do papel do Sistema das Nações Unidas na promoção da paz , da segurança e de uma ordem internacional mais justa e equilibrada	На ходе работы по текущему мандату в Совете Безопасности и помимо неё хочу заверить Вас , что Португалия всегда останется союзником, твёрдо соблюдающим Устав ООН, нацеленным на защиту прав человека и укрепление системной роли Организации Объединённых Наций в деле установления мира , безопасности и более справедливого и сбалансированного миропорядка
Unidos por lazos profundos , que assentam na partilha de uma língua e História comuns, os nossos dois Povos irmãos desfrutam hoje de um amplo quadro de relações que se desenvolve a múltiplos níveis, traduzindo uma parceria de valor estratégico para ambos os Países	Связанные глубокими узами , основанными на общности языка и истории, наши братские народы располагают сегодня обширными связями на самых разных уровнях, выражающимися в ценном стратегическом партнёрстве для обеих стран
Ao renovar-lhe as minhas felicitações, quero reiterar a Vossa Excelência o meu firme empenho pessoal no reforço das relações que nos unem , pedindo que aceite, Senhor Presidente e meu Caro Amigo, os protestos da minha mais elevada consideração e estima pessoal	Ещё раз приношу Вам свои поздравления и хочу заверить Ваше Превосходительство в моём личном твёрдом стремлении укреплять связывающие нас узы , а также прошу Вас принять, Господин Президент и уважаемый друг, уверения в моём высоком к Вам уважении
No decurso do primeiro mandato de Vossa Excelência, as Nações Unidas foram chamadas a enfrentar desafios de grande exigência e complexidade como foi o caso da resposta a desastres naturais, a crise alimentar mundial, conflitos regionais, a promoção de um mais equilibrado desenvolvimento económico e humano, bem como a prossecução da sua própria reforma administrativa. A reeleição de Vossa Excelência constitui a garantia de que as Nações Unidas continuarão a assumir um papel insubstituível na resposta efetiva a todos estes desafios com os quais o mundo actualmente se confronta.	На протяжении первого срока Вашего пребывания на посту Генерального секретаря ООН был призван решать такие важные и сложные задачи, как: борьба со стихийными бедствиями, преодоление всемирного продовольственного кризиса, решение региональных конфликтов, осуществление более гармоничного экономического и социального развития, а также постоянное проведение административных реформ. Ваше переизбрание на пост является гарантией того, что ООН продолжит играть незаменимую роль в успешном решении задач, встающих перед современным миром.

Как видим, у переводчика имеется возможность максимально сохранить структуру высказывания при его передаче на русском языке, а также внести лишь минимальные изменения в содержание, не затронув при этом важных для дипломатических взаимоотношений моментов, то есть происходит апеллятивная адаптация текста. Её успешности способствует знание приведённых выше структурных элементов португальского дипломатического документа и понимание тех вариантов, которые существуют при его переводе на русский язык. Однако присутствует и скрытая регулятивная функция: в частности, в каждом из примеров мы видим небольшой штрих – формулировку желания автора на дальнейшее позитивное развитие отношений.

Переводчик должен понимать, что в португальском деловом документе, в частности, в жанре личной ноты достаточно сильным является личностное начало автора документа, и должен уметь правильно передавать это начало на русском языке.

Анализ полученных результатов

Мы рассмотрели форму организации текста дипломатического документа – личной ноты поздравительной тематики, учитывая возможность копирования структуры документа в язык переводного текста, а также степень влияния языка оригинала при переводе разных оборотов речи, форм обращений.

Такие документы дипломатической переписки, как личные ноты поздравительной тематики, имеют стандартное композиционно-архитектоническое построение (обращение – начальный комплимент – содержательная часть – заключительный комплимент – личная подпись), что обуславливает повторяемость используемой в них лексики и грамматических средств. Многие эквиваленты при переводе текстов в жанре дипломатической переписки имеют характер речевых штампов и носят безвариантный характер, они даже начинают появляться в машинном переводе. Стремление к достижению лексической эквивалентности и единообразию перевода дипломатической терминологии приводит к тому, что происходит заимствование из исходного языка форм для языка перевода; имеет место копирование структуры документа. Соблюдение дипломатических протокольных традиций требует от переводчика сохранения структуры текста исходного языка и особенностей оформления структуры документа. Наибольшую сложность для переводчика в настоящее время представляет переход от апеллятивной функции к регулятивной, то есть переход от чисто поздравительной части к комплементарной.

Выводы

Проведённое исследование позволило заметить наличие консерватизма в оформлении португальских дипломатических нот поздравительного характера, существование установленных традиций способов структурного оформления документа такого рода. Композиционная трафаретность сочетается при этом с лексической (терминологической) и стилистической: каждая лексема или фразема занимают определённое место в тексте документа, играют определённую роль в его структуре.

Формализованность дипломатического документа проявляется также на когнитивном уровне, поскольку автор с его помощью выражает установленные традицией мысли, а переводчик воспринимает эти мысли и придаёт им соответствующую форму на русском языке. Переводчиком выбирается определённая когнитивная

стратегия [3, с. 110], которую он должен установить (определить) на этапе восприятия португальского документа и на основе которой он строит свой перевод.

Не менее важны лингвокультурологический и социолингвистический подходы к переводимому дипломатическому документу, а значит, лингвокультурологическая и социолингвистическая компетенции переводчика. Переводчик должен владеть представлениями об экстралингвистических особенностях португальской дипломатической документации, о культурных условиях формирования традиций оформления дипломатического документа, о дипломатическом этикете.

Данные компетенции должны формироваться в купе с получением знаний об особенностях структуры дипломатического документа. Переводчику надлежит учиться воспринимать и переводить с португальского языка на русский каждую часть личной ноты поздравительного характера, в том числе обращения, отличающиеся в нотах, которые адресованы дипломатическим личностям разного ранга; вводные формулировки, которые нацелены на разъяснение дипломатической сути документа; традиционные комплименты, лексическое и структурное оформление которых зависит от дипломатического статуса адресата ноты, и т. д.

Переводчик обязан найти разумное соотношение между традиционалистским и творческим подходом к процессу перевода дипломатической ноты. Традиционализм должен заключаться в максимальном стремлении соблюсти структуру документа и передать её в переводе. Некоторая доля творчества со стороны переводчика возможна с целью преодоления социокультурных несоответствий и достижения баланса апеллятивной и регулятивной функций документа. В то же время выбираемый переводчиком эквивалент не должен значительно отличаться по своей структуре, стилистике, лексико-семантическому составу от соотносимого с ним элемента в исходном тексте. Необходимо также учитывать, что многие эквиваленты при переводе текстов в жанре дипломатической переписки имеют характер речевых штампов и носят безвариантный характер.

Список литературы

1. Ассоциация лингвистов-экспертов юга России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw1/langdiplomat/> (дата обращения: 04.09.2019).

2. Вахранева Н.А. Обучение переводу дипломатических документов // Вестник Марийского государственного университета. 2011. № 6. С. 35-37.
3. Волкова Т.А. Когнитивная стратегия перевода дипломатического документа // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2005. № 12. С. 110-114.
4. Воронова А.Г. Португальский язык для дипломатов. Дипломатическая переписка. Официальное общение. Документы. М.: МГИМО-Университет, 2016. 248 с.
5. Калинина А.В., Иванова Е.В. Особенности перевода модальных глаголов на материале международных дипломатических документов // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании: Мат. XII Междунар. науч.-практ. конф. Уфа: БГПУ, 2018. С. 293-296.
6. Лисица М.В. Особенности устного и письменного перевода в дипломатической среде // Язык. Культура. Образование. 2017. № 2. С. 164-168.
7. Надтока О.А., Коваленко Г.Ф. Вербальная нота как жанр дипломатического дискурса // Проблемы и перспективы развития гуманитарных и социально-экономических наук: Сб. научн. тр. по мат. Междунар. науч.-практ. конф.; под общ. ред. Ж.А. Шаповал. Белгород: АПНИ, 2017. С. 52-56.
8. Петрова Г.В. Ошибки учеников как зеркало структурных различий между португальским и русским языками // Ибероамериканские тетради. 2016. № 1 (11). С. 123-137.
9. Родосский А.В. Лирика Фернанду Пессоа в переводах Анатолия Гелескула // Древняя и Новая Романия. 2018. Т. 21. С. 373-386.
10. Сайт Министерства иностранных дел Португалии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.presidencia.pt/> (дата обращения: 07.09.2019).
11. Седина И.В., Пронькина В.М. Способы передачи оценочной лексики в переводе текстов дипломатических документов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 1-2 (79). С. 363-365.
12. Торкунов А.В. Дипломатическая служба. М.: РОССПЭН, 2002. С. 431-442.
13. Фарафонова Л.Г. Система дипломатического подстиля и её исследование на уровне текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 1977. 203 с.
14. Чугунов А.Н. Особенности перевода с португальского языка на русский // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 11 (63). С. 83-85.
15. Чугунов А.Н., Орлов С.С. Особенности перевода португальских текстов военного характера // Язык и культура: Сб. ст. XXVIII Междунар. научн. конф.; отв. ред. С.К. Гураль. Томск: ТГУ, 2018. С. 215-217.
16. Шершукова О.А. Как одно слово число и величину объединило: португальский квантификатор *muito* // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2013. № 3. С. 210-216.

Сведения об авторе:

Гренадерова Ольга Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков МГИМО, научная специализация: лингвистика, современное переводоведение (португальский и русский языки), функционально-семантическая грамматика (португальский язык), email: ogrenade@mail.ru.

STRUCTURAL AND STYLISTIC FEATURES OF THE DIPLOMATIC DOCUMENT IN TRANSLATION FROM PORTUGUESE INTO RUSSIAN (ON THE MATERIAL OF PERSONAL GREETING NOTES)

Olga L. Grenaderova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

Abstract: *The article investigates lexical and stylistic features of translating diplomatic documents, identifying the difficulties in the translation of personal notes – congratulatory telegrams – into Russian. The article highlights that the documents of diplomatic correspondence in the Portuguese diplomatic discourse have a standard compositional-architectonic structure, resulting into the standardization and repeatability of the stylistic and lexical means used in them. The article analyzes the structure of the congratulatory telegrams, stressing out such parts as the appeal, the initial compliment, the body of the telegram, the final compliment, and personal signature. For each of the document structural parts, the*

writer identifies the most characteristic language models and gives their translation into Russian. Many equivalents when translated become lexical clichés and apply strict use. The attempt to achieve lexical equivalence and somehow uniformity in translation of diplomatic documents results in borrowings of the original text forms of the language into translated text, with the maximum possible copying of the structure of the document. Observance of diplomatic traditions and the preservation of the structure of the original language and its features is one the most important requirements to the translation of the diplomatic documents.

Key Words: *diplomacy, translation, personal note, greeting telegram, composition, professional competence of the translator.*

References

1. Assotsiatsiia lingvistov-ekspertov iuga Rossii. (Association of expert linguists in the south of Russia). Available at: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw1/langdiplomat/> (accessed 4 September 2019).
2. Vakhrameva N.A. Obuchenie perevodu diplomaticheskikh dokumentov [Training in the translation of diplomatic documents]. Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Mari State University, 2011. no 6. pp. 35-37.
3. Volkova T.A. Kognitivnaia strategii perevoda diplomaticheskogo dokumenta. [Cognitive translation strategy of a diplomatic document]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova – Bulletin of Kostroma State University named after ON. Nekrasov, 2005. no. 12. pp. 110-114.
4. Voronova A.G. Portugal'skii iazyk dlia diplomatov. Diplomatičeskaja perepiska. Ofitsial'noye obshcheniye. Dokumenty. [Portuguese language for diplomats. Diplomatic correspondence. Official communication. Documents]. M.: MGIMO-Universitet. M.: MGIMO-University, 2016. p. 248.
5. Kalinina A.V., Ivanova Ye.V. Osobennosti perevoda modal'nykh glagolov na materiale mezhdunarodnykh diplomatičeskikh dokumentov. [Features of the translation of modal verbs on the material of international diplomatic documents]. Gumaniticheskoe nasledie prosvetitelei v kul'ture i obrazovanii: Mat. XII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Humanistic heritage of enlighteners in culture and education: Mat. XII International scientific-practical conf.], Ufa: BSPU, 2018. pp. 293-296.
6. Lisitsa M.V. Osobennosti usnogo i pis'mennogo perevoda v diplomatičeskoi srede. [Features of interpretation and translation in the diplomatic environment]. Iazyk. Kul'tura. Obrazovaniye – Language. Culture. Education, 2017. no. 2. pp. 164-168.
7. Nadtoka O.A., Kovalenko G.F. Verbal'naja nota kak zhanr diplomatičeskogo diskursa [Note verbale as a genre of diplomatic discourse]. Problemy i perspektivy razvitiia gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomičeskikh nauk: Sb. nauchn. tr. po mat. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.; pod obshch. red. Zh.A. Shapoval [Problems and prospects for the development of the humanities and socio-economic sciences: Sat. scientific tr by mat. Int. scientific-practical conf.; under the general. ed. J.A. Shapoval]. Belgorod: APNI, 2017, pp. 52-56.
8. Petrova G.V. Oshibki uchenikov kak zerkalo strukturnykh razlichii mezhdu portugal'skim i russkim iazykami [Note verbale as a genre of diplomatic discourse]. Iberoamerikanskiye tetrady [Ibero-American notebooks], 2016, no. 1 (11). pp. 123-137.
9. Rodoskii A.V. Lirika Fernandu Pessoa v perevodakh Anatolii Geleskula. [Lyrics of Fernando Pessoa in Anatoly Geleskul's translations]. Drevniaia i Novaia Romaniia [Ancient and New Romania], 2018, v. 21. p. 373-386.
10. Sait Ministerstva inostrannykh del Portugalii [Website of the Portuguese Ministry of Foreign Affairs]. Available at: <http://www.presidencia.pt/> (accessed 7 September 2019).
11. Sedina I.V., Pron'kina V.M. Sposoby peredachi otsenочноy leksiki v perevode tekstov diplomatičeskikh dokumentov [Methods of transmitting assessment vocabulary in the translation of texts of diplomatic documents]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 2018, no 1-2 (79), pp. 363-365.
12. Torkunov A.V. Diplomatičeskaja sluzhba [Diplomatic service]. M.: ROSSPEN, 2002, pp. 431-442.
13. Farafonova L.G. Sistema diplomatičeskogo podstilia i ee issledovanie na urovne teksta [The system of diplomatic style and its study at the text level]. Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. M., 1977, p. 203.
14. Chugunov A.N. Osobennosti perevoda s portugal'skogo iazyka na russkii. [Features of the translation from Portuguese into Russian]. Gumanitarnye nauchnye issledovaniia [Humanitarian research], 2016, no. 11 (63), pp. 83-85.
15. Chugunov A.N., Orlov S.S. Osobennosti perevoda portugal'skikh tekstov voennogo kharaktera [Features of the translation of Portuguese military texts]. Iazyk i kul'tura: Sb. st. XXVIII Mezhdunar. nauchn. konf.; otv. red. S.K. Gural' [Language and Culture: Sat. Art. XXVIII Int. scientific conf.; open ed. S.K. Gural'], Tomsk: TSU, 2018, pp. 215-217.
16. Shershukova O.A. Kak odno slovo chislo i velichinu ob'edinilo: portugal'skii kvantifikator muito [How a single word combined number and quantity: Portuguese quantifier muito]. Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo [Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society], 2013, no 3, pp. 210-216.

About the author:

Olga L. Grenaderova – PhD in Philology, Associate Professor at Department of Romance Languages, MGIMO. Scholarly specialization: general linguistics, modern translation studies (in Portuguese and Russian), functional semantics of the Portuguese grammar; email: ogrenade@mail.ru.

* * *

СОЗДАНИЕ ЭКСПРЕССИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ИСПАНСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

Н.Л. Матюшенко, Е.С. Коржукова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье на материале испанских изданий “El País”, “Expansión” и других анализируются различные средства создания экспрессии и образности в экономическом дискурсе. Лингвостилистический анализ ряда статей за временной промежуток с 2009 по 2019 годы в рамках системно-функционального подхода с учётом интерпретационных и компетентностных факторов перевода позволяет не только посмотреть на экономический дискурс испанской публицистики с точки зрения жанровых особенностей, но и увидеть в нём элементы национально-культурного мировидения. Только с учётом последних возможна правильная интерпретация испанских текстов, включающих разнообразные средства языковой образности. Неслучайно отдельное внимание уделяется эквивалентности перевода. Она заключается, в частности, в учёте заложенных в исходном тексте стилистических, коннотативных и экспрессивных компонентов, поэтому помимо собственно перевода, там, где это необходимо в силу регистровых несовпадений экономического дискурса в испанском и русском языках, даются дополнительные комментарии. Кроме того, те или иные особенности создания образности позволяют говорить об общих тенденциях испанского экономического дискурса последнего десятилетия. На фоне в целом высокого экспрессивного потенциала экономических статей, в силу экстралингвистических факторов (финансовый кризис 2008 года, продолжающаяся рецессия, торговые войны, и, с другой стороны, меняющиеся механизмы восприятия информации) наметились процессы интенсификации использования ряда приёмов: метафор, аллюзий (мемов), фразеологизмов, авторских неологизмов. Существенные коррективы в выбранный дискурс вносит и усиливающийся техногенный характер цивилизации: неслучайно к концу рассматриваемого периода падает частота использования приёма олицетворения.

Ключевые слова: метафора, сфера-источник, олицетворение, фразеологизм, аллюзия, ИЯ, ПЯ, перевод, создание экспрессии.

В современном мире экономикой пронизаны все сферы человеческой жизни, включая когнитивно-речевую деятельность. С другой стороны, вектор лингвистических исследований сместился на изучение языковых единиц в контексте сферы их применения, поскольку «функция реализуется в результате взаимодействия элементов системы и среды» [3, с. 197]. Доминирование функционального аспек-

та обусловило важность термина «дискурс», широко используемого в современной лингвистике. Мы отталкиваемся от понятия дискурса как «речи, погружённой в жизнь», «текста в событийном аспекте» [1, с. 137], то есть опосредованного контекстом. Представляется верным и суждение о том, что «разновидностей дискурса столько, сколько видов деятельности человека, поскольку каждый вид деятельности порождает свой соб-

ственный вид дискурса с присущей ему лексикой и стилистикой» [7, с. 25]. Таким образом, экономический дискурс – это совокупность текстов, порожаемых и интерпретируемых в контексте экономической деятельности человека.

В задачи данной статьи входит анализ экономического дискурса испанской прессы, поэтому необходимо подробнее остановиться на публицистическом стиле, одном из шести функциональных стилей, обозначенных В.В. Виноградовым. От остальных он отличается большей «открытостью», так как может включать элементы делового и научного стилей, разговорной речи, а также способен сочетать стандарт и экспрессию, используя средства языковой выразительности, поскольку распространяется на широкий спектр тем. В зависимости от того, что именно преобладает в тексте – экспрессия или стандарт – стиль газеты подразделяется на информационный и публицистический, представляющий объект нашего исследования.

К нему, среди прочих, относят *аналитические* жанры, такие как аналитическая статья, рецензия, и *художественно-публицистические* жанры, такие как очерк, заметка.

В целом публицистическому стилю присущи эмоциональность и оценочность, поскольку публицистика не просто информирует читателя – она анализирует и убеждает. В текстах *аналитических* жанров, предполагающих наличие частного мнения, выражается индивидуальность автора: неслучайно для журналиста и исследователя Алекса Грихельмо [14] «*присутствие*» в тексте автора становится ключевым при делении текстов периодических изданий на жанры.

К аналитическим жанрам в чистом виде относится статья. А.А. Тертычный определяет статью как «жанр, предназначенный (...) для анализа актуальных, общественно значимых процессов, ситуаций, явлений и управляющих ими закономерностей» [12, с. 6]. Статьи в таком понимании являются материалом нашего исследования, основная цель которого – проследить создание и проявление в них экспрессии.

Экспрессивный потенциал экономического дискурса испанской прессы основывается на использовании лексико-стилистических средств, среди которых выделяются метафора «как один из частотных тропов» [13, с. 114] и фразеологизм.

Метафоры, по мнению Джорджа Лакоффа, «играют центральную роль в конструировании социальной и политической реальности» [8, с. 147]. Они служат не только украшением речи, но

и средством воздействия на адресата информации. Как указывает в своей работе В.В. Смоленкова, метафора является «важнейшим средством формирования оценки предмета речи» [11, с. 48]. Она представляет собой видение одного объекта через другой и возможна благодаря наличию у нас ассоциативного мышления, при котором связи устанавливаются через некий общий элемент. Например, когнитивная схема «конкуренция есть война/соревнование (из когнитивного поля *спорт*)» сопоставляет две области, значит, в вербализации сущности конкуренции могут быть использованы метафоры, указывающие на сопоставление в сознании двух предметно-понятийных областей, и могут быть употреблены номинации типа «противник» вместо «конкурент». Характерно заимствование лексики «испаноязычных медийных текстов из предметно-тематических и жанровых сфер, не относящихся к описываемым событиям» [6, с. 306]: «гетерогенными сферами для нейтрального политического или экономического дискурса могут стать медицина, спорт, явления природы, физика, архитектура, военное дело и другие области человеческой деятельности» [6, с. 306]. Наконец, метафоры отражают языковую картину мира, их появление не случайно и всегда отражает те или иные закономерности «языковых стереотипов» и «мира ассоциаций» [5, с. 39] языкового коллектива.

Кроме кросс-культурных и индивидуально-авторских метафор, в экономическом дискурсе испанской публицистики есть определённый набор распространённых («стёртых») метафор, отражающих национально специфическое мировидение: *La historia de Amper, empresa tecnológica, es el reflejo de una montaña rusa. Ahora, tras una larga y dura travesía por el desierto, el grupo emprende una nueva etapa. – Жизненный путь технологической компании Amper напоминает американские горки. В настоящее время, преодолев длинный и сложный период* (букв. «переход через пустыню») *своего существования, она начинает новый этап развития. Montaña rusa* одновременно является и этнонимом. Как известно, в контексте культурологической этимологии этому языковому феномену не чужда оценочность, хотя на современном этапе развития как испанского, так и русского языков коннотации иногда стираются.

Определяя функции таких метафор в речевом общении, А.Н. Баранов пишет: «Навязывая образ, «стёртая» метафора (...) одновременно

навязывает определённый способ действий при решении проблем; (...) навязывание способа разрешения проблемы происходит исподволь, незаметно» [2, с. 130-131].

Большой объём дополнительной информации и суггестивно-экспрессивного потенциала также содержится во фразеологизмах. Каждая фразеологическая единица обладает уникальным соотношением семантических компонентов – денотативного и коннотативного. Каждому из них отведена собственная роль в концептуализации свёрнутого во фразеологизм лингвокультурного содержания реальности [10, с. 118]: *Cada vez son más las (cajas) que se encuentran entre la espada y la pared* (...). – Все большее число сбербанков оказываются **между молотом и наковальней/загнанными в угол** (букв. «между шпагой и стеной»).

Наконец, отличительной особенностью современной испанской публицистики стала интертекстуальность. Согласно определению А.П. Чудинова, это «присутствие в тексте элементов других текстов, что обеспечивает его восприятие как (...) элемента национальной культуры» [13, с. 114]. Журналисты приводят цитаты из других текстов, создавая «вертикальный» контекст и формируя многоплановость. К примеру, в заголовке *Exportar en tiempos de guerra comercial* (Экспорт во время торговой войны) за счёт литературной аллюзии обыгрывается выражение *el amor en tiempos del cólera* («Любовь во время холеры» – роман Габриэля Гарсии Маркеса). Ещё одна аллюзия на произведение Маркеса «Хроника объявленной смерти» («Crónica de una muerte anunciada») содержится в примере: *Era la crónica de un desenlace anunciado que, si bien no sorprende, ha servido para arrojar más luz sobre el estado financiero de la aerolínea*. – Это была хроника объявленного исхода, которая, хоть и не стала сюрпризом, но пролила свет на финансовое положение авиакомпании. В повести, зная о предreshённой участи главного героя, никто не сделал ничего ради его спасения. Этот же смысл – заведомо известный исход ситуации – закладывает автор текста, рассчитывая на достаточно высокий культурный уровень читателей.

Современные реципиенты не всегда могут сразу восстановить источник аллюзии, но без труда идентифицируют скрытый в ней смысл. Такие «стёртые» аллюзии часто называют *мемами*: *caballo de Troya, talón de Aquiles*.

Мы рассматривали статьи за период с 2009 – 2019 гг. с целью выявления тенденций испан-

ского экономического дискурса, сначала оставившись на таком значимом элементе, как заголовок. Его ведущей функцией всё чаще становится фатическая, служащая для привлечения внимания читателей и вытесняющая номинативную функцию. В результате «сочные» названия неизбежно оказывают воздействие на адресата, раскрывая свою оценочную функцию. Например, *La nueva Chináfrica pide paso*. – *Китай расширяет экономическое присутствие в Африке*. Проявляется общая тенденция испанской публицистики к неологизации: путём сращения (China + África) создаётся своеобразная новая географическая номинация, поскольку в современном мире расширяется экономическое пространство, подконтрольное отдельным государствам или транснациональным компаниям.

Многие модели неологизмов, как, например, выше представленное сращение, активно приживаются и используются. Спустя полгода в другом издании появился схожий элемент заголовка: *Grietas en Chimérica* (China + América) – *Отношения между США и Китаем дали трещину*.

За рассматриваемый период в текстах статей привлекают внимание неологизмы, созданные по привычной для испанского языка модели с суффиксом *-azo*. Образованное слово может означать резкое воздействие, интенсивность, внушительный размер или глубокое впечатление, производимое объектом (известные *codazo; riñetazo; cochazo*), а также придавать негативную оценку результату действия, обозначенного в корне неологизма. Это простая и активно работающая модель словообразования, поэтому многочисленные примеры её использования можно разделить на следующие группы:

– общепризнанные, легко узнаваемые (включённые в словари) лексические единицы:

- *La consecuencia inmediata de este nuevo bandazo (recorte de los incentivos a las renovables) ha sido una fuerte caída en bolsa de las empresas afectadas*. – Немедленным следствием этого **резкого изменения** в проводимой Правительством политике (урезание субсидирования зелёной энергетики) стал обвал на Бирже котировок акций компаний этой отрасли;

- *En el actual contexto de cerrojazo crediticio, la bolsa se ha convertido en una interesante alternativa de financiación*. – В существующей ситуации **ограничения** или **недоступности** кредитов, биржа превратилась в привлекательный вариант финансирования.

– неологизмы с негативной коннотацией, не включённые в словари, но уже встречаемые в Интернете:

- *el Gobierno saca adelante en solitario el “decretazo”* (критикуемое преобразование, осуществляемое с помощью правительственного декрета) – Правительство само (без поддержки Парламента) продвигает декрет;

- *las manifestaciones contra el “pensionazo”* (реформа пенсионного законодательства с неудовлетворительным результатом) – демонстрации протеста против пенсионной реформы.

– окказиональные авторские неологизмы:

- ... *el manguerazo de liquidez que busca el Gobierno podría llegar tarde*. –...**вливание средств в объёмах**, достигнуть которые стремится Правительство, может запоздать. *Manguera* – «шланг», *manguerazo* – «поток», зд. «вливание в большом объёме» в отличие от *inyección* (может быть любого размера);

- *Trump cree que lo mejor es un certero arancelazo en todo el lomo*. –Трамп считает, что лучший способ – это точно рассчитанный **удар в уязвимое место** (букв. «по хребту»), то есть, **повышение существующих или введение новых высоких таможенных пошлин**.

Во всех примерах важен адекватный перевод: правильная интерпретация смысла возможна лишь при условии обязательного владения актуальной экстралингвистической ситуацией (пример с *arancelazo*), понимания стилистической образности фразы на ИЯ и учёта регистровых жанровых особенностей на ПЯ.

В заголовках изначально встречаются элементы авторской импликации через такие приёмы, как **олицетворение** – придание неодушевлённому объекту или явлению качеств одушевлённого: *Caja Castilla-La Mancha, la primera víctima de la crisis*. – Первым **пострадавшим** от кризиса стал банк ССМ (букв. «первая жертва кризиса»); **метафора** – употребление слова в переносном значении: *El río revuelto de las renovables*. – **Запутанная ситуация** в сфере возобновляемых источников энергии (букв. «бурная река»).

К концу исследуемого периода 2009–2019 гг. экспрессивность заголовков растёт:

(1) *Amper: del abismo a la resurrección*. (Подобно по смыслу – в другой статье: *Del rojo al negro en Acerinox*.) – Ампер (Асеринокс): **от убытков к прибылям** (букв. «из бездны к возрождению»; «из красной зоны в зелёную»). В первом заголовке использован приём олицетворения: компания уподобляется человеку, успешно прошедшему

переломный момент в жизни, во втором – метонимия, опирающаяся на цвета биржевых индексов: красным обозначается снижение котировок активов, зелёным – повышение. Минимальные специальные знания, как говорилось выше, необходимы для правильного перевода.

(2) *Pretendientes bancarios sin derecho (aún) a rose*. – Попытка банковского слияния (букв. «Папа стремится к союзу, но брак (пока) не заключён»). Начиная с заголовка, выбирается тематический ракурс статьи, которому подчиняются языковые средства. Слияние компаний часто сравнивают со свадьбой (*boda*), или брачным союзом (*matrimonio*), поэтому далее в тексте развивается матримониальная тема: ... *una atracción que no acaba de consumarse. El flirteo comenzó en 2017; Ahora la apuesta de Unicredit es más fuerte para llevar a buen puerto el ansiado matrimonio*. –... **взаимное влечение**, которое ни к чему не привело. Первые попытки **сближения** имели место в 2017г., в настоящее время банк Unicredit серьёзно намерен осуществить свой план по **слиянию**, что может привести к **успеху операции**. Банковские организации уподобляются жениху и невесте, которые никак не могут соединиться законным браком: используется метафора-олицетворение.

(3) *Golpe de gracia a Teva, el rey mundial de los genéricos*. – Ещё один удар (букв. «контрольный выстрел») с целью окончательно убрать с рынка Teva, мирового лидера дженериков. Одновременно используются олицетворение и метафора из военной/охотничьей сферы: компанию (одушевлённый объект) «добивают». В подзаголовке *La querella (...) es una piedra más en el camino de este gigante (...)*. – Выдвинутый иск – **ещё один удар** (букв. «ещё один камень на пути») для этого **гиганта** (...) компания уподобляется человеку, прокладывающему себе нелёгкий путь, хотя при переводе мы убеждаемся в невозможности сохранить изначальную для ИЯ образность и вынужденно «нейтрализуем» её в процессе адаптации к более сдержанному в рамках данного жанра ПЯ.

(4) *Cómo romper el maleficio energético*. – Как развеять **колдовские чары** (компаний, работающих в) сфере энергетики (букв. «снять проклятие энергетики»). В российском экономическом дискурсе последних пятнадцати - двадцати лет был бы уместен и предсказуем (в контексте российских реалий) заголовок: **Как слезть с нефтегазовой иглы**. Так, при изменении образности сохраняются параметры адекватности перево-

да: смысл и изначально негативная коннотация явления (ср. на испанском «проклятие» и на русском «игла» – из семантического поля «наркомания, СПИД и т.п. – чума нашего времени») с последующим её преодолением – «romper» и «слезть».

(5) *Cuidado con los falsos samaritanos si le han timado en Bolsa, porque le engañarán dos veces.* – Если Вас обманули на Бирже, будьте начеку с так называемыми «добрыми самаритянами», Вас обманут ещё раз. Библиизм *buen samaritano* («добрый самаритянин») за счёт замены прилагательного ему антонимичным становится авторским неологизмом *falso samaritano*.

(6) Подзаголовок: *Mientras los indicadores agregados siguen sonriendo, las alarmas se disparan en la industria.* – В то время как сводные **показатели продолжают расти** (букв. «улыбаться»), ситуация в промышленности **становится всё более критической** (букв. «в промышленности бьют тревогу»). Сохранение в ПЯ буквального перевода не вписывается в жанровые рамки, поэтому не передаётся и приём олицетворения: в русском языке не типично употребление глагола «одушевлённой» семантики (проявления эмоций) с неодушевлённым объектом.

В заголовках статей авторы не скупятся на языковые средства создания экспрессии – не менее интересны в этом контексте и сами тексты статей. В экспликации примеров мы опираемся на языковые приёмы, уже встречавшиеся в заголовках, убеждаясь в том, что за исследуемый период в экономических текстах испанских изданий встречается немало **олицетворений**:

(7) *El mercado español del automóvil no levanta cabeza. Tras caer en enero y febrero, las matriculaciones se hundieron el 38,7% en marzo.* – Испанский автомобильный рынок **не восстанавливается** (букв. «не поднимает головы»). После падения в январе и феврале, в марте количество проданных автомобилей **обрушилось** на 38,7%. Помимо собственно олицетворения (автомобильного рынка Испании) во втором предложении априори коннотативно нейтральный экономический дискурс (объёмы продаж автомобилей) приобретает не просто негативную, а угрожающую окраску благодаря глаголу «тонуть, уходить под воду», словно речь идёт о терпящем крушение судне. Употреблённый в «непривычном» для него окружении, он становится источником создания экспрессии.

Мировой финансовый кризис внёс серьёзные коррективы в стиль экономических статей,

сделав его ещё более выразительным. Сам кризис предстаёт самостоятельной силой, «одушевлённым» существом, влияющим на мировой экономический процесс. Приём олицетворения реализуется за счёт глаголов традиционно «одушевлённой» семантики – *empeñarse* («стараться, пытаться, упорствовать») и *aconsejar* («советовать»):

(8) *Esos (ingresos) extraordinarios debían servirle para impulsar su estrategia de crecimiento en el mercado del agua, pero la crisis, empeñada en reescribir de un plumazo la historia económica de los últimos años* (букв. «упорствующий в своём намерении переписать одним росчерком пера экономическую историю последних лет...») **habría aconsejado al grupo contemporarizar en la persecución de sus objetivos.** – Эти неожиданные финансовые поступления предназначались для стимулирования дальнейшего роста компании на рынке водоснабжения, но возможно, что **внезапно разразившийся кризис, пришедший на смену периоду роста в экономике, продолжая стремительно углубляться, подтолкнул** компанию к пересмотру её планов на будущее. В переводе структура исходной фразы претерпела серьёзные изменения из-за несовпадения возможностей сочетаемости в ИЯ и ПЯ: то, что приемлемо для испанского – сочетание в одной фразе *empeñarse en* и *de un plumazo* – невозможно в ПЯ: «упорствующий в» и «одним росчерком пера» семантически немыслимы в одном высказывании.

Для описания кризиса как некой одушевлённой силы используется негативная коннотация тяжёлого недуга, поражающего целые страны и их жизненно важные «органы» – хозяйственные секторы:

(9) *La crisis económica que padece España, con especial incidencia en sectores como la construcción (...) está poniendo patas arriba el sistema eléctrico.* – Экономический **кризис, поразивший** (букв. «от которого страдает Испания»), как от болезни) Испанию, особенно глубоко затронул такую отрасль, как **строительство, и резко изменил** (букв. «поставил с ног на голову») **ситуацию в сфере электроэнергетики.**

Приём олицетворения создаётся за счёт и в комплексе с другими языковыми средствами, часто с помощью метафор:

(10) *No menos relevante es para Suez, que nutrirá su tesorería en unas circunstancias poco favorables para conseguir financiación.* – Не менее важно это обстоятельство и для компании Suez, которая **получит вливание средств** (букв. «подпитает

казну») на фоне сложностей с финансированием. Используемая сфера-источник метафоры – здоровье («питать, подпитывать»).

Экспрессия экономического дискурса испанской публицистики во многом создаётся за счёт метафорической образности. Своеобразие денотативной опоры метафор в текстах рассматриваемого периода позволило нам выделить частотные сферы-источники метафор.

1. Сфера-источник: природа

(11) *El sol empieza a colarse entre los nubarrones y a sanear charcos y goteras de la crisis en Acerinox.* – Компания Асеринокс начинает восстанавливать своё положение **после затрат и убытков, понесённых в результате пережитого кризиса** (букв. «Солнце начинает высушивать «лужи и протечки», пробиваясь сквозь тучи, сгустившиеся над компанией Асеринокс»). Кризис воспринимается как стихийное бедствие, последствия которого метафорически осмысляются автором.

(12) *A medida que la tormenta avanza, la deuda se va convirtiendo en una pesada losa, sólo soportable por profesionales con los nervios templados como el acero.* – По мере **развития кризиса** долги компаний **всё больше ухудшают** (букв. «становятся для них всё более тяжким бременем») их балансы, ситуация, разрешить которую могут только **закалённые профессионалы**. (букв. «со стальными нервами»). Интересно сравнение долга с могильной плитой, тяжёлым надгробием: так, семантика «тяжесть» осмысляется в разных денотативных полях.

2. Сфера-источник: наука/медицина

(13) *Su mantenimiento artificial, con la respiración asistida de las ayudas estatales, supondría un ejercicio de hipocresía y despilfarro (...).* – Искусственное продление их существования **с помощью государственного финансирования** могло бы стать проявлением лицемерия и разбазаривания средств. Речь идёт о банке Caja Castilla-La Mancha: он изображён тяжело больным, жизнь которого поддерживается аппаратом искусственного дыхания.

(14) *No obstante, también estos enfermos del sistema presentan oportunidades de inversión. Y es que, viéndolo desde otra óptica, el panorama actual es un vivero para directivos con experiencia que quieran arriesgar y comprar empresas (...) a la baja; hasta llegar al extremo de un euro a cambio de la deuda en aquellos casos en que el enfermo está en las últimas.* – Однако, **кризисные компании** также представляют собой шанс для инвестиций. **С другой точки зрения**, нынешняя ситуация – это

хорошая возможность (букв. «благодатная почва») для опытных руководителей, желающих **рискнуть и приобрести** компанию по дешёвке, вплоть до покупки её за один евро в обмен на уплату долгов, когда **положение дел компании безнадёжно** (букв. «на последнем издыхании»). В исходном тексте компании переживающие кризис уподобляются больным, однако при переводе на русский язык выбор делается не в пользу образности. Что показательно, и *oportunidades*, и *vivero*, не сопоставимые по степени экспрессии в данном тексте, переводятся почти одинаково, синонимами «шанс» и «возможность», говоря о более сдержанном стиле русских статей.

(15) *El grupo británico de distribución Marks & Spencer lo hará (crecer fuera) de la mano de franquiciados, para evitar la sangría de pérdidas de la etapa anterior.* – Британский ритейлер Marks & Spencer намеревается выходить на внешние рынки, прибегая к франчайзингу, чтобы избежать **огромных убытков**, как это было в прошлом. Помимо медицинской метафоры используется приём интенсификации: *sangría* (hemorragia) – это и без того «потеря (крови)», к ней прибавляется ещё одна «потеря» – *pérdidas* – в итоге получается «масло масляное», но очень в духе испанского «украшательства» [5, с. 76], причём не только политического, но и экономического дискурса.

3. Сфера-источник: военное дело

(16) *El punto de partida es bueno: la patronal de las cajas (Ceca – la Confederación española de Cajas de Ahorro) ha cerrado filas en torno a su nuevo equipo e intenta transmitir una imagen de unidad.* – Исходная позиция правильная – Союз сберегательных банков **сплотился** (букв. «сомкнул ряды») вокруг новой команды руководителей, пытаясь произвести впечатление единства в своих рядах.

(17) *Ante el nuevo escenario, (los propietarios de viviendas) ya han tomado medidas de blindaje que están perjudicando a quienes buscan casa de alquiler.* – В свете новой ситуации владельцы квартир уже прибегли к **защитным мерам** (букв. «прикрылись бронёй»), затрудняя поиски съёмного жилья.

(18) *Las tradicionales batallas entre los sindicatos y los patronos han dado paso a una guerra en la que ambos comparten trinchera.* – Традиционные **схватки** профсоюзов с предпринимателями уступили место **войне**, в которой они сражаются **на одной стороне** (букв. «в одном окопе»).

Помимо указанных частотных метафор, денотативно связанные со сферой спорта, однако

в силу своей «интернациональности» они менее интересны с лингвистической точки зрения, так как при переводе часто калькируются:

(19) (...) *recortar los incentivos a las renovables. Esto es, **cambiar las reglas del juego en medio del partido** y en plena crisis económica.* – (...) *урезать субсидирование производства электроэнергии из возобновляемых источников. То есть **поменять правила игры**, причём в разгар экономического кризиса.* Для более яркого перевода, однако, можно использовать экспрессивные возможности ПЯ, выйдя из семантического поля спорта: «поменять коней на переправе».

В экономическом дискурсе находит своё отражение и гастрономическая тема. Возможно, сказываются «гедонистическое» мироощущение испанцев и общая тенденция испанской публицистики ко всё большему сближению с целевым реципиентом – среднестатистическим жителем Испании:

(20) *Hasta ahora, el mercado ha podido **absorber todo el papel**, pero esta semana los gobiernos van a poner a prueba **el apetito inversor**.* – *На сегодняшний день все **облигации**, размещённые на рынке, **распроданы**, но на этой неделе правительства проверят истинные **намерения инвесторов*** (букв. «аппетит инвесторов»).

Испанская публицистика тесно связана с социокультурной «матрицей» страны, поэтому статьи довольно коннотативны и пресуппозиционны, а привлечение внимания, оценочность и воздействие на адресата иногда могут превалировать над собственно информирующей функцией. В этой связи нельзя не обратиться к фразеологическим единицам, пословицам, поговоркам и аллюзиям, составляющим целый пласт национально-языковой картины мира и имеющим мощный экспрессивный потенциал применительно к экономическому дискурсу.

Итог в статье о череде неудач одной компании подводится поговоркой: (21) *Está claro que **a perro flaco, todo son pulgas**.* Самый «привычный» перевод: Беда не приходит одна, но в нём не хватает необходимой конкретики и имплицитности, поэтому переводчику пришлось заглянуть глубже в русскую фразеологию: *Ясно, что **паршивому поросёнку и в петровки*** (в Петров день) мороз [4].

(22) *Los dos (los gobiernos de EEUU y del Reino Unido) deberán **hilar muy fino** para que sus propósitos ejemplarizantes no acaben convirtiéndose en un freno para la capacidad crediticia de los bancos.* – *Оба правительства должны будут **действо-***

вать очень взвешенно (букв. «вести тонкую игру»), *чтобы их намерения преподать урок банку Goldman Sachs не привели к сокращению объёмов кредитов, предоставляемых всеми банками.* При переводе приходится жертвовать испанской фразеологичностью в пользу большей нейтральности ПЯ.

(23) *Es la confirmación de que el ICO (Instituto de Crédito Oficial) afronta la fatalidad de acabar transformado en una suerte de banca pública, **por obra y gracia de un decreto ministerial**.* – *Это подтверждение того, что судьба данной кредитной организации – превратиться во что-то вроде государственного банка **по велению министерства**.* Устойчивое выражение обозначает «благодаря», «по мановению», но этимологически это часть библеизма *Por obra y gracia del Espíritu Santo*, лингвистически характеризуемого как фразеологизм в силу устойчивости лексического состава и структуры. Поскольку речь идёт о подмене «положенного» по сочетаемости компонента другим, денотативно нейтральным, создаётся стилистический дисбаланс для введения авторской импликации, в данном случае иронии.

(24) *En El Comidista, el blog que consultan miles de personas, distintos expertos **en catas a ciegas destripan las miserias de las marcas más conocidas del mercado**.* – *В блоге El Comidista различные эксперты на основании экспертиз без указания марки продукта вскрывают недостатки самых известных брендов.* От устойчивого выражения *cata a ciegas*, «дегустация вслепую», остаётся сема «неразглашения», ключевая при переводе, носящем адаптированный, экспликативный характер. Высока экспрессивность выражения *destripar las miserias* (букв. «раскрывать прегрешения»): это аллюзия на Библию, перефразированный библеизм *las miserias humanas* («немощи/слабости людские»), но в переводе остаётся лишь денотативный компонент – «вскрывать недостатки».

Очевидно, что на протяжении всего прошедшего десятилетия экономический дискурс испанской публицистики был богат на разного рода языковые средства передачи экспрессии, а финансовый кризис 2008 года, постепенно усиливающийся антагонизм на международной экономической арене и постоянно вспыхивающие торговые конфликты ощутимо повлияли на стилистику текстов.

В целом в современных экономических статьях набор языковых средств для создания экспрессивности схож, но количественное их соот-

ношение несколько иное. Показательно, что в век продолжающейся техногенной революции в текстах ближайшего к нам периода меньше используется приём олицетворения, чем в текстах начала десятилетия. Однако по-прежнему достаточно много метафор, денотативно опирающихся на сферу природных явлений (*una lluvia de millones* в подзаголовке к статье «La pueva Chináfrica pide paso», примеры (11), (12).

Значительно количество метафор, связанных со сферой-источником «война», что может быть отражением обострения отношений между экономическими агентами внутри конкретной страны и/или между странами и/или блоками стран (примеры 16–18). Об общей интенсификации конфликтов в мировой экономике говорит и большое число метафор из спортивной сферы. Однако, как говорилось выше, в силу частого калькирования при переводе, мы не рассматриваем их подробно: с лингвистической точки зрения, примеры из других сфер представляют больший интерес.

Указанные особенности экономических статей за рассмотренный период говорят, во-первых, о высоком экспрессивном потенциале экономического дискурса испанской публици-

стики в целом а, во-вторых, о дискурсивных тенденциях, обусловленных экстралингвистическими факторами: продолжением мировой рецессии, экономической экспансией ряда стран и связанными с этим экономическими конфликтами и торговыми войнами. Кроме того, на язык и механизмы восприятия информации оказывает влияние технологический прогресс, переводящий публицистику в формат интернет-изданий. Как правило, это ускоряет новостной поток, усиливает конкуренцию между изданиями. Современная среда, переполненная информацией, в которой СМИ стремятся привлечь максимально широкую аудиторию, дать свою трактовку событий (степень неоднородности позиций по экономическим вопросам высока) и обойти в погоне за читателями соперников, создаёт своеобразную «психологическую усталость» [9, с. 1] реципиентов: люди читают меньше и избегают длинных статей. Чтобы «достучаться» до массового сознания содержание должно быть актуальным, «апеллируя не только (и не столько) к интеллектуальному, сколько к эмоциональному интересу читателя» [9, с. 1], а его можно пробудить за счёт различных способов создания экспрессии, рассмотренных в том числе в нашей статье.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: 1990. С. 136-137.
2. Баранов А.Н. Спор метафор: языковая метафора как средство аргументативного воздействия / А.Н. Баранов. // М. 2000. 270 с.
3. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М.: Языки славянской культуры. 2002. 736 с.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа. Словарь. М.: Академический проект, 2018. 1228 с.
5. Иовенко В.А. Национально-культурное мировидение в переводческом измерении: монография / В.А. Иовенко // М.: МГИМО-Университет, 2013. 219с.
6. Иовенко В.А. Национальное мировидение в двуязычной коммуникации / В.А. Иовенко // М.: Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4. С. 303-311.
7. Киров Е.Ф. Язык в системе человеческой деятельности (фрагмент спекулятивной лингвистики) / Е.Ф. Киров // Теория языкознания и русистика: Сборник статей по материалам международной научной конференции памяти Б.Н. Головина. Нижний Новгород, 2001. С. 24-26.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. / Язык и моделирование социального взаимодействия: переводы / Под общ. ред. В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. 464 с.
9. Романова Г.С. Испанский язык в зеркале газетной страницы: некоторые особенности лексики и грамматики периодической печати Испании. Учебное пособие. М.: МГИМО МИД РФ, 1992. 126 с.
10. Потолдыкова Е.В. Лингвопрагматический аспект фразеологической вариативности в англоязычном массово-информационном дискурсе: автореф. дис. д-ра фил. наук / Е.В. Потолдыкова. Волгоград, 2004. 169 с.
11. Смолененкова В.В. Основы риторической критики. М.: Форум: ИНФРА-М, 2016. 192 с.
12. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2000. 310с.
13. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2008. 352 с.
14. Grijelmo A. El estilo del periodista. Editorial TAURUS, 2008.

Сведения об авторах:

Матюшенко Наталия Леонтьевна – старший преподаватель кафедры испанского языка МГИМО МИД РФ (Россия, г. Москва). Сфера научных интересов: вопросы перевода, стилистика, проблемы преподавания иностранных языков, массовая литература в изучении иностранных языков. E-mail: natalia.matiushenko@yahoo.es.

Коржукова Елена Станиславовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры испанского языка МГИМО МИД РФ (Россия, г. Москва). Сфера научных интересов: лингвокультурология, анализ текста, стилистика, массовая литература в обучении языку, семиотика культуры. E-mail: baleares@yandex.ru.

CREATING EXPRESSION IN THE ECONOMIC DISCOURSE OF SPANISH PUBLICISM

Natalia L. Matiushenko, Elena S. Korzhukova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

Abstract: *The article, based on the material of Spanish publications “El País”, “Expansión” and others, analyzes various means by which expression and figurativeness in economic discourse is created. A linguistic-stylistic analysis of the articles of the period 2009 – 2019 within the framework of a system-functional approach with the focus on interpretation and competence factors of translation, allows not only viewing genre features of economic discourse in Spanish journalism but also elements of national and cultural mentality represented in it. Only taking into account these elements it is possible to translate and interpret Spanish texts correctly, including various means of linguistic figurativeness. Not without reasons do we pay special attention to the equivalence of translation. It consists in identifying and preserving the semantic content of the source language text in the translation language, with stylistic and expressive components of the former. That is why we give additional comments on translation, where there are register mismatches in Spanish and Russian economic discourses. Besides, in the latest decade there has been revealed a tendency of a more frequent use of some stylistic devices to create figurativeness in Spanish economic discourse.*

Key Words: *metaphor, source sphere, personification, phraseological unit, allusion, source language, translation language, translation, creation of expression.*

References

1. Arutiunova N.D. Diskurs. [Discourse] / N.D. Arutiunova Lingvisticheskii entsyklopedicheskii slovar'. Pod red. V.N. Iartsevoi. M.1990. S. 136-137.
2. Baranov A.N. Spor metafor: iazykovaia metafora kak sredstvo argumentativnogo vozdeistviia. [The dispute of metaphors: language metaphor as a means of argumentative influence] / A.N. Baranov. // M. 2000. 270 s.
3. Bondarko A.B. Teoriia znachenii v sisteme funktsional'noi grammatiki: Na materiale russkogo iazyka. [The theory of meaning in the system of functional grammar: On the material of the Russian language] M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2002. 736 s.
4. Dal' V.I. Poslovitsy russkogo naroda. [Proverbs of the Russian people] Slovar'. – M.: Akademicheskii proekt, 2018. 1228 s.
5. Iovenko V.A. Natsional'no-kul'turnoe mirovidenie v perevodcheskom izmerenii: monografiia. [National-cultural worldview in the translation dimension: a monograph] M.: MGIMO-Universitet, 2013. 219 s.
6. Iovenko V.A. Natsional'noe mirovidenie v dvuiazychnoi kommunikatsii. [National vision in bilingual communication] M.: Vestnik MGIMO-Universiteta. 2013. № 4. S. 303-311.
7. Kirov E.F. Iazyk v sisteme chelovecheskoi deiatelnosti (fragment spekulativnoi lingvistiki). [Language in the system of human activity (fragment of speculative linguistics)] / E.F. Kirov // Teoriia iazykoznanii i rusistika: Sbornik statei po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamiati B.N. Golovina. Nizhnii Novgorod, 2001. S. 24-26.
8. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafor, kotorymi my zhivem. [The metaphors we live in] / Iazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeistviia: perevody. [Language and modeling of social interaction: translations] / Pod obshch. red. V.V. Petrova. M.: Progress, 1987. 464 s.

9. Romanova G.S. Ispanskii iazyk v zerkale gazetnoi stranitsy: nekotorye osobennosti leksiki i grammatiki periodicheskoi pechati Spanii. [Spanish language in the mirror of a newspaper page: some features of the vocabulary and grammar of Spain periodicals] Uchebnoe posobie. M.: MGIMO MID RF, 1992. 126 s.
10. Potoldykova E.V. Lingvopragmaticheskii aspekt frazeologicheskoi variativnosti v angloiazychnom massovo-informatsionnom diskurse. [Linguo-pragmatic aspect of phraseological variation in the English-language mass-information discourse] Avtoref. dis. d-ra fil. nauk / E.V. Potoldykova. Volgograd. 2004. 169 s.
11. Smolenenkova V.V. Osnovy ritoricheskoi kritiki. [Basics of rhetorical criticism] M.: Forum: INFRA-M, 2016. 192 s.
12. Tertychnyi A.A. Zhanry periodicheskoi pechati. [Periodicals genres] M.: Aspekt Press, 2000. – 310 s.
13. Chudinov A.P. Politicheskaya lingvistika. [Political linguistics] M.: Flinta: Nauka, 2008. – 352 s.
14. Grijelmo A. El estilo del periodista. Editorial TAURUS, 2008.

About the authors:

Matiushenko Natalia Leontievna – Senior Lecturer at Spanish Department, MGIMO University (Moscow, Russia). Sphere of research interests: translation issues, stylistics, problems of teaching foreign languages, mass literature in teaching of foreign languages. E-mail: natalia.matiushenko@yahoo.es.

Elena S. Korzhukova – PhD, Senior Lecturer at Spanish Department, MGIMO University (Moscow, Russia). Sphere of research interests: cultural linguistics, text analysis, stylistics, mass literature in language teaching, semiotics of culture. E-mail: baleares@yandex.ru.

* * *

ГРАММАТИКА В СОВРЕМЕННОМ УЧЕБНИКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ВУЗА

О.А. Кравцова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье рассматриваются методологические основы создания грамматического раздела (ГР) современного учебника иностранного языка (ИЯ) для вуза. Ими являются коммуникативный и компетентностный подходы к обучению ИЯ и реализуемые в рамках этих подходов принципы аутентичности, мультимодальности, контекстуальности, релевантности и многоуровневости. Отмечается важность грамматики для развития не только коммуникативной компетенции, но и мыслительных умений высшего порядка; исходя из этого, формулируются две цели её изучения: коммуникативная и когнитивная. В соответствии с целями определяются задачи, стоящие перед автором ГР: 1) интегрировать грамматику в профессионально ориентированный курс ИЯ в качестве компонента, необходимого для взаимосвязанного развития речевых умений; 2) разработать эффективную систему упражнений; 3) обеспечить возможность использовать грамматический материал в смешанных группах. Основополагающие принципы диктуют отбор материала (в рамках программы), последовательность введения грамматических единиц и способы их презентации, а также типы упражнений и заданий. Описана обеспечивающая достижение учебных целей система упражнений, выполняемых в аудитории, которая включает три основных типа: аналитические, условно коммуникативные и коммуникативные, а также тренировочные упражнения для самостоятельной работы. Представлен опыт создания ГР в учебнике английского языка для международных и результаты его апробации. Делается вывод, что условиями создания качественного ГР в учебнике ИЯ являются наличие современной общей концепции такого учебника и особой компетенции автора у разработчика.

Ключевые слова: коммуникативная и когнитивная цели обучения грамматике, задачи автора грамматического раздела, компетенция автора, функционально-прагматический подход, принципы разработки материалов, система упражнений.

Введение: о роли грамматики в обучении ИЯ

В отечественной методике обучения ИЯ грамматике традиционно придавалось большое значение: в школах и вузах вплоть до середины XX века широко применялся грамматико-переводной метод, изначально использовавшийся для преподавания классических языков. Этот метод предполагал изучение правил на основе системного (дедуктивного) подхода с опорой на родной язык, а также рас-

сматривал перевод как основной вид учебной деятельности, направленный на усвоение этих правил. Возможно, в силу этой традиции необходимость целенаправленно обучать грамматике никогда всерьёз не подвергалась сомнению в советской, а затем и российской лингводидактике. Сегодня, в условиях новой парадигмы иноязычного образования, основанной на коммуникативном и компетентностном подходах, переосмысливается и роль грамматики в изучении/обучении ИЯ, и то, как ей обучать (см., например, [1; 4]).

В отличие от российских, западные специалисты в области методики преподавания ИЯ и прикладной лингвистики с 70-х годов прошлого века вели споры о том, следует ли обучать грамматике специально. Так, Стивен Крашен (Stephen Krashen) отрицал целесообразность её изучения, что вполне соответствовало его теории естественного освоения языка (*natural acquisition*), согласно которой именно такое освоение является единственно эффективным способом овладения ИЯ в противоположность сознательному изучению [12]. Сторонники коммуникативного, а позднее и проблемного подхода (*task-based learning*), также одно время либо выступали против эксплицитного обучения грамматике, либо утверждали, что её изучение вне контекста коммуникативных ситуаций не может быть эффективным [10; 11].

Однако в начале XXI века вновь возобладала точка зрения, что изучение ИЯ невозможно без изучения его грамматического строя. Например, признанный специалист в области английской грамматики Майкл Свон (Michael Swan) считает, что в условиях ограниченного аудиторного времени и невозможности погружения в среду изучаемого ИЯ овладение наиболее сложными грамматическими структурами может быть обеспечено только посредством целенаправленного обучения [15]. Ещё одним важным аргументом является то, что освоение грамматических категорий даёт студентам понимание того, как устроен и функционирует язык [13; 9], так как именно грамматика создаёт его структуру.

Преподаватели всех ИЯ, вероятно, согласятся с утверждением, что студенты с плохо развитыми грамматическими умениями сталкиваются с проблемами на разных этапах языковой подготовки, в том числе и при изучении ИЯ для профессиональных целей. В последнем случае из-за неспособности распознать типы синтаксической связи между элементами предложения и логической связи между предложениями в сверхфразовом единстве они не могут адекватно понять текст политической или научной статьи, логично построить устное (доклад, презентация) и/или письменное (резюме, эссе, обоснование выбора темы магистерской диссертации) высказывание. Незнание типичных для изучаемого ИЯ грамматических моделей является серьезным препятствием и при переводе на русский язык. Другими словами, страдают речевые умения, являющиеся частью профессиональной иноязычной коммуникативной компетенции (ПИКК).

Этот факт подтверждает, на наш взгляд, необходимость включения грамматического компонента в курс ИЯ при подготовке специалистов любого профиля и ставит вопрос о том, что должен представлять собой ГР учебника ИЯ для вуза, соответствующего современным стандартам высшего профессионального образования.

Изучение существующих в отечественной и зарубежной методике подходов к преподаванию грамматики, сравнительный критический анализ современных российских учебников ИЯ (главным образом английского) для вузов и многолетний опыт преподавательской работы позволили автору настоящей статьи разработать концепцию и создать ГР в ряде учебников английского языка для студентов факультета Международных отношений МГИМО. Таким образом, все изложенные ниже принципы, подходы и т.п. реализованы в учебниках, а созданная на их основе система заданий и упражнений апробирована в учебном процессе.

Методология: задачи, подходы, принципы

Исходным положением при разработке концепции ГР для нас являлось то, что задачи, стоящие перед автором, определяются целями обучения грамматике, которые в свою очередь обусловлены общей целью обучения ИЯ в конкретном вузе, с учётом контекста обучения/учения.

Изучение грамматики ИЯ, на наш взгляд, преследует две взаимосвязанные цели: *коммуникативную* и *когнитивную*. Первая предполагает формирование/развитие грамматических умений, достаточных для осуществления устной и письменной коммуникации, в том числе на профессиональные темы. Когнитивная цель предусматривает не столько усвоение студентами отдельных грамматических моделей (фактические знания), сколько развитие умения понимать связи и отношения между грамматическими концептами в системе языка (концептуальные знания), что не только формирует умение применять полученные знания на практике (процедурные знания) [8], но и способствует совершенствованию мыслительных умений высшего порядка. В соответствии с пересмотренной таксономией Блума (иерархическая модель организации учебной деятельности, основанная на шести когнитивных уровнях сложности) [Там же] применительно к грамматике это умения

анализировать (analyze) и оценивать (evaluate). Достижение когнитивной цели также повышает способность студентов в дальнейшем самостоятельно совершенствовать свои грамматические умения, а значит и уровень владения языком в целом, за счёт освоения всё новых способов выражения грамматического значения.

Немного о контексте: в неязыковом вузе, как правило, курс ИЯ для общих целей (с элементами профессиональной ориентации) является частью программы подготовки на первом и втором курсах и в лучшем случае предусматривает два-три аудиторных занятия в неделю. Кроме того, реальностью современного высшего образования являются так называемые *смешанные* группы, в которых студенты имеют разный образовательный опыт, различный уровень языковых знаний и умений, разные познавательные стили.

Из вышесказанного следует, что перед автором ГР стоят следующие *задачи*:

- интегрировать грамматику в курс ИЯ для общих целей, обеспечивающий *взаимосвязанное* развитие рецептивных и продуктивных видов речевой деятельности;
- разработать систему заданий и упражнений, способствующих развитию у студентов умения *осознанно* (т.е. понимая, почему они это делают, и умея объяснить) и уместно использовать грамматические единицы в различных коммуникативных ситуациях;
- сделать изучение грамматики *посильным* и одновременно *стимулирующим* для студентов с различным уровнем языковой подготовки и разными познавательными стилями.

Успешное выполнение этих задач в значительной степени зависит от особой *компетенции автора*, «сочетающей интеллектуальную, лингвистическую, методическую, исследовательскую компетенции и умение работать в команде» [2, с. 51]. Наличие данной компетенции вкупе с опытом практической преподавательской работы обуславливает, в частности, способность автора ГР сформулировать или выделить *принципы*, которые определяют отбор и презентацию материала, а также разработку системы заданий и упражнений.

Следует заметить, что общие дидактические и лингводидактические принципы достаточно давно и детально разработаны отечественными педагогами, психологами и методистами (К.Д. Ушинский, Л.В. Щерба, Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов, Е.И. Пассов), которые внесли

огромный вклад в педагогику и теорию обучения ИЯ, а с конца XX века на повестке стоит разработка теоретических основ учебника ИЯ нового поколения (см. краткий обзор в [2]).

В последнее время зарубежные специалисты в области преподавания иностранного языка также уделяли этому большое внимание [15; 16; 14]. Они справедливо утверждают, что автор учебных материалов должен руководствоваться не интуицией и личным опытом, а дидактическими и лингводидактическими принципами, знанием того, как функционирует конкретный современный язык, и результатами изучения и оценки существующих учебников этого ИЯ [16].

Мы уже высказывали точку зрения, что при работе над учебником ИЯ для вуза авторы должны взять за основу ограниченное количество наиболее важных принципов, обеспечивающих выполнение поставленных задач [5]. Назовём здесь лишь те, которые, по нашему мнению, важны именно при работе над ГР (принципы *модульности, многоуровневости и опережения*) и вкратце остановимся на тех, которые нуждаются в уточнении в свете современного когнитивно-коммуникативного подхода к обучению грамматике [14].

Аутентичность и мультимодальность означают, что текстовый материал должен демонстрировать, как та или иная грамматическая единица функционирует в реальных ситуациях современного устного и/или письменного общения, в текстах разных жанров, регистров и стилей.

Тесно связанный с предыдущим принцип *контекстуальности* подразумевает, что грамматические единицы, подлежащие изучению, должны использоваться (при презентации и в упражнениях) в абсолютно прозрачном контексте: студенту должна быть понятна ситуация общения, её участники, коммуникативная цель их высказываний и т.д.

Релевантность в широком понимании означает, что содержательно языковой материал имеет отношение к студенту и его будущей профессии или затрагивает актуальные проблемы молодёжи, современного общества и т.п. и, соответственно, вызывает эмоциональный и/или когнитивный интерес. В узком понимании [15] этот принцип диктует отбор грамматических явлений, вызывающих трудность именно у русскоязычных студентов. Заметим, что этот принцип косвенно подтверждает неэффективность

использования или творческого копирования коммерческих западных учебников ИЯ в целом и учебников грамматики в частности.

Перечисленные принципы наиболее полно реализуются в *функционально-прагматическом* подходе, который являлся стратегическим при работе над ГР учебника «Английский язык для международников» [6] и в рамках которого грамматика рассматривается не как самоцель, а как важный компонент профессионально направленного курса английского языка. Далее продемонстрируем, как это повлияло на отбор материала, последовательность его введения, способы презентации и систему упражнений.

Практика: разработка грамматического раздела

Принятый нами подход определил необходимость включения ГР в каждый из двенадцати тематических уроков. (Не останавливаясь на этом подробно, отметим, что относительная автономность раздела позволяет при необходимости использовать его в качестве самостоятельного модуля, например, в различных программах дополнительного образования.) Отбор материала для изучения на первом курсе диктуется рабочей программой по ИЯ в соответствии с ФГОС ВО. Однако при этом особое внимание уделяется *частотным* грамматическим единицам и моделям, необходимым для эффективного устного и письменного общения, в первую очередь явлениям, представляющим *трудность для русскоязычных* студентов (в соответствии с принципом релевантности М. Свона) из-за интерференции русского языка, либо отсутствия в нём подобных явлений [3]. В английском языке это видовременные формы глагола, модальные глаголы, инфинитивные конструкции, артикль. Внутри форм глагола особенно сложными для понимания и усвоения являются аспекты Perfect (совершенный) и Perfect Progressive (совершенно-длительный); в разделе «Инфинитив» – формы, выражающие аспект и залог. Кроме этого, в соответствии с принципом опережения, в раздел включена дополнительная, как правило, новая для студентов информация об особенностях использования грамматических единиц в разных регистрах речи, а также о современных тенденциях.

При этом в учебнике реализована достаточно нетрадиционная последовательность введения материала, подчинённая коммуникативной

цели: обычно так называемые «времена» предлагается начинать изучать с форм настоящего времени (Present), мы же отталкивались от тематики уроков. Так, в теме “Good Old England: The Glorious Past” («Добрая старая Англия: славное прошлое»), которая открывает учебник, логично посвятить грамматический раздел временам группы Past, а изучение видовременных форм глагола группы Present начать позже, при работе над темой “The Multicoloured World: The Turbulent Present” («Многоцветный мир: неспокойное настоящее»).

В теме “English Across the Oceans” («Английский язык на разных континентах») рассматриваются важные события из истории англоязычных стран, а в качестве проектных заданий студентам предлагается сравнить особенности продвижения американских колонистов на запад с освоением Сибири в Российской империи, а также провести исследование истории дипломатических отношений между Россией и США. Очевидно, что при выполнении первого проектного задания студентам придётся находить сходства и отличия, а во втором делать выводы о наиболее и наименее плодотворных/напряжённых периодах этой истории, то есть сравнивать. Поэтому грамматической темой этого урока являются степени сравнения прилагательных и наиболее частотные модели сравнения.

В рамках общего функционально-прагматического подхода мы придерживались *интегративного* подхода к презентации грамматического материала, суть которого можно выразить словами «используем всё, что работает». Это означает следующее: 1) сочетание дедуктивного (с минимумом метаязыка) и индуктивного способов презентации; 2) использование таблиц, снабжённых комментариями о стилистических и прочих особенностях употребления данных грамматических единиц; 3) введение материала в контекстах уровня текста и уровня предложения; 4) использование русского языка, когда это методически целесообразно.

Таблица ниже иллюстрирует, как используется дедуктивный метод введения материала. Краткие пояснения, снабжённые примерами, показывают различия в употреблении двух видовых форм прошедшего времени (Past Perfect Continuous указывает на то, что действие происходило в течение некоторого времени до определённого момента в прошлом, тогда как Past Continuous подчёркивает, что действие происходило именно в этот момент).

Past Perfect Continuous	Past Continuous
Shows that the action had been going on for some time before a particular past moment	Emphasizes that the action was in progress at that past moment
<i>His shoes were full of mud. It was clear that he had been digging in the garden.</i>	<i>She couldn't answer the phone because she was digging in the garden.</i>

Приведём также пример индуктивного введения грамматического материала с помощью метода управляемых открытий (guided discovery). Студентам предлагается проанализировать предложения в таблице и ответить на вопросы,

которые помогают им самим сформулировать правила использования неопределённых местоимений.

Analyze the sentences and answer the questions that follow.

a) No film is more interesting than a book.	BUT	a) None of <u>the/those/his</u> films is interesting.
b) Somebody brought <u>their</u> dog to the party.		b) Someone <u>has</u> just called you.
c) Can anyone * of you remember that day?		c) Does anybody remember that day?

*Note: while *-one* forms and *-body* forms mean the same, *-one* is more common in writing; *-body* forms are more common for spoken language;

- Can we use NO with *the/these/those/his/her, etc.* + a noun? (Можно ли использовать местоимение NO перед существительным с артиклем или перечисленными указательными/притяжательными местоимениями?)
- Do somebody/someone/anybody, etc. take a singular or plural verb? (С какой формой глагола, единственной или множественной, согласуются перечисленные местоимения?)
- Do singular or plural pronouns go with somebody/someone/anybody/etc.? (Какая форма личного местоимения, в единственном или множественном числе, заменяет перечисленные местоимения?)
- What derivatives of SOME, ANY, and NO can be followed by the preposition of? После каких производных неопределённых местоимений SOME, ANY, NO используется предлог of?)

Здесь же даётся примечание (Note), поясняющее, что сложные местоимения с компонентом *-one* более характерны для письменной речи, в то время как имеющие такое же значение местоимения с *-body* преимущественно используются в устной речи.

Следующая таблица демонстрирует методически оправданное (в том смысле, что оно облегчает понимание и экономит аудиторное время) использование русского языка для объяснения различий между другими местоимениями.

Number	Indefinite Pronouns	Russian	Examples
Singular	another * the other	1. еще один 2. какой-нибудь другой другой (из двух)	1. <i>Could I have another look at this?</i> 2. <i>Could I have another test instead of an x-ray?</i> <i>When Eric heard Sam on the other end of the line, he hung up.</i>
Plural	others / other + pl N the others / the other + pl N	Другие остальные	<i>Some college students prefer to live alone. Others / other students prefer to live with roommates in a dormitory.</i> <i>One of the young men is played by a real actor; the others / the other actors are non-professionals.</i>

При разработке системы упражнений, в соответствии с принципом многоуровневости, нами использовался дифференцированный подход, который заключается в наличии двух уровней сложности (базовый и продвинутый) в учебнике, и трёх уровней (добавляется «предбазовый») в рабочей тетради (подробнее ниже).

В рамках когнитивно-концептуального и коммуникативно-деятельностного подходов нами была разработана система упражнений для ГР учебника, включающая три основных типа (предлагаемые нами названия не являются оригинальными и достаточно условны). Рассмо-

трим типы упражнений и примеры конкретных заданий в каждом из них.

I. Аналитические упражнения (grammar awareness), направленные на развитие умения понимать функции базовых грамматических концептов и когнитивных умений в целом (в заданиях упражнений этого типа используются глаголы «объясните», «сравните», «определите», «решите», «выберите», «сгруппируйте» и т.п. [8]).

– анализ особенностей функционирования грамматических единиц в речи

1. А. Прочитайте диалог. Определите, кто и в какой ситуации разговаривает? В. Выберите

глаголы, которые описывают действия, относящиеся к будущему. Какие из них предположения, а какие – планы?

2. Сгруппируйте предложения в соответствии со значениями времени Past Simple: а) однократное законченное действие; в) действие, продолжавшееся некоторое время и закончившееся в прошлом; с) состояние в прошлом ...

3. Прочитайте отрывок (из рассказа Ирвина Шоу). А. Решите, какая атмосфера была в аудитории перед занятием. Объясните, как достигается этот эффект. В. Найдите в тексте наречия и определите, к каким словам они относятся.

Поясним, что именно наречия создают в этом тексте необходимый стилистический эффект. «Они (студенты) тихо сидели на своих местах, не разговаривая. Большинство из них аккуратно раскладывали книги или просматривали записки ...» (перевод мой – О.К.)

– выбор правильной формы в определённом контексте

1. Выберите наиболее подходящую/правильную в данном контексте форму глагола/количественного местоимения/прилагательного. Объясните свой выбор.

2. Раскройте скобки и заполните пробелы, поставив глагол в правильную временную форму (предлагается выбор из двух-трёх форм, например, Past Simple or Present Perfect). Объясните своё решение.

II. Условно-коммуникативные упражнения, направленные на закрепление изучаемых грамматических единиц и структур через их использование в мини-ситуациях, имитирующих реальные:

– подстановочные по речевому образцу (с подсказками и без)

1. Скажите, почему это произошло. Model: Mary's eyes were red (cry) → ... because she had been crying. (У Мери были красные глаза, потому что она плакала.)

Jane looked tired. (work hard) → She had been working too hard. (Джейн выглядела усталой, так как слишком много работала.)

The student passed the exam with an 'A' (...) →? (Студент сдал экзамен на отлично, потому что ...)

2. Предложите друзьям/однокурсникам что-то сделать, используя 'Why not ...?' Model: Why not go out tonight? (Почему бы нам куда-нибудь не сходить сегодня вечером?)

– использование единицы/структуры, заданной ситуацией

1. Расскажите о раздражающих вас привычках ваших родственников/соседей/друзей и т.д. (в английском языке в этом случае используется форма Present Continuous). Например: My friend is always arguing with everyone. (Мой друг всегда со всеми спорит.)

2. Какой совет вы дали бы в следующих ситуациях? (Необходимо использовать модальные глаголы и их эквиваленты should, ought to, had better.)

3. Выразите критическое отношение к описанным поступкам (предполагается использование модального глагола should с перфектным инфинитивом). Например: Ben should have made a greater effort ... (Бену нужно было приложить больше усилий/больше постараться ...)

III. Коммуникативные упражнения, предназначенные для вывода изучаемых грамматических единиц в речь:

– монологические и диалогические высказывания в ситуациях, приближенных к реальному общению (Задание может предусматривать использование определённых грамматических единиц и моделей, но их перечень достаточно широк.)

1. Расскажите, как изменилась ваша жизнь, когда вы стали студентом. (Предполагается использование времен Past Simple, Present Perfect, Present Simple, а также различных степеней сравнения прилагательных и наречий.)

2. Работая в паре, расскажите друг другу, чем вы занимались последнее время, и что вам удалось сделать. (Предполагается использование времён Perfect Continuous и Perfect, но не только.)

3. Вы встретились после каникул. Обменяйтесь новостями. (В этом случае студенты используют все видовременные формы глагола, которые диктуются экстралингвистическими обстоятельствами.)

– мини-ролевые игры

1. Вы детектив, преследующий вероятного преступника. Вы остаётесь на связи со своим партнёром и рассказываете ему, что наблюдаете. (Могут использоваться различные видовременные формы глагола.)

2. Вы решили изменить свою жизнь. Составьте список того, что вы собираетесь делать и обсудите с другом плюсы и минусы этого решения. Обсудите также ваши действия в случае неудачи. (Такого рода задание предполагает интеграцию грамматических умений, так как требует использования различных ранее изученных грамматических моделей.)

Здесь следует ещё раз подчеркнуть, что основной функцией грамматики является обеспечение эффективной коммуникации, поэтому на заключительных этапах работы над тем или иным грамматическим явлением студенты должны научиться использовать эти единицы в ситуациях реального общения, что диктует настоятельную потребность в таких упражнениях в современном учебнике ИЯ.

Наконец, интегративные задания, не входящие в ГР, такие как проектные работы и большие ролевые игры, предполагают активизацию всех коммуникативных компетенций, в том числе грамматической как компонента языковой. Именно на этом этапе, когда внимание сосредоточено не на форме, а на содержании высказывания, становится понятно и студенту, и преподавателю, насколько хорошо усвоен грамматический материал.

Аналитические, условно-коммуникативные и коммуникативные упражнения, о которых шла речь выше, рекомендуется выполнять в аудитории. Кроме того, в учебнике есть упражнения на перевод с русского языка на английский. Их цель – *контроль усвоения* грамматического материала на различных этапах работы с ним, так как выполнение переводных упражнений само по себе не способствует развитию умения использовать грамматические модели в речи. Студенты выполняют эти упражнения письменно и после проверки преподавателем делают работу над ошибками.

Рабочая тетрадь содержит так называемые некоммуникативные (non-communicative) упражнения, которые в разных классификациях также называются языковыми или тренировочными. Это трансформационные и подстановочные упражнения, предназначенные исключительно для самостоятельной внеаудиторной работы студента и включающие следующие виды заданий:

1. Закончите предложения. Используйте *Past Continuous* для обозначения фонового действия и *Past Simple* для обозначения основного действия.

2. Поставьте глаголы в скобках в нужную временную форму.

3. Перефразируйте предложения по образцу.

4. Поставьте прилагательные/количественные числительные/наречия в сравнительную/превосходную форму.

Предполагается, что упражнения из рабочей тетради проверяются преподавателем с

последующим кратким анализом типичных ошибок в классе, что позволяет рационально использовать дефицитное аудиторное время: для выполнения заданий, требующих взаимодействия студентов с преподавателем или друг с другом.

Результаты

Полномасштабная апробация учебника проводилась в прошедшем учебном году, когда по нему занимались студенты первого курса факультета Международных отношений, изучающие английский язык как первый или второй иностранный, всего более 250 человек. По результатам апробации представляется возможным сделать следующие комментарии относительно работы с ГР, некоторые из которых не касаются напрямую качества учебного материала, но должны учитываться потенциальными авторами:

1) С осторожностью можно утверждать, что различные способы подачи грамматического материала и предложенная система упражнений вызывают у студентов интерес к изучению грамматики и способствуют её лучшему усвоению, о чём свидетельствуют результаты контрольных работ и отчёты преподавателей о работе в семестре.

2) Преподаватели также отмечают оправданность чёткого разделения упражнений на те, которые выполняются в аудитории, и предназначенные для самостоятельной работы, так как это даёт больше возможностей для выведения грамматических моделей в речь, что повышает эффективность учебного процесса.

3) Наличие упражнений «предбазового» уровня сложности в рабочей тетради помогает студентам с менее развитыми языковыми умениями за счёт самостоятельной работы если не догнать, то приблизиться к более подготовленным студентам по уровню автоматизма в использовании грамматических единиц. Одновременно тренировочные упражнения с заданиями более высокого уровня сложности позволяют сильным студентам «оставаться в тонусе» и совершенствовать свои умения. Градация по сложности в условно-коммуникативных и коммуникативных упражнениях обеспечивает вовлечение в учебный процесс всех студентов.

4) Личный опыт автора свидетельствует о том, что аналитические упражнения, которые

помогают студентам понять, как функционирует язык и как взаимосвязаны все языковые явления, приводит к более осознанному (в противовес формально-механическому) использованию грамматических моделей, что, как представляется, повышает грамотность устной и письменной речи. В конечном счёте, это также позволяет надеяться на развитие способности студентов мыслить логично.

5) Работа над ГР выявила также болевую точку: некоторые преподаватели (независимо от возраста и опыта работы) стремятся делать акцент именно на чисто языковых упражнениях (то, что по-английски называется drill) и выполнять их в классе. По-видимому, это следствие упомянутого выше многолетнего преобладания грамматико-переводного метода в отечественной лингводидактике, и для преодоления этого наследия авторам учебника, особенно на начальном этапе работы с ним, помимо подробных инструкций в книге для преподавателя [7], необходимо проводить семинары и мастер-классы.

6) Рабочие тетради, полезность которых ни у кого не вызывает сомнения, в идеале должны быть электронными с обязательной возможностью самопроверки. Это делает более удобным процесс выполнения заданий для студентов и облегчает труд преподавателя, так как при таком режиме появляется возможность отслеживать самостоятельную работу студентов и осуществлять выборочную проверку, что, безусловно, повысит эффективность процесса учения/обучения.

Заключение

В заключение ещё раз подчеркнём необходимость интеграции грамматики как важного (но не самодостаточного) элемента языка в профессионально-ориентированный курс ИЯ. Во-первых, грамматические умения являются необходимым условием эффективной коммуникации в любых ситуациях общения, в том числе, что важно при языковой подготовке будущих специалистов (особенно в сфере международных отношений), в профессиональном общении; другими словами, они способствуют развитию ПИКК. Во-вторых, изучение грамматики, а именно: освоение грамматических концептов, их взаимных связей в системе языка и особенностей реализации в речи – способствует развитию когнитивных умений высшего порядка.

Как показывает наш опыт создания учебника английского языка (первый вышел в свет в 2008 году в рамках Инновационной программы МГИМО), разработка качественного ГР учебника ИЯ – непростая, но выполнимая задача. Залогом успеха является в первую очередь наличие современной общей концепции учебника, в которую вписывается соответствующее понимание роли грамматики, а также, безусловно, сформированность всех компонентов особой компетенции автора и опыт преподавания у разработчика. Только в этом случае может быть создан аутентичный учебник нового поколения, который, в отличие от компиляций и заимствований, способен обеспечить эффективность обучения/изучения ИЯ в современных условиях.

Список литературы

1. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М.: Академия, 2006. 336 с.
2. Кравцова О.А., Ястребова Е.Б. Современный аутентичный учебник иностранного языка для вуза: проблемы и пути решения // Филологические науки в МГИМО. М.: МГИМО-Университет. 2019, № 18 (2). С. 48-57.
3. Рюмина Н.А., Ястребова Е.Б. Формирование иноязычной лингвистической компетенции на основе взаимодействия родного и иностранного языков // Вестник МГЛУ. М., 2004, № 492. С. 65-75.
4. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранному языку. М.: Просвещение, 2002. 241 с.
5. Ястребова Е.Б., Кравцова О.А. Какой учебник иностранного языка нужен вузу сегодня? // Иностранные языки в школе. 2011, № 5. С. 63-68.
6. Ястребов Е.Б., Кравцова О.А., Крячков Д.А., Владыкина Л.Г. Английский язык для международных: Учебник для вузов в двух частях. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2018. 640 с.
7. Ястребова Е.Б., Кравцова О.А. Английский язык для международных. Книга для преподавателя. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2018. 232 с.
8. *A Taxonomy for Learning, Teaching and Assessing: a Revision of Bloom's Taxonomy of Educational Objectives*. Ed. by Anderson, Lorin W. & Crathwohl David R. Pearson, 2000. 336 p.
9. Azar, Betty. (2007) Grammar-Based Teaching: A Practitioner's Perspective. TESL-EJ, Sept. 2007. Volume 11, Number 2. [Electronic resource] – Access mode: <http://www.tesl-ej.org/ej42/a1.pdf> (accessed 05.07.2019).
10. Ellis, R. (2003) *Task-based Language Learning and Teaching*. Oxford: Oxford University Press, 387 p.

11. Hymes, D. (1972) On Communicative Competence / *Sociolinguistics*. Ed. by Pride, J.B. and Holmes, J. Harmondsworth: Penguin Books, pp. 269-285.
12. Krashen, Stephen D., (1981) *Second Language Acquisition and Second Language Learning*. Oxford: Pergamon Press, 151 p.
13. Mulroy, D. (2003) *The war against grammar*. Portsmouth, NH: Boynton/Cook Publishers, Inc., 144 p.
14. Newby, D. (2008) A Cognitive+Communicative Approach // *Future Perspectives for Language Teaching*. Ed. by W. Delanay and L. Volkmann, Heidelberg: Winter, pp. 29-44.
15. Swan, Michael. (2006) Teaching Grammar. Does Grammar Teaching Work? // *Modern English Teacher* 15/2, [Electronic resource] – Access mode: <https://mikeswan.net/wp-content/uploads/2017/08/Teaching-grammar-%E2%80%A6.pdf> (accessed 01.07.2019).
16. Tomlison, B. (2010) Principles of effective materials development // *English language teaching materials: Theory and Practice*. Ed. by J. Richards. New York: Cambridge University Press, pp. 81-108.

Сведения об авторе:

Кравцова Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка № 1 МГИМО (У) МИД России. Сфера профессиональных интересов: грамматика и стилистика английского языка, лингвопрагматика, лингводидактика, разработка учебников и учебных материалов по общему языку и языку для специальных целей. E-mail: krolgan@mail.ru.

GRAMMAR IN A MODERN TERTIARY LEVEL FOREIGN LANGUAGE COURSEBOOK

O.A. Kravtsova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

Abstract: *The article considers the methodological basis for developing grammar materials for a modern tertiary level FL coursebook: a communicative and competency-based approach, within which the principles of authenticity, multimodality, contextuality, relevance and a multilevel approach in task design are implemented. Grammar is regarded as an essential component of a FL course being instrumental in developing not only communicative competence, but also higher order thinking skills. Thus, the goals of teaching/learning grammar are defined as communicative and cognitive. The goals determine a grammar materials writer's objectives: 1) to integrate grammar into a profession-oriented FL course, 2) to develop an effective system of exercises; 3) to make the materials usable in mixed-ability groups. Types of exercises as well as approaches to selecting, sequencing and presenting grammar items pivot on the above principles. A system of goal-oriented exercises, including three main types: analytical, semi-communicative, and communicative (drill exercises are meant for out-of-class practice) is suggested. Illustrations of the main points from the grammar section of an English language coursebook developed by the author and the results of employing it are provided. It is concluded that a modern concept of a FL coursebook and a specific author's competence are central to developing effective grammar materials.*

Key Words: *communicative and cognitive goals of teaching grammar, grammar materials writer's objectives, author's competency, functional and pragmatic approach, principles of materials development, system of exercises.*

References

1. Gal'skova, N.D., Gez N.I. *Teoriia obucheniia inostrannym yazykam. Lingvodidaktika i metodika* [The Theory of Teaching Foreign Languages. Language Teaching Methods]. Moscow: Akademiia. 2006, 336 p.
2. Kravtsova O.A., Yastrebova E.B. *Sovremennyi autentichnyi uchebnik inostrannogo yazyka dlia vuza: problemy i puti resheniia* [A Modern Authentic Tertiary Level Foreign Language Coursebook: Challenges and Ways Forward]. *Filologicheskie nauki v MGIMO* [Philological sciences at MGIMO], Moscow: MGIMO University, 2019, no. 18 (2), pp. 48-57.

3. Riumina, N.A., Yastrebova E.B. Formirovaniie inoiazychnoi lingvisticheskoi kompetentsii na osnove vzaimodeistviia rodnogo i inostrannogo iazykov [Forming a Foreign Language Linguistic Competency on the Basis of Interaction Between the Native and a Foreign Language]. Moscow, Vestnik MGLU, 2004, no. 492. pp. 65-75.
4. Solovova, E.N. Metodika obucheniia inostrannomu iazyku [Methods of Teaching a Foreign Language]. Moscow: Prosveshcheniie, 2002, 241 p.
5. Yastrebova E.B., Kravtsova O.A. Kakoi uchebnik inostrannogo iazyka nuzhen vuzu segodnia? [What Kind of Foreign Language Coursebook Does Tertiary Education Need Nowadays?]. Innostrannye Yazyki v Shkole [Foreign Languages at School], 2011, no. 5, pp. 63-68.
6. Yastrebova E.B., Kravtsova O.A., Kryachkov D.A., Vladykina L.G. Angliiskii iazyk dlia mezhdunarodnikov: Uchebnik dlia vuzov v dvukh chastiakh. Chast' 1. [English for Students of International Relations: Coursebook for Universities in two parts. Part 1], Moscow, Aspekt Press, 2018. 640 p.
7. Yastrebova E.B., Kravtsova O.A. Angliiskii iazyk dlia mezhdunarodnikov: Kniga dlia prepodavatel'ia [English for Students of International Relations: Teacher's Book], Moscow, Aspekt Press, 2018. 232 p.
8. *A Taxonomy for Learning, Teaching and Assessing: a Revision of Bloom's Taxonomy of Educational Objectives*. Ed. by Anderson, Lorin W. & Crathwohl David R. Pearson, 2000. 336 p.
9. Azar, Betty. (2007) Grammar-Based Teaching: A Practitioner's Perspective. TESL-EJ, Sept. 2007. Volume 11, Number 2. [Electronic resource] – Access mode: <http://www.tesl-ej.org/ej42/a1.pdf> (accessed 05.07.2019).
10. Ellis, R. (2003) *Task-based Language Learning and Teaching*. Oxford: Oxford University Press, 2003, 387 p.
11. Hymes, D. (1972) On Communicative Competence / *Sociolinguistics*. Ed. by Pride, J.B. and Holmes, J. Harmondsworth: Penguin Books, pp. 269-285.
12. Krashen, Stephen D., (1981) *Second Language Acquisition and Second Language Learning*. Oxford: Pergamon Press, 1981, 151 p.
13. Mulroy, D. (2003) *The war against grammar*. Portsmouth, NH: Boynton/Cook Publishers, Inc., 144 p.
14. Newby, D. (2008) A Cognitive+Communicative Approach // *Future Perspectives for Language Teaching*. Ed. by W. Delanay and L. Volkmann, Heidelberg: Winter, pp. 29-44.
15. Swan, Michael. (2006) Teaching Grammar. Does Grammar Teaching Work? // *Modern English Teacher* 15/2. [Electronic resource] – Access mode: <https://mikeswan.net/wp-content/uploads/2017/08/Teaching-grammar-%E2%80%A6.pdf> (accessed 01.07.2019).
16. Tomlison, B. (2010) Principles of effective materials development // *English language teaching materials: Theory and Practice*. Ed. by J. Richards. New York: Cambridge University Press, pp. 81-108.

About the author:

O.A. Kravtsova – PhD in Linguistics, Associate Professor, associate professor of English Language Department № 1 at MGIMO University. Spheres of research and professional interest: the grammar and stylistics of English, linguistic pragmatics, linguodidactics, course design and materials development for General English and ESP.
E-mail: krolgan@mail.ru.

* * *

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ТЕКСТА ТИПА «ОПИСАНИЕ»¹

Ю.Н. Варфоломеева

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления,
670013, Россия, Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40 в.

Актуальность работы обусловлена интересом современного языкознания к проблемам текста и дискурса, а также необходимостью пересмотра отдельных теоретических компонентов теории функционально-смысловых типов речи, получившей широкое развитие в языкознании конца XX века. Работа посвящена выявлению и анализу разных типов описания в текстах художественного, книжных и разговорного функциональных стилей. Неполнота и фрагментарность исследования специфики описания в разных функциональных стилях обуславливает новизну настоящей работы. Особое внимание уделяется выявлению роли нарратора в художественном описании, что позволяет говорить о необходимости учёта категории воспринимающего субъекта при анализе описательных фрагментов, несмотря на формальную «выведенность» субъекта из структуры описания. В работе констатируется доминирование описаний-характеристик и контаминированных описаний в научном и официально-деловом стилях при незначительной доле визуальных описаний. Установлена специфика разговорного и публицистического описания. В работе показано, что разговорное описание тяготеет к непоследовательности изложения, незавершённости, наличию повторов и безглагольности. Доказано, что публицистические описательные тексты характеризуются дуалистичностью при вербализации свойств объекта. Выявлена роль отдельных элементов описания (например, деталей) в текстах разных функциональных стилей.

Ключевые слова: текст типа «описание», стилистическая парадигма, функциональные стили, художественный текст, нарратив, визуальное описание, описание-характеристика, контаминированное описание.

Введение

Исследования в области текста и дискурса не теряют своей актуальности до настоящего времени. В статье предлагается анализ текста в соответствии с функционально-смысловым подходом, основы которого были заложены в языкознании в 70-е гг. XX века О.А. Нечаевой и развиты в многочисленных работах российских учёных в последние десятилетия

(С.В. Чебанов, Г.Я. Мартыненко, К.А. Рогова и многие др.). Цель работы состоит в исследовании теории функционально-смысловых типов речи с позиции современного языкознания, а также анализе специфики описания в текстах разной стилистической принадлежности.

Понятие стилистической парадигмы как совокупности вариантов, различающихся по стилистическому слою, традиционно используемое по отношению к фонетическим, лексическим и

¹ Исследование подготовлено при финансовой поддержке гранта «Молодые учёные Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления – 2019». Проект «Семантические типы глагольных предикатов: нарратологический и когнитивный анализ».

грамматическим средствам языка [18], предлагается применить в настоящей статье и в отношении текстового конструктора.

Следует констатировать, что основная часть научных работ в области типов речи, в частности описательного, сосредоточена на изучении художественного [10; 14; 21; и др.] и отчасти научного текста [2]. Отдельные аспекты функционирования официально-делового описания получили разработку в трудах Л.Г. Кыркуновой [11; и др.]. Неполнота исследования специфики описания в разных функциональных стилях обуславливает новизну настоящей работы.

Методы исследования

Исследование ведётся в синхронном аспекте. Основными методами выступают функциональный и семантико-контекстуальный, предполагающие анализ специфики языкового материала в контексте, в зависимости от стилистической принадлежности текстового фрагмента. Кроме того, статья апеллирует к структурно-описательному и сопоставительному методам.

«Описание» понимается как тип текста, онтологическую основу которого составляют свойства статичного объекта, воспринимаемые в фиксированный момент времени. Рассматривая описательный текст в соответствии с теорией О.А. Нечаевой [13], В.М. Хамаганова в своей докторской диссертации анализирует структурно-семантическую модель текста указанного типа, выявляя, что последняя представлена актантным ядром, связанным семантикой бытийных предикатов [20].

Приняв традиционную трёхчастную оппозицию, состоящую из художественного, книжных (официально-деловой, научный, публицистический) и разговорного функциональных стилей [9], остановимся на рассмотрении особенностей описания в каждом из них.

Результаты исследования

В результате анализа описаний в текстах разной стилистической принадлежности следует констатировать специфику художественного описания, обусловленную особенностями авторского мироощущения и способа отображения действительности. Фигура воспринимающего субъекта в соответствии с теорией функционально-смысловых типов речи оказывается за пределами анализа в силу формальной «выведенно-

сти» указания на неё из структуры описательного текста, однако следует признать необходимость учёта категории нарратора при анализе описательных фрагментов для объяснения ряда явлений. Научные и официально-деловые описания тяготеют к последовательному и развёрнутому воспроизведению свойств объекта, специфика художественного текста состоит в продуктивности вербализации только отдельных качеств описываемого предмета. Частотность описаний-характеристик и контаминированных описаний в книжных стилях обусловлена общими стилевыми чертами подобного изложения – стремлением к абстрактизации и выявлению закономерностей. При стилистической дуалистичности публицистических описаний разговорный описательный текст отличается непоследовательностью изложения, незавершённостью текстовых фрагментов, безглагольность и присутствием повторов в ткани текста.

Обсуждение

1. Специфика художественного текста

Художественный текст, изучение которого имеет богатую традицию в науке [3; 9; и др.], выступает как один из предоставляющих широкие возможности для исследования представленного в нём описания. Сложность изысканий в этом случае связана со стилистической спецификой – отражением авторского, индивидуального мировидения писателя / поэта. Отображение мира в художественном тексте настолько неоднородно и специфично, что позволяет говорить об особом статусе художественного стиля среди прочих и о существовании идиостилей или особых картин мира художников слова.

В структурно-семантической модели описания находят воплощение основные свойства пространства – трёхмерность и вещность. Актантное ядро, выступающее логико-смысловой основой описательного текста, представлено актантами структуры пространства (например, *на западе, у дома, в парке*) и предметными актантами пространства (например, *роща, озеро, скамья*) [20]. При этом глагольные предикаты, «скрепляющие» актанты и объединённые общей семантикой существования, вербализуют способы пространственного расположения объектов описания (например, *лежать, стоять, возвышаться, круглиться* и др.) [2].

К жанровым разновидностям описания относятся описание-пейзаж (внешний вид местно-

сти), описание-интерьер (вербализация убранства помещения), описание-портрет (передача особенностей внешности человека) и описание предмета (перечисление наблюдаемых свойств какого-либо объекта).

Рассмотрим пример из романа-эпопеи М.А. Шолохова «Тихий Дон», где представлено описание степи, по которой едут казаки:

Местами слепо и цепко прижимался к земле низкорослый железняк, изредка промереженный шалфеем, и вновь половодьем расстился взывший засилье ковыль, сменяясь разноцветьем: овсюгом, жёлтой сурепкой, молочаем, чингиской – травой суровой, однолюбой, вытеснявшей с занятой площади все остальные травы [24, с. 26].

В описании-пейзаже представление о пространстве вербализуется актантами структуры пространства (к земле) и предметными актантами (железняк, шалфеем, ковыль, разноцветьем, овсюгом, сурепкой, молочаем, чингиской, травой), выбор которых обусловлен спецификой объекта описания (степь). Представление о пространстве уточняется и посредством использования глагольных предикатов бытийной семантики, передающих представление о расположении объектов, обозначенных актантами, в пространстве: *прижимался* указывает на пространственное размещение двух объектов (железняк и земля) друг относительно друга, *расстился* представляет расположение в пространстве по горизонтали.

Отличаясь образностью и эмоциональностью, художественное описание интересно с точки зрения нарратологического анализа. Несмотря на то, что описание в соответствии с теорией В. Шмида оказывается противопоставленным повествованию [23], согласно В.А. Плунгяну одним из функциональных фрагментов нарратива выступает фоновый пассаж, который может быть соотнесён с описательным типом текста, поскольку в нём представлено описание обстоятельств и второстепенных ситуаций [16, с. 21].

Центральное понятие нарратологии – понятие точки зрения, с которой ведётся изложение, особенно значимо при анализе художественного описания, поскольку именно в данном типе текста представлено пространство, попавшее в поле зрения воспринимающего лица. В соответствии с теорией типов речи О.А. Нечаевой, имеющей значительный вес в русистике, позиция воспринимающего субъекта оказывается за пределами анализа при исследовании описания, поскольку структурно он выведен из указанного

типа речи, но именно его видение представлено в описании. Несомненно, необходимо восполнение лакуны в системе анализа описательного текста.

Рассмотрим пример описательного фрагмента, извлечённого из произведения М.А. Шолохова:

С утра нещадно пекло солнце. В буром мареке кипятилась степь. Позади голубели лиловые отроги прихонёрских гор, шафранным разливом лежали пески. Лица казаков побурели, выцвели от солнца. Подушки сёдел, стремяна, металлические части уздечек накалились так, что рукой не тронуть. В лесу – и то не осталось прохлады, – парная висела духота, и крепко пахло дождём [24, с. 20].

В данном описании-пейзаже передано то, что воспринимает главный герой произведения – Григорий Мелехов. Ощущения тяжелой жары, духоты, беспокойства пронизывают описание. Контекст, окаймляющий фрагмент, позволяет говорить, что Григория действительно терзают мысли о будущем, он не может определиться, на какой стороне правда: *Густая тоска полонила Григория. Весь день он покачивался в седле, не связно думая о будущем (...) горько нудился* [24, с. 20]. В описании доминируют зрительное (голубели лиловые отроги гор, лица побурели, выцвели) и осязательное (пекло солнце, подушки, стремяна накалились, не тронуть, прохлады, духота) типы восприятия, а также их контаминация (*кипятилась степь*), что объяснимо спецификой объекта описания – духоты, зноя. Используемые средства *нещадно, выцвели, духота* подчёркивают тяжелое настроение Григория.

В другом произведении описание зноя передано совершенно иначе. Воспроизведение умиротворяющего пейзажа из сна Обломова обусловлено отношением героя, с чьей позиции он преподносится:

Полдень знойный; на небе ни облачка. Солнце стоит неподвижно над головой и жжёт траву. Воздух перестал струиться и висит без движения. Ни дерево, ни вода не шелохнутся; над деревней и полем лежит невозмутимая тишина, всё как будто вымерло. Звонко и далеко раздаётся человеческий голос в пустоте. В двадцати саженьях слышно, как пролетит и прожужжит жук, да в густой траве кто-то всё храпит, как будто кто-нибудь завалился туда и спит сладким сном [4, с. 89].

Помимо иного мироощущения, переданного в приведённом описательном фрагменте, анализируемый текст построен не только с помощью

ожидаемых средств передачи зрительных (*ни об- лачка, не шелохнется*) и тактильных (*жжёт, воз- дух висит*) ощущений, но и звуковых эффектов (*тишина, раздаётся голос, слышно, прожужжит, храпит*), подкрепляющих общее настроение.

Таким образом, очевидна разность в воспро- изведении однородных явлений в зависимости от позиции нарратора и авторских задач. Речь в данном случае идёт не только о разной тональ- ности описательных отрывков, но и о способе вербализации пространства в описании: отме- чаются бимодальность (модальность понима- ется в психологическом плане как тип восприя- тия) шолоховского пейзажа при полимодальном отображении действительности в произведении И.А. Гончарова.

Следует оговориться, что основной модаль- ностью художественных описаний выступает зрительная, данное обстоятельство обусловлено самой спецификой человеческого восприятия, однако разные авторы могут по-особенному представлять попадающее в поле зрения нар- ратора пространство, перемещая акценты со зрительного на аудиальный, ольфакторный или тактильный его тип. Указанная особенность об- условливает специфику идиостиля автора, гово- рит о его предпочтениях в обрисовке сенсорных ощущений и решении конкретных задач при описании объектов.

Так, например, в следующем описании из произведения М.А. Шолохова автор апеллирует к передаче зрительных (прежде всего цветовых: *голубым, белела, зелёный*), аудиальных (*безмол- ствовала*) и ольфакторных (*стлался аромат*) эффектов для разнопланового описания одно- го из важнейших в произведении объектов – степи:

Впереди, повитая нежнейшим голубым куре- вом, величественно безмолствовала степь. В зените, за прядью опаловых облачков, томилось солнце. От жаркой травы стлался тягучий гу- стой аромат. Справа, за туманной очерченной впадиной лога, жемчужно-улыбчиво белела по- лоска Жирова пруда. А кругом – насколько хва- тал глаз – зелёный необъятный простор, дрожа- щие струи марева, полуденным зноем скованная древняя степь и на горизонте – недсягаем и сказочен – сизый грудастый курган [24, с. 26].

Итак, исследование художественного описа- ния тесно связано с изучением идиостиля ав- тора, спецификой отображения в его произве- дении воспринимаемых явлений и проблемами нарратологии.

2. Научные и официально-деловые описа- тельные тексты

В противовес художественному, научное и официально-деловое описание предстаёт как последовательное и детальное перечисление признаков воспринимаемого объекта. Если в ху- дожественном тексте продуктивно визуальное описание как перечисление признаков, воспри- нимаемых органами чувств, то книжное описа- ние изобилует описаниями-характеристиками, представляющими собой набор постоянных не- наблюдаемых свойств предмета:

В гелиотермическом двигателе источником энергии служит Солнце. Концентрируемые с по- мощью зеркал солнечные лучи используются для непосредственного нагрева рабочего тела – жид- кого водорода. Силы тяги таких двигателей из- меряются килограммами, скорости истечения достигают 8-12 км/с [12, с. 125].

Научные и официально-деловые тексты рас- полагают и другим типом описания, которое предлагается назвать контаминированным, по- скольку оно сочетает в себе типологические чер- ты визуального описания (перечисление при- знаков, воспринимаемых органами чувств) и описания-характеристики (постоянство, обоб- щённость свойств). При описании внешних при- знаков животных или поверхности астрономи- ческих тел мы сталкиваемся с передачей свойств не конкретного предмета, как в визуальном опи- сании, а целого класса предметов:

Головогрудь покрыта большим спинным щи- том, на котором расположены 2 пары глаз. На нижней стороне головогруды, впереди рта, прикре- пляются небольшие трёхчлениковые хелищеры, по сторонам рта лежат 5 пар ходных ног. Первая пара, соответствующая педипальпам других хе- лищеровых, не отличается от остальных и сходна с ними, оканчивается маленькими клешнями. Все ходные ноги одноветвисты, пятая пара их снаб- жена небольшим нерасчленённым рудиментар- ным жаберным придатком. У основания все ноги снабжены шиповатым жевательным отростком, кроме ползания конечности служат также для за- хвата пищи и её размельчения [6, с. 57].

Приведённое подробное описание внешнего облика животного в зоологии содержит ней- тральные, книжные и специальные единицы. Переданные свойства характеризуются точно- стью, текст отличается обилием определений и уточнений, числовыми данными.

Визуальное описание в научном и официа- льно-деловом стилях может быть отмечено при

обрисовке произведений искусства или конкретных объектов в проектах организации строительства и т.д., например, в техническом заключении о состоянии строительных конструкций здания школы:

Высота этажа в четырёхэтажной части здания – 3,9 м (высота помещения – 3,5 м). В трёхэтажной части здания высота этажей переменная. Высота подвала – 2,85 м (высота помещения – 2,4 м) [19].

Последовательность, энциклопедичность и точность научного и официально-делового описаний, а также преобладание описаний-характеристик и контаминированных описаний обусловлены спецификой указанных стилей – тяготением к исключению случайного и фиксации закономерного.

3. Стилистический дуализм публицистических текстов

Публицистическое описание в силу стилистической специфики может тяготеть к более строгому официальному построению текста (например, описание объекта на официальном сайте) или к более выразительному и эмоциональному (например, описание в туристическом проспекте или журнале). С точки зрения типов описания публицистические произведения могут содержать все разновидности: визуальное, контаминированное, описание-характеристику.

Ниже приводятся два примера публицистического описания сходных объектов – уникального архитектурного сооружения – дома купца Н.Л. Капельмана и дома купчихи Т. Борисовой (визуальные описания):

(...) это единственное здание с атлантами в столице Бурятии. Считается, что идея родилась у купца во время путешествия по Петербургу. Дом состоит из двух этажей и представляет собой сооружение с элементами эклектики и лицевым фасадом. Раньше на его территории стояли невзрачные постройки казака Луки Будюнова – первого владельца этого места (...) Здание хорошо сохранилось до наших дней, лишь незначительно искажившись. Конечно, появившиеся вокруг новые постройки немного нарушили привычный облик дома Капельмана, но тем не менее здесь ещё можно увидеть уникальные предметы интерьера (например, кованую лестницу или великолепно выполненный камин) [7].

Описание дома на туристическом сайте содержит оценочные компоненты (невзрачные, хорошо, нарушили облик, уникальные предметы,

великолепно выполненный), создающие выразительную характеристику дома купца. Текст тяготеет к перечислению значимых для адресата особенностей дома, тех, которые могут заинтересовать потенциального туриста (единственное здание, сооружение с элементами эклектики, здание хорошо сохранилось до наших дней, можно увидеть уникальные предметы интерьера).

Представленное ниже подробное описание дома с официального сайта города Улан-Удэ с преимущественным использованием нейтральных языковых средств и ориентацией на градостроительную роль в архитектуре города напоминает официально-деловое:

(...) каменный двухэтажный дом с торговыми магазинами на первом этаже (ул. Кирова, 33), один двухэтажный полукаменный флигель (ул. Кирова, 33), четыре тёплые каменные лавки с кладовыми (ранее фойе кинотеатра «Эрдэм» и левая часть магазина «Товары для мужчин» – ул. Ленина, 27). Из каменных надворных строений – кладовая, погреб; из деревянных – баня, три двухэтажных амбара, сеновал и завозня. Борисовы владели этим местом до национализации имущества (последние наследники – крестьяне Анкудин Семёнович и Пётр Семёнович Борисовы). (...) Здание выполняет важную градостроительную роль в формировании ул. Ленина и ансамбля площади Революции [8].

Итак, тяготение к стилистической дуальности публицистики прослеживается и при построении описательных фрагментов.

4. Особенности разговорных описательных структур

Возможность рассмотрения текстовой природы разговорной речи в настоящее время не подлежит сомнению [22]. Неподготовленность и непринуждённость разговорной речи прослеживается и на текстовом уровне. Отличительными признаками разговорного описания выступают безглагольность и незаконченность текстовых структур. Ситуация живого общения способствует восполнению семантики. В случае обращения к записям живой разговорной речи (например, на сайтах отзывов) при возможности автора вернуться к написанному и внести какие-то исправления, следует отметить преобладание завершённых конструкций:

В наличии железный электрочайник, телевизор старого образца с 7 программами. Ремонт хороший, всё чистенько и аккуратно. Бельё тоже новое и чистое. Матрасы ортопедические! [15].

Разговорные описания отличает наличие повторов, таково описание из устной части национального корпуса русского языка:

(...) этого дома в том виде как он был / теперь уже нет / над ним надстроили этаж / а был одноэтажный дом / и он делился на две половинки / вот в каждую половину дома вела своя входная дверь / лестница / так сказать коридор а потом начиналась квартира а потом его перестроили и вот когда уже я-то жила там / то вход был один / коридор остался только один (...) [1].

Помимо повторов, анализируемый текст отличается непоследовательность изложения, что обусловлено спонтанностью и неподготовленностью разговорной речи.

5. Роль описательных деталей в текстах разной стилистической принадлежности

Если в художественном и разговорном описании даётся некое обыденное представление о воспринимаемом разными органами чувств объекте, при описании которого перечисляются только его свойства, значимые с позиции воспринимающего лица, то научное и официально-деловое описания тяготеют к подробному, энциклопедическому воссозданию всех отличительных особенностей объекта. Так, интерес в этом случае представляет, например, описание места происшествия в официально-деловом стиле, где внимание уделяется очень чёткому, последовательному воссозданию «картины» происшествия, при этом особую роль играют детали, которые могут оказаться значимыми для последующего расследования преступления. Отмечаемые в подобном случае детали могут выпасть из поля внимания обычного обывателя. Рассмотрим пример из протокола осмотра места происшествия, где представлено подробное описание гаражного бокса и прилегающей территории, внимание в данном случае обращено на обнаруженный след обуви:

На мягком земляно-песочном грунте в 0,5 метрах от правого края гаража и 2,5 м от левого края гаража обнаружены 2 объёмных следа обуви, среди которых один след обуви отпечатался наиболее чётко. Размеры следа: общая длина 27 см, наибольшая ширина подмёточной части 10 см, длина подмётки 14 см, длина каблука 8 см, ширина каблука 7,5 см. Носок прямоугольный, задний край подмётки прямой, передний край каблука вогнутый. След имеет чётко выраженный рисунок протектора подмёточной части подо-

швы. В середине отпечатка просматривается надпись «SALAMANDER» [17].

Особое внимание при описании места происшествия сотрудник, составляющий протокол, обращает на след, который может принадлежать похитителю. С позиции обычного обывателя вряд ли можно было ожидать упоминания следа рядом с описываемым пространством. Включение же подобной детали в описание в разговорном и художественном тексте может сигнализировать о разных намерениях говорящего. Так, упоминание следов, например, при описании интерьера гостиницы в разговорном стиле может «сигнализировать» о том, что комната нерегулярно убирается, поэтому упомянутая деталь приобретёт не информационный характер (как в протоколе осмотра места происшествия), а оценочный с точки зрения говорящего. В художественном тексте описание-интерьер, построенное с включением анализируемой детали, может быть истолковано как проявление особенностей характера персонажа, которого не слишком заботит убранство и чистота комнаты, указанная деталь может выполнять не только оценочную, но и символическую функцию, становясь важным элементом характеристики литературного персонажа.

Выводы

Исследование описания в текстах разной стилистической принадлежности позволило сделать ряд выводов относительно особенностей построения описательных фрагментов. Приобретая символический смысл в художественном тексте, позволяя говорить об индивидуальном авторском стиле и картине мира писателя, в разговорном стиле описание характеризуется непоследовательностью изложения, незавершённостью высказываний, наличием повторов и возможностью безглагольного построения текстовых структур. При анализе художественного описания особую роль приобретает исследование позиции нарратора, формально находящейся вне структуры данного типа текста. Научные и официально-деловые тексты тяготеют к детальному разностороннему «рассмотрению» объекта и значительной доле описаний-характеристик и контаминированных описаний при небольшом количестве собственно визуальных описаний. Публицистические описания демонстрируют дуализм их стилистической природы, часть жанров публицистики оказывается близ-

ка экспрессивному художественному мировидению, часть тяготеет к сухому официальному описанию объектов. Таким образом, описание в текстах разных функциональных стилей характеризуются не только и не столько разным набо-

ром лексических или грамматических средств, но разными интенциями говорящего, преобладанием разных типов описания и способом представления описываемого объекта.

Список литературы

1. Беседы с О.Б. Сиротининой [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://search1.ruscorpora.ru/> (Дата доступа 9 августа 2019 г.).
2. Варфоломеева Ю.Н. Семантика глагольных предикатов как свойство структурно-семантической модели текста типа «описание»: Дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2008. 180 с.
3. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 656 с.
4. Гончаров И.А. Обломов: роман в 4 частях. М.: Наука, 1987. 694 с.
5. Десяева Н.Д., Арёфьева С.А. Стилистика современного русского языка: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. 272 с.
6. Догель В.А. Зоология беспозвоночных: учебник для биологических специальностей университетов. М.: Альянс, 2011. 605 с.
7. Дом Купца Капельмана [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://samovar.travel/place/dom-kuptsa-kapelman/> (Дата доступа 9 августа 2019 г.).
8. Дом купчихи Т. Борисовой [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.visitburyatia.ru/places/section-127/item-235786/> (Дата доступа 9 августа 2019 г.).
9. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка: учебник. 4-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.
10. Корпусова Е.В. Прагматический аспект роли говорящего в функционально-смысловых типах речи «описание» и «повествование»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2003. 24 с.
11. Кыркунова Л.Г., Ширинкина М.А. Функционально-смысловые типы речи в текстах современных документов // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. Улан-Удэ, 2019. № 2. С. 36-40.
12. Левантовский В.И. Механика космического полета в элементарном изложении. М.: Наука, 1970, 491 с.
13. Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1974. 261 с.
14. Омельченко Л.Н. Функционирование неполных двусоставных предложений с незамещенной позицией подлежащего в повествовании и описании: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998. 16 с.
15. Пансионат «У дяди Феди» (Украина, Донецкая область) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://otzovik.com/review_5248736.html (Дата доступа 9 августа 2019 г.).
16. Плунгян В.А. Предисловие: Дискурс и грамматика // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. / Ред. В. А. Плунгян (отв. ред.), В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева. М.: Гнозис, 2008. С. 7-36.
17. Примерный вариант составления протокола места происхождения [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://блог.базатут.рф/wp.../obrazec_protokola_osmotra_mesta_proisshestviya. (Дата доступа 9 августа 2019 г.).
18. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожин. М.: Флинта, Наука, 2003. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://stilistics.academic.ru>. (Дата доступа 20 июня 2019 г.).
19. Фордевинд. Проектное бюро [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.fordewind.org>. (Дата доступа 30 июня 2019 г.).
20. Хамаганова В.М. Структурно-семантическая и лексическая модель текста типа «описание» (проблемы семантики и онтологии): Дис. ... д-а филол. наук. М., 2002. 332 с.
21. Хандархаева И.Ю. Функционирование глаголов прошедшего времени совершенного вида в перфектном и аористическом употреблении в темпоральном типе речи (описание, повествование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1999. 24 с.
22. Ширяев Е.Н. Структура разговорного повествования // Русский язык: Текст как целое и компоненты текста. М.: Наука, 1982. С. 34-42.
23. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с. – (Studia philologica).
24. Шолохов М.А. Тихий Дон: роман: в 2 т. Т. 2. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2003. 622 с.

Сведения об авторе:

Варфоломеева Юлия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры медиакоммуникаций Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. Сфера интересов: лингвистика текста, семантика глагольных предикатов, текст типа «описание». E-mail: yulvar83@mail.ru.

STYLISTIC PARADIGM OF «DESCRIPTION» TYPE TEXT

Yuliya N. Varfolomeeva

East Siberia State University of Technology and Management,
40V Klyuchevskaya ul., Ulan-Ude, Russia, 670013

Abstract: *The paper is topical because of the contemporary linguistic interest in the text and discourse research, as well as of the need to review some components of the widely spread late XX century theory of functional-semantic types of speech. The work is devoted to the identification and analysis of different types of descriptions in the texts of belles-lettres, bookish and colloquial functional styles. The incompleteness and fragmentation of the study of the specifics of the description in different functional styles determine the novelty of the present work. Special attention is paid to identifying the role of the narrator in the belles-lettres description, which suggests the need to take into account the category of the perceiving subject in the analysis of descriptive fragments, despite the formal “withdrawal” of the subject from the structure of the description. The paper reveals the dominance of description-characteristics and contaminated descriptions in the scientific and official styles with a small proportion of visual descriptions. The specifics of colloquial and publicistic descriptions are established. The work shows that the colloquial description gravitates to inconsistency, incompleteness, the presence of repetitions and verbosity. It is proved that publicistic descriptive texts are characterized by dualism in verbalizing the properties of an object. The role of individual description elements (for example, details) in the texts of different functional styles is revealed.*

Key Words: *“description” type text, stylistic paradigm, functional styles, belles-lettres text, narrative, visual description, description-characteristics, contaminated description.*

References

1. Besedy s O.B. Sirotininoi (Conversations with O.B. Sirotinina) Available at: <http://search1.ruscorpora.ru/> (accessed 9 August 2019).
2. Varfolomeeva Yu.N. Semantika glagol'nykh predikatov kak svoistvo strukturno-semanticheskoi modeli teksta tipa «opisanie». Cand. Diss. [The semantics of verb predicates as a property of the structural-semantic model of “description” type text. Cand. Diss.]. Ulan-Ude, 2008. 180 p.
3. Vinogradov V.V. O iazyke hudozhestvennoi literatury [About the language of fiction]. Moscow: Goslitizdat, 1959. 656 p.
4. Goncharov I.A. Oblomov [Oblomov: novel in 4 parts]. Moscow: Nauka, 1987. 694 p.
5. Desyaeva N.D., Aref'eva S.A. Stilistika sovremennogo russkogo iazyka [Stylistics of contemporary Russian language: a textbook for students of higher education institution]. Moscow: Academy, 2008. 272 p.
6. Dogel' V.A. Zoologiya bespozvonochnykh [Invertebrate Zoology: a textbook for the Biological specialties of universities]. Moscow: Alliance, 2011. 605 p.
7. Dom Kuptsa Kapel'mana (House of the merchant Kapelman) Available at: <https://samovar.travel/place/dom-kuptsa-kapelmana/> (accessed 9 August 2019).
8. Dom kupchikhi T. Borisovoi (House of the Merchant T. Borisova) Available at: <http://www.visitburiatia.ru/places/section-127/item-235786/> (accessed 9 August 2019).
9. Kozhina M.N., Duskaeva L.R., Salimovskii V.A. Stilistika russkogo iazyka [Stylistics of Russian language: a textbook]. Moscow: Flinta: Nauka, 2008. 464 p.
10. Korpusova E.V. Pragmاتicheskiy aspekt roli govoryashchego v funktsional'no-smyslovyykh tipakh rechi «opisanie» i «povestvovanie». Avtoref. kand. Diss. [Pragmatic aspect of the speaker's role in the functional-semantic types of speech “description” and “narration”. Abstract of Cand. Diss.]. Kemerovo, 2003. 24 p.
11. Kyrkunova L.G., Shirinkina M.A. Funktsional'no-smyslovyye tipy rechi v tekstakh sovremennykh dokumentov [Functional-semantic types of speech in the texts of contemporary documents] // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Iazyk. Literatura. Kul'tura [Bulletin of the Buriat State University. Language. Literature. Culture]. Ulan-Ude, 2019. no 2. pp. 36-40.
12. Levantovskii V. I. Mekhanika kosmicheskogo poleta v elementarnom izlozhenii [Mechanics of space flight in an elementary exposition]. Moscow: Nauka, 1970, 491 p.
13. Nechaeva O.A. Funktsional'no-smyslovyye tipy rechi (opisanie, povestvovanie, rassuzhdenie) [Functional-semantic types of speech (description, narration, reasoning)]. Ulan-Ude: Buryat Publishing house, 1974. 261 p.

14. Omel'chenko L.N. Funktsionirovanie nepolnykh dvusostavnykh predlozhenii s nezameshchennoi pozitsiei podlezhashchego v povestvovanii i opisanii. Avtoref. kand, Diss. [The functioning of incomplete two-part sentences with the unsubstituted position of the subject in the narrative and description. Abstract of Cand. Diss.]. Moscow, 1998. 16 p.
15. Pansionat "U diadi Fedi" (Ukraina, Donetskaia oblast') (Pension "Uncle Fedya" (Ukraine, Donetsk region)) Available at: https://otzovik.com/review_5248736.html (accessed 9 August 2019).
16. Plungian V.A. Predislovie: Diskurs i grammatika [Preface: Discourse and Grammar] // Issledovaniia po teorii grammatiki [Studies in Grammar Theory]. Vol. 4. Moscow: Gnozis, 2008. pp. 7-36.
17. Primernyi variant sostavleniia protokola mesta proisshestiia (An approximate version of the protocol of the scene) Available at: https://блог.базатут.рф/wp.../obrazec_protokola_osmotra_mesta_proisshestiia (accessed 9 August 2019).
18. Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka [The stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language ed. M.N. Kozhina]. Moscow: Flinta, Nauka, 2003. Available at: <http://stilistics.academic.ru>. (accessed 20 June 2019).
19. Fordevind. Proektnoe biuro (Vordewind. Project Bureau) Available at: <http://www.fordewind.org> (accessed 30 June 2019).
20. Hamaganova V.M. Strukturno-semanticheskaia i leksicheskaia model' teksta tipa «opisanie» (problemy semantiki i ontologii). Dokt. Diss. [Structural-semantic and lexical model of "description" type text (problems of semantics and ontology). Doct. Diss.]. Moscow, 2002. 332 p.
21. Handarhaeva I.Yu. Funktsionirovanie glagolov proshedshego vremeni sovershennogo vida v perfektnom i aoristicheskom upotreblenii v temporal'nom tipe rechi (opisanii, povestvovanii). Avtoref. kand, Diss. [The functioning of past perfect tense verbs in perfect and aoristic usage in the temporal type of speech (description, narration). Abstract of Cand. Diss.]. Krasnoyarsk, 1999. 24 p.
22. Shiriaev E.N. Struktura razgovornogo povestvovaniia [The structure of conversational narrative] // Russkii iazyk: Tekst kak tseloe i komponenty teksta [Russian language: Text as a whole and text components]. Moscow: Nauka, 1982. pp. 34-42.
23. Schmid B. Narratologiia [Narratology]. Moscow: Languages of Slavic culture, 2003. 312 p. – (Studia philologica).
24. Sholohov M.A. Tikhii Don [Quiet Don: novel: in 2 in 2 volumes]. V. 2. Moscow: OLMA-PRESS Star world, 2003. 622 p.

About the author:

Yulia Nikolaevna Varfolomeeva – PhD in Philology, Assistant professor, Assistant professor at Media communications Chair of East Siberia State University of Technology and Management. Spheres of interest: linguistics of the text, semantics of verb predicates, "description" type text. E-mail: yulvar83@mail.ru.

* * *

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА «ХЛЕБ» ВО ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И ПИРЕНЕЙСКОГО И МЕКСИКАНСКОГО ВАРИАНТОВ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

И.В. Гусева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Статья посвящена сопоставлению концепта «хлеб», культурно-маркированной единицы концептосферы «еда» и важнейшей доминанты русской национальной идентичности, с его испанским эквивалентом “rap” в пиренейском и мексиканском вариантах испанского языка, а также выявлению в вышеупомянутых вариантах элементов концептосферы «еда», равных по важности концепту «хлеб» в русском языке. Исследованы паремии русского языка, испанского языка Испании и мексиканского варианта испанского языка с компонентом «хлеб/rap» с целью определения особенностей их импликатур. Проведено сравнение пословиц с компонентом “rap” в пиренейском варианте с их эквивалентами в мексиканском варианте для определения элементов, сопоставимых по своей оценочности с компонентом “rap”. В результате анализа паремий была выявлена невозможность использования при переводе параллельных паремий в русском и испанском языках из-за несовпадения коннотаций фразеологических оборотов, имевших общее происхождение, но семантически эволюционировавших по-разному. Статья может представлять интерес для лингвистов, специализирующихся на исследовании испанского языка Испании и его вариантов в Латинской Америке, а также для переводчиков и преподавателей перевода.

Ключевые слова: испанский язык, мексиканский вариант испанского языка, культурно-маркированные единицы, фразеология с гастрономическим компонентом, паремии, мексиканизм, оценочность, импликатура.

На протяжении всей истории развития человечества важным фактором формирования национальной идентичности являлись кулинарные традиции и гастрономические предпочтения представителей определённого этноса или его социума. «Демографические изменения, экономическое процветание и упадок, войны и революции находятся в причинно-следственной зависимости от наличия, нехватки или изобилия продуктов питания» [5]. На основе кулинарных традиций, пред-

почтений, ритуалов возникли определённые культурно-обусловленные стереотипы, поэтому при анализе бытовой лексики становится очевидной значимость лексических единиц концептосферы еда. Гастрономические особенности и предпочтения определённого социума выходят за рамки простого потребления пищи для утоления голода и жажды и приобретают оценочный смысл, становятся эталоном правильного и неправильного, положительного и отрицательного в мировоззрении данного сообщества.

Этой теме посвящены многочисленные исследования, связанные с анализом гастрономических традиций европейцев как одной из составляющих их национальной идентичности: кулинарное своеобразие, в частности, является одной из традиционных констант материальной культуры Италии, одной из исторических составляющих национальной идентичности итальянцев и воспринимается как часть положительного образа страны [6, с. 218]. Французскую кухню часто упоминают среди главных элементов лингвокультурной картины мира французов, так как именно гастрономия является национально-специфической сферой, во многом определяющей специфику «французского мира» [1]. Испанская кухня, будучи отражением многовековой истории страны, испытала на себе различные влияния, но сохранила собственное своеобразие [4]. Для носителей русского языка концептосера *еда* является не менее важной. Из всего разнообразия её культурно-маркированных единиц мы выбрали один из её элементов – *хлеб* как основополагающий концепт русской ментальности и важнейшую доминанту русской национальной идентичности.

Целью данного исследования является сопоставление ценностной составляющей концепта *хлеб* в языковой картине мира русскоговорящего социума с функционированием его испанского эквивалента *pan* в пиренейском и мексиканском вариантах испанского языка, а также попытка выявить в вышеупомянутых вариантах элементы концептосферы *еда*, равные по важности концепту *хлеб* в русском языке.

Выбор пиренейского варианта испанского языка для проведения сопоставительного анализа обусловлен первостепенной важностью элементов концептосферы *еда* для лингвокультурной картины мира испанцев. Испания – одна из самых интересных европейских стран в том, что касается кулинарных традиций и предпочтений. Гастрономические праздники – важная часть испанской культуры: «Кальсотада» (праздник лука) в марте и «Фестиваль улиток» в мае в Каталонии, «Праздник осьминога» в августе в Галисии, «Праздник хлеба и сыра» в центральной части Испании.

Среди множества вариантов испанского языка в Латинской Америке выбор именно мексиканского варианта объясняется целым рядом причин. Гастрономическое наследие Мексики – это результат взаимодействия множества различных кулинарных традиций, основу которых

составляют, с одной стороны, обычаи индейских племён доколумбовых цивилизаций, с другой, метисного населения, появившегося в эпоху завоевания этой территории испанцами. Мексиканская кухня по количеству и разнообразию элементов занимает второе место в мире, уступая лишь китайской кулинарной традиции [8, с. 239]. Большая часть гастрономического наследия современной Мексики имеет этнически смешанное происхождение, отсюда и богатство и разнообразие её кухни. Появлению такого изобилия ингредиентов и их сочетаний способствовали благоприятные для земледелия природные условия, необходимые для вызревания плодов разных климатических зон, оптимальность высоты над уровнем моря, а также высокий уровень развития племён, прежде всего ацтеков, майя и других. На самых ранних стадиях развития цивилизации индейскими племенами уже использовались два вида приспособлений для приготовления горячей пищи: *tlecuil* – очаг, располагавшийся на трёх камнях, и *pib* – земляная печь. Это давало возможность совершенствовать способы приготовления пищи: варить, жарить и выпекать различные блюда.

Необходимо также отметить, что питание, кухня и процесс приёма пищи являются важной частью мексиканской культуры. Мексиканская национальная кухня признана во всем мире, она имеет свои уникальные ингредиенты, характеристики, нормы и социальную значимость, внося свой вклад в формирование духовной культуры народа, укрепляя его самобытность и своеобразие. Даже в условиях глобализации, ставшей причиной исчезновения множества национально-культурных особенностей, кулинарные предпочтения оказываются одними из наиболее стабильных, практически не поддающимися изменениям, то есть являются фактором сохранения национальной идентичности. Относительная консервативность этого аспекта культуры социума позволяет увидеть в нём отражение морально-нравственных принципов культурного сообщества. Ценностное переосмысление кулинарных элементов нашло отражение в мексиканской языковой картине мира через огромное множество фразеологических единиц, зафиксированных в специальных словарях, словарях мексиканизмов. Так как отдельные лексемы, являющиеся частью такого рода фразеологизмов, с течением времени приобрели особый символизм, путём исследования фразеологии можно увидеть различные гра-

ни символа, выявить культурные коннотации. Причём, согласно исследованиям мексиканских лингвистов, процесс развития фразеологии с гастрономическим компонентом продуктивен и в современном обществе, о чём свидетельствует большое количество вариантов фразеологических единиц, возникающих в устной языковой традиции и пока не зафиксированных в словарях.

В русской культуре, как было отмечено выше, среди всего разнообразия лингвокультурных концептов концептосферы *еда*, основополагающим, по мнению учёных, является концепт *хлеб*. «В русской духовной культуре (книжной и народной), в национальной ментальности, в повседневном быту и соответственно в постоянном словоупотреблении макроконцепт хлеб несёт в себе не только и не столько смысл естественного жизнеобеспечения, но и целый спектр значений духовного образа жизни русского народа» [3].

При рассмотрении семантического поля концепта *хлеб* и основных лексико-фразеологических средств его репрезентации в русском языке можно выявить следующие значения:

- «основная пища» – приветствие *хлеб да соль* (русские гостеприимство называют иначе *хлебосольством*), *хлеб* – *батюшка*, *водица* – *матушка*; *хлеб* – *дар божий*; *без хлеба и мёдом сыт не будешь*;
- «минимальное средство пропитания» – *кусочек хлеба*, *барам косим, а себе хлеба просим*; *есть хлеба край, так и под елью рай*;
- «стеснённое материальное положение» – *перебиваться с хлеба на воду/квас*;
- «нечто важное, жизненно необходимое», «ценность» – *хлеб насущный*; *хлеб зря/даром есть*; *ищи, как хлеб ищут*.

Среди лексико-фразеологических единиц испанского языка Испании значения лексемы *pan* полностью или частично совпадают со значением её эквивалента *хлеб* в русском языке:

- *ganarse el pan* (букв. *зарабатывать на хлеб*) – «минимальное средство пропитания», полностью совпадает со значением *зарабатывать на кусочек хлеба* в русской фразеологии;
- *a falta de pan buenas son tortas* (букв. *за неимением хлеба сойдут и лепёшки*) – *pan* как «основная пища», а *torta* как менее значимое, менее питательное и не такое вкусное средство утоления голода;
- *contigo pan y cebolla* (букв. *с тобой хлеб и лук*) – то есть *с милым рай и в шалаше*, обещание

верности даже в самой сложной материальной ситуации. Совпадение значения «стеснённого материального положения» устойчивого сочетания *estar/tener a pan y agua* (букв. *держат на хлебе и воде*) в испанской фразеологии и её эквивалента в русской отчётливо видно из следующей цитаты из русскоязычной прессы: «Держать работников на хлебе и воде, не выплачивая зарплаты можно, но не долго, они просто уйдут» [2]. Интересно, что сходная по структуре пословица, отличающаяся всего одним компонентом, имеет практически противоположное значение: *estar/tener a pan y cuchillo/mantel* (букв. *держат на хлебе и ноже/скатерти*) – жить на всём готовом, на полном обеспечении, то есть иметь всё самое необходимое, не только еду;

– *cada vez que habla sube el pan* (букв. *как начнёт говорить, так вырастает цена на хлеб*) – «основной продукт», предмет первой необходимости. Пословица характеризует конфликтного человека, который говорит мало, но как откроет рот, так разгорятся страсти, имеющие такой негативный эффект, как увеличение цены на хлеб.

Однако есть и отличия в значении лексем *хлеб* в русской и *pan* в испанской фразеологии:

– *a buen hambre no hay pan duro/ a pan de quince días, hambre de tres semanas* (букв. *если голоден, то никакой хлеб для тебя не чёрствый*) – эквивалент в русском – *голод* – *не тётка, пирожка не подсунет*; *голод* – *лучший повар*. Обе пословицы в испанском языке имеют и более широкое толкование: человек, не имеющий ничего, не должен быть слишком требовательным, должен довольствоваться малым. *Pan* в данном случае подразумевает не только хлеб или еду, а имеет более широкое значение, близкое к русской пословице: «*На безрыбье и рак рыба*». Интересно, что ни один из приведённых выше эквивалентов испанских пословиц в русском языке не содержит компонента *хлеб*. Ещё один эквивалент испанских пословиц в русском языке напрямую связан с историей России: *голодный француз и вороне рад*. Пословица появилась в языке в эпоху войны с Наполеоном, когда вошедшие в Москву французские войска едва справлялись с голодом и холодами, настигшими их в этом городе. Очевидцы тех событий утверждали, что в целях выживания французские солдаты устраивали охоту на ворон и использовали их в пищу, факт этот запечатлён на картине художника И.И. Теребенева «Французский вороний суп», написанной в первой четверти XIX века;

– *dame pan y llámame tonto* (букв. *хоть дураком назови, но дай хлеба*) – о человеке, готовом игнорировать критику и негативное мнение окружающих на пути достижения своей цели. *Pan* – символ услуги, необходимой человеку для достижения своей цели, причём помощь эта обязательно должна быть связана с обеспечением жизни человека или конкретно с едой. В русском языке эквивалент пословицы не содержит образа-символа хлеб: *хоть горшком назови, только в печку не ставь; а Васька слушает, да ест* (кот Васька – это персонаж знаменитой басни И.А. Крылова «Кот и повар»);

– *llamar al pan, pan y al vino, vino* (букв. *называть хлеб хлебом, а вино – вином*) – говорить честно и искренне всю правду, не используя ни метафоры, ни эвфемизмы. Этимология пословицы связана с таинством причастия, когда верующие вкушают хлеб и вино, символы плоти и крови Христа, во имя искупления грехов. Её русский эквивалент – *называть вещи своими именами* никак не связан с христианскими традициями. Возможно, что поговорка со сходными элементами не появилась в русском языке из-за некоторых различий самой процедуры, в частности, частого использования виноградного сока, а не вина во время православной литургии.

Испанский язык изобилует пословицами, в которых *вино* выступает основным компонентом наравне с хлебом. Объяснением этому может быть тот факт, что виноград на протяжении веков был одной из основных сельскохозяйственных культур всех средиземноморских стран. Анализируя такого рода пословицы в испанском языке, Эстебан Монторо в своей статье об этимологии фразеологических оборотов с компонентом *вино* пишет, что фразеология любого языка – это особое языковое средство, с помощью которого коллективное сознание народа сохраняет и передаёт последующим поколениям основные характеристики и социокультурные коннотации, формировавшиеся веками и ассоциирующиеся сегодня с основными гастрономическими традициями народа-носителя языка. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что в романских языках компонент *вино* нередко является частью культурно-маркированных языковых единиц, выражая особенности мировидения через образы, создаваемые на основе «чувственного, физического и психологического эффекта» вина, а также традиций и особенностей его потребления в определённом языковом социуме [12, с. 132].

Нередко во фразеологии пиренейского варианта оба элемента *pan* и *vino* выступают как парные компоненты:

– *pan a hartura, y vino con mesura* – букв. *хлеба ешь вдоволь, вино пей умеренно*;

– *pan y vino andan mejor que tozo garrido* – букв. *хлеб и вино хороши, как элегантный юноша*;

– *pan de hoy, carne de ayer y vino de antaño, mantienen al hombre sano* – букв. *сегодняшний хлеб, вчерашнее мясо и выдержанное вино сохраняют человеку здоровье*;

– *con vino añejo y pan tierno se pasa el invierno* – букв. *выдержанное вино и мягкий хлеб позволяют пережить зиму*;

– *sin pan y vino el amor se vuelve frío* – букв. *без хлеба и вина любовь холодна*;

– *con pan y vino se anda camino* – букв. *с хлебом и вином легко идти*;

– *traigan vino, queso y pan, que se acabó nuestro afán* – букв. *принесите вина, сыра и хлеба, мы устали работать*;

– *no hay mejor refrán que buen vino y pan* – букв. *самая лучшая поговорка – хорошее вино и хлеб*.

Практически ни одна из перечисленных пословиц не имеет такого эквивалента в русском языке, так как одновременное упоминание *хлеба* и *вина* почти не встречается в русской фразеологии. Только к первой пословице удалось найти ей подобную в русском языке: *хлеб на ноги ставит, а вино валит*, однако в ней явно отражено гораздо более негативное отношение к вину в русской культуре. В Древней Руси, когда формировался основной фонд фразеологии, спиртные напитки не являлись частью ежедневного рациона людей, а во время празднеств из напитков потребляли квас, сбитень, медовуху или брагу, все три приготавливали с использованием мёда. Вспомним традиционное окончание русских сказок: «... и я там был, мёд-пиво пил...» Таким образом, на Руси именно мёд был важным пищевым элементом. Однако в русских паремиях компонент *хлеб* чаще сопровождается словами *вода* или *квас*:

– *покуда есть хлеб да вода, всё не беда*;

– *ешь щи с мясом, а нет, так и хлеб с квасом*;

– *перебиваться с хлеба на квас*.

Следует отдельно остановиться на фразеологии, где лексема *хлеб* используется в значении урожая зерна для приготовления продуктов питания. Различием географического положения, а значит и погодных условий России и Испании,

объясняется отчётливо прослеживающийся в русских пословицах акцент на два параметра:

1. Зависимость от климатических условий для выращивания зерна:

Русские паремии с компонентом <i>хлеб</i>	Испанские паремии с компонентом <i>pan</i>
снег, заморозки	
Зимой снег глубокий — летом хлеб высокий. Зима без снега — лето без хлеба.	<i>Año que hasta el nueve de enero nieva, mucho pan espera</i> (букв. В год, когда до 9 января идёт снег, будет много хлеба). <i>Año que entra helando, mucho pan viene anunciando</i> (букв. Год, начинающийся заморозками, обещает много хлеба).
дождь	
В мае дождь – будет и рожь. Март сухой да мокрый май, будет каша и каравай.	<i>Agua de mayo, pan para todo el año</i> (букв. Дождь в мае – хлеб весь год). <i>Si no llueve en febrero, ni buen pan ni buen centeno</i> (букв. Если нет дождя в феврале, не будет ни хорошего хлеба, ни хорошей ржи). <i>Agua por San Juan¹ (el 21 de junio) quita vino y no da pan</i> (букв. Дождь в праздник Святого Иоанна отнимает вино и не даёт хлеба).
холод	
Май холодный – год хлеботородный.	<i>Si abril fuere frío, habrá pan y vino; Y si frío y mojado, seguro está el año</i> (букв. Если апрель будет холодным, будет хлеб и вино, а если холодным и влажным, то хлеба и вина хватит на весь год).
хорошая погода	
Сей под погоду, будешь есть хлеб год от году.	
солнце	
	<i>En el mes de San Juan, al sol se cuece el pan.</i> (букв. В июне в праздник Святого Иоанна солнце выпекает хлеб).
туман	
	<i>La niebla en marzo no hace daño, pero la de abril se lleva el pan, el vino y el barril</i> (букв. Туман в марте не опасен, а в апреле губит хлеб, вино и не позволяет сделать запасы).

Русские паремии с компонентом <i>хлеб</i>	Испанские паремии с компонентом <i>pan</i>
Хорошо трудиться – хлеб уродится. Кто пахать не ленится, у того и хлеб родится. Где пашет сошка, там хлеба крошка. Глубже пахать – больше хлеба видать. Сей хлеб, не спи, будешь жать, не станешь дремать. Не то хлеб, что в поле, а что в амбаре.	<i>Quien trabaja con afán, pronto ganará su pan</i> (букв. Кто усердно работает, скоро получит свой хлеб). <i>En la casa en que se trabaja, no falta pan ni raja</i> (букв. В доме, где трудятся, хватает хлеба и соломы).

2. Трудоёмкость получения хорошего урожая хлеба:

Согласно первой таблице, паремии, указывающие на зависимость урожая хлеба от таких природных явлений как дождь, засуха, заморозки, многочисленны как в русском, так и в испанском языках и различаются лишь началом временных циклов посева, выращивания и сбора урожая. Любопытно, что вопреки нахождению значительной части территории Испании в субтропическом климатическом поясе, элементом одной из испанских паремий является глагол *nevar* (идти о снеге). Также интересно отметить, что в русских паремиях не встречается компонент *солнце* как фактор, способствующий лучшему выращиванию хлеба. Возможно, это объясняется переменчивостью погоды в период созревания урожая и незначительным, по

сравнению с Испанией, количеством солнечных дней.

При количественном сравнении паремий, указывающих на трудоёмкость процесса выращивания хлеба, становится очевидным наличие гораздо большего их числа в русском языке, чем в испанском.

Сопоставительный анализ пословиц русского языка и пиренейского варианта испанского языка с компонентом *хлеб* позволяет сделать вывод о немногочисленности фразеологических оборотов, имеющих явно отрицательную интерпретацию:

– *Не хлебом единым* – оборот, возникший на основе евангельского текста и призывающий не ограничиваться только материальным и чаще обращаться к духовной пище. Таким образом, осуждение уподобления жизни чело-

¹ Иванов день – праздник летнего солнцестояния у народов Европы.

века простому потреблению пищи, сведение её к материальному, физическому бытию, формирует негативную оценочность фразеологического оборота. В пиренейском варианте с аналогичными лексическими компонентами *no sólo de pan vive el hombre* (букв. человек живёт не только благодаря хлебу) также содержится отрицательная коннотация, однако расшифровка имплицатуры согласно фразеологическим словарям не полностью совпадает: данный фразеологический оборот указывает на то, что всегда необходимо искать разнообразия, повторение быстро наскучивает и не только в том, что касается еды. Пример из фразеологического словаря А. Буитраго: “¿Pero es que lo único que lees son esas novelonas de amor? Cambia un poco y lee otra cosa; algo de aventuras, alguna novela distinta, que no sólo de pan vive el hombre.” (Неужели правда, что единственное, что ты читаешь – это любовные романы? Смени тему, почитай что-нибудь другое, например, приключения, ну в общем что-то совсем непохожее, ведь нельзя же всё время делать одно и тоже) [7, с. 498]. Таким образом, лексема *pan* выступает символом рутинного повторения, обыденности, отсутствия новизны, но никак не «нечто важное, необходимое для жизни». Невозможность использовать при переводе параллельную русскую поговорку говорит о несовпадении смысла фразеологических оборотов, имевших общее происхождение, но семантически эволюционировавших по-разному;

– *Ser el pan nuestro de cada día* (букв. быть хлебом, употребляемым каждый день) – ещё одна пиренейская поговорка с негативной коннотацией, выявляющая символизм лексемы *pan*, аналогичный предыдущему примеру, то есть рутина, скука, шаблон. Словарь А. Буитраго определяет значение фразеологического оборота как многократное повторение чего-либо, причём речь идёт о недопустимости такого повторения, характеризуя его как провоцирующего скуку из-за однообразия. Пример: “¡Hola! Otra vez llueve. Últimamente la lluvia es el pan nuestro de cada día” (Привет! Снова дождь. В последнее время дождь – это постоянное состояние погоды) [7, с. 631]. Хлеб насыщенный в русской лингвокультуре не имеет отрицательной коннотации. Использование при переводе параллельных паремий в русском и испанском языках снова невозможно.

Исходя из широкого спектра положительной оценочности лексемы-символа *pan* в пиренейском варианте логичным оказывается

использование слова-символа для характеристики человека: *Más bueno que el pan* (букв. добрее хлеба) – золотое сердце.

При сопоставлении пословиц с компонентом *pan* в пиренейском варианте с их эквивалентами в мексиканском варианте выяснилось, что в большинстве своём они имеют вместо этого элемента другие гастрономические лексемы:

– *que con su pan se lo come* (букв. пусть сам это ест с хлебом) – сам кашу заварил, сам пусть и расхлёбывает – в мексиканском варианте имеет эквивалент *el que siembra, o siembre, o sembró, su maíz, que se come su pinole* (букв. тот кто посеял, сеет или будет сеять кукурузу, тот пусть сам и пьёт кукурузный напиток) и может иметь как положительный, так и отрицательный смысл в зависимости от контекста. Согласно словарю Мексиканской академии языка, поговорка может быть использована как по отношению к одобряемому нами действию, так и к осуждаемому. В первом случае она звучит как подтверждение права исполнителя действия наслаждаться результатом, а во втором, как упрек и напоминание, что автор действия расплачивается за им же содеянное [9];

– *contigo pan y cebolla* (букв. с тобой хлеб и лук; русский эквивалент – с милым и рай в шалаше) – в мексиканских фразеологических словарях отмечен как эквивалент поговорки *amor de los pobres es como el espinazo de puerco: pelado, pero muy sabroso* (букв. любовь среди бедных схожа со свиным хрящиком, он хоть без мяса, но вкусный), так как свиной хрящик, как хлеб и лук в пиренейском варианте – самые дешёвые и популярные мексиканские блюда, содержащие минимальное количество мяса и имеющие вкусовые качества в основном благодаря соусу чили.

Хлеб для простого мексиканца скорее редкость, чем неперенная часть ежедневно потребляемой пищи. Однако это не означает, что лексема *pan* не встречается во фразеологии мексиканского национального варианта языка, например: *pedirle pan al hambre* (букв. просить хлеба у голода), что означает просить заведомо невозможного и соответствует пиренейскому эквиваленту *pedirle peras al olmo* (букв. просить груш у вяза). Это лишний раз подтверждает различие в восприятии испанского и мексиканского языкового сообщества и несовпадение места, занимаемого данной лексемой в языковой картине мира испанцев и мексиканцев.

Приведём другие примеры отражения в языке восприятия средним мексиканцем понятия *pan*:

– **об эталоне хорошего вкуса:** *de los olores, el pan, de los sabores, la sal* (букв. для запаха – хлеб, для вкуса – соль);

– **положительно характеризую амбициозного человека:** *nomás al partir el pan, se conoce al que es hambriento* (букв. по тому как человек режет хлеб, видно насколько он голоден; русский эквивалент – *видно птицу сокола по полёту*). Синонимичное толкование имеет пословица со словом *taco*: *en el modo de agarrar el taco se conoce al que es tragón* (букв. по манере брать в руки лепёшку можно распознать обжору);

– семантика слова *pan* как **знака материального благополучия** отражена в пословице *cásate, Juan, que las piedras se te volverán pan* (букв. женись, Хуан, и камни для тебя станут хлебом), которая подчёркивает положительные стороны жизни в браке. Хотя идея взята из Евангелия, главы *Искушение Спасителя в пустыне*, которая повествует о приказе Дьявола превратить камни в хлебы для искушения Христа и склонения его к чревоугодию и осмеянию, согласно фразеологическим словарям пословица не содержит ни иронии, ни двусмысленности и говорит о браке как о необходимом условии благополучия;

– **о необходимости смириться с определёнными потерями или идти на уступки при решении проблем:** *no se puede comer el pan y conservarlo* (букв. нельзя съесть хлеб и одновременно сохранить его) – инвариантное значение – невозможность урегулирования ситуации без ущерба для одной из сторон. В данном вопросе мировосприятие мексиканца и носителя пиренейского варианта совпадают: *no se puede hacer la tortilla sin romper los huevos* (букв. нельзя приготовить омлет и не разбить яйца). Эквиваленты в русской фразеологии – *нельзя зажарить яичницу, не разбив яиц; лес рубят, щепки летят*;

– *menos cortesía y más pan* (букв. поменьше красивых слов и побольше хлеба) – эквивалентом среди русских пословиц можно считать ... *зубы не заговаривай*, то есть **не пытайся перевести разговор на более приятную тему**;

– *¿A quién le dan pan que llore?* (букв. если дают хлеб, что же теперь плакать? – *pan* воплощает в себе любые **предлагаемые блага или преимущества, от которых было бы странно отказываться**).

В мексиканском варианте пословиц с компонентом *pan*, отражающих отрицательные стороны жизни или негативно характеризующих человека, так же мало, как и в пиренейском варианте языка и в русской фразеологии:

– *quien pan menea pan no desea* (букв. кто хлебом размахивает, тот хлеба не хочет) – о рутине, скуке многократного повторения или как порицание пресыщенности, когда есть так много благ, что не возникает ни желаний, ни интереса к жизни;

– *más vale un pan reseco para mí, que un pastel para muchos* (букв. лучше чёрствый хлеб для меня лично, чем пирожное для всех) – об индивидуализме и эгоизме как крайнем его проявлении;

– *ser un pan con atole* (букв. быть как хлеб с кукурузным напитком) – быть простачком, недалёким человеком. *Atole* – пресный кукурузный напиток, не имеющий самостоятельного вкуса и употребляемый обычно с пирожками из кукурузной муки с мясом и специями, или с печеньем. В пиренейском варианте *ser un pan sin sal* (букв. быть как хлеб без соли). Сходную характеристику даёт и другое сравнение, используемое в мексиканском сообществе – *ser uno pan de dios/de bueno* (букв. быть хлебом господним/добрым), что значит быть бесхитростным скромным человеком простого происхождения.

Проанализируем, какие же элементы фразеологии мексиканского национального варианта будут сходны по своей символической значимости с лексемой *pan* в пиренейском варианте:

– *A falta de pan, buenas son tortillas* (букв. за неимением хлеба и кукурузные лепёшки хороши; русский эквивалент – *солнца нет, так и месяц светит*) – пиренейский вариант и мексиканский отличаются только вторым компонентом (в пиренейском варианте *a falta de pan, buenas son tortas*). Так как основные значения слов *torta* и *tortilla* в эти вариантах имеют разные значения, то можно предположить, что и их символический смысл неодинаков.

Согласно толковому словарю Испанской Королевской академии (RAE) *torta* это пшеничная лепёшка, фактически блин [14]. Причём в шкале оценки *torta* оказывается значительно ниже, чем *pan*, что становится очевидным из следующих сравнений: *costar la torta un pan* (букв. лепёшка, а стоит, как хлеб) – русские эквиваленты: *дорого обойтись, выйти боком, овчинка выделки не стоит*, то есть речь идёт о несправедливой, завышенной цене на что-либо приобретённое; *hacer un pan como unas tortas* (букв. выпечь хлеб как будто это лепёшка) – говорится, когда что-то получается плохо, хотя было сделано с наилучшими намерениями. В русском языке нам кажется наиболее близким эквивалент *первый блин комом*. Для интерпретации пословицы воз-

можно использование крылатой фразы *благими намерениями вымощена дорога в ад*, но она, явно, не соответствует стилю переводимого текста, в котором возможно появление испанской поговорки. Таким образом, *torta* является символом неадекватной, наименьшей замены хлебу, следовательно, предлагаемый двуязычными словарями в качестве перевода эквивалент *на безрыбье и рак рыба*, представляется достаточно точным.

В мексиканском варианте *torta* – это 1. Разрезанная пополам булка с удалённой мякотью, место которой заполнено различными ингредиентами 2. Омлет с овощами и мясом. Этот элемент практически лишён оценочности в мексиканской языковой картине мира и почти не образует фразеологических единиц. Лишь одно переносное значение слова *torta* мексиканские фразеологические словари включают как достаточно употребительное, возникшее по ассоциации с половинками булки: 3. Молодая девушка, невеста, подруга. Пример использования: «¿Traes a tu torta?» (Ты привёл свою «половинку»?) [10, с. 878], нечто сопоставимое со значением *media naranja* (букв. половинка апельсина) – жена, «вторая половинка» в испанском языке Испании.

Совершенно иначе дело обстоит с лексемой *tortilla* (букв. тонкая пресная кукурузная лепёшка), мало похожей на испанскую *torta*, но занимающей важное место в языковой картине мира мексиканцев. *Tortilla* в мексиканском варианте испанского языка является практически равной по значимости лексеме *rap* в пиренейском варианте, однако имеет отрицательную оценочность во фразеологии Испании. Согласно словарю Испанской королевской академии *tortilla* – это омлет, в который иногда добавляют, помимо яйца, другие ингредиенты, чаще лук и картофель [14]. *Estar hecho tortilla* (букв. быть как омлет) – в пиренейском варианте значит быть крайне усталым или подавленным (возможный русский эквивалент – *быть как выжатый лимон*). В словаре фразеологизмов такая негативная интерпретация объясняется тем, что никому не нравится подвергаться воздействию, подобному тому, которое оказывается на яйца и мелко нарезанный картофель с луком при приготовлении испанского омлета.

Согласно словарю мексиканизмов Л.Ф. Лара *tortilla* – это кукурузная лепёшка примерно 15 см в диаметре, являющаяся главным продуктом питания и основой мексиканской кухни, употребляемая в пищу с начинкой из фасоли, мяса

и т.д. или без неё [10, с. 878]. Словарь мексиканизмов Х.Г. Икасальсета добавляет к данному выше определению, *tortilla* – это не только основная еда бедноты, крестьян и индейцев, но и высших слоёв общества. Таким образом, если «базовое питание» у носителя пиренейского варианта будет ассоциироваться с хлебом, то у среднего мексиканца – с кукурузной лепёшкой: *el que hambre tiene, en tortillas piensa* (букв. голодный думает о кукурузных лепёшках) – голодной куме хлеб на уме; *apenas para vivir con frijoles y tortillas* (букв. фасоль и лепёшки, чтобы выжить) [13, с. 283]; *más vale pura tortilla que hambre pura* (букв. лучше лепёшка без начинки, чем голод без надежды на еду) – голодному кусок за целый ломток, то есть самая простая и дешёвая еда мексиканцев – *tortilla* – всё-таки лучше, чем отсутствие еды; *un indio menos, una tortilla más* (букв. одним индейцем меньше, больше лепёшек) – баба с возу, кобыле легче; *tener comal y metate* (букв. иметь жаровню и зернотёрку) – в русском – жить в довольстве, в достатке, как у Христа за пазухой, кататься как сыр в масле, так как иметь глиняную сковородку для поджаривания лепёшек и ступу для размельчения кукурузных зёрен – значит иметь всё самое необходимое для счастливой жизни семьи. Фразеологических оборотов с компонентом *tortilla*, отражающих отрицательные стороны жизни или негативно характеризующих людей, в словарях вообще не обнаружено.

Лексема-символ *хлеб* в русской языковой картине мира и её эквивалент *rap* в испанской, несомненно, обладают оценочностью, что отражено в языковой картине мира испанцев и русских через целый ряд фразеологических единиц, причём в большинстве случаев значения лексем и их коннотации совпадают в обеих языковых картинах мира.

Выявлено незначительное количество паремий с компонентом *хлеб* и *rap*, где толкование и оценочность в русском и испанском языке Испании не совпадают, или же эквиваленты в языке перевода имеют в своём составе другие лексемы, часто даже не из концептосферы *еда*.

Также очевидно, что в отличие от русского языка в испанских пословицах пиренейского варианта часто присутствуют одновременно два компонента *rap* и *víno*, так как оба компонента являются соизмеримыми по важности культурно-маркированными единицами для испанского языка Испании.

В мексиканском же варианте испанского языка при очевидном преобладании положительной

оценочности лексемы-символа *pan*, выявлено более редкое использование её во фразеологии, а также её замена другими более значимыми для мексиканского языкового социума элементами концептосферы *еда*, в частности лексемой *tortilla*.

Трудно предсказать тенденции развития фразеологии мексиканского варианта испанского языка, однако можно предположить, что со временем лексема *pan* приобретёт большую значимость в языке мексиканцев благодаря вы-

теснению из повседневной жизни, прежде всего молодёжи, изделий из кукурузной муки. Согласно опросу, проведённому мексиканской газетой Эксельсиор, большинство жителей страны приписывают подобные изменения гастрономических предпочтений современных мексиканцев быстрому распространению продукции «фаст-фуда», способствующей в условиях глобализации размыванию специфики национальной кухни [11].

Список литературы

1. Ащенко Г.А. Антропономинативная сфера французской гастрономии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. / «Иркутский государственный лингвистический университет», Иркутск, 2013. 22 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/antroponominatitsiya-v-sfere-frantsuzskoy-gastronomii> (Дата доступа 20 августа 2019 г.)
2. Интернет-проект «Инвестиции для новичков». 2009. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.superjob.ru/community/chat/> (Дата доступа 5 мая 2013 г.)
3. Синячкин В.П. Концепт «Хлеб» в русском языке, лингвокультурологические аспекты описания: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. / РУДН, М., 2002. 22 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.disscat.com/content/kontsept-khleba-v-russkom-yazyke-lingvokulturologicheskie-aspekty-opisaniya> (Дата доступа 25 августа 2019 г.)
4. Смирнова Е.В., Ульянищева Л.В. Лингвокультурологический анализ фразеологизмов с гастрономическим компонентом // Вестник РУДН. Сер., Лингвистика, 2013, № 2, с. 94-98 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-rossiyskogo-universiteta-druzhby-narodov-seriya-lingvistika/#856318> (Дата доступа 25 августа 2019 г.)
5. Шевлякова Д.А. Доминанты национальной идентичности итальянцев. Автореф. дис. ... доктора культурологических наук: 24.00.01. / Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, М., 2011. 46 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.disscat.com/content/dominanty-natsionalnoi-identichnosti-italyantsev/read> (Дата доступа 10 июля 2019 г.)
6. Шевлякова Д.А. Доминанты национальной идентичности итальянцев. Кулинарная система и регионализм. // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. Т. 75, № 2, С. 211-219. М.: Издательство УФУ, 2010. 218 с.
7. Buitrago A. Diccionario de dichos y frases hechas. Espasa Calpe S.A., Madrid, 2007. 982 p.
8. Contreras R., Tonatiuh A.; Viesca González, Felipe Carlos. Formación del patrimonio gastronómico del Valle de Toluca, México. CIENCIA ergo-sum, [S.l.], v. 17, n. 3, p. 239-252, oct. 2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://cienciaergosum.uaemex.mx/article/view/7069>. (Дата доступа 10 июля 2019 г.)
9. Herón Pérez Martínez A.C Refranero Mexicano. Academia Mexicana de la Lengua. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.academia.org.mx/obras/obras-de-consulta-en-linea/refranero-mexicano> (Дата доступа 10 декабря 2019 г.)
10. Lara L.F. (dir.) Diccionario del español usual de México. El Colegio de México, México, 2007. 937 p.
11. Martínez M. ¿Pan o tortilla? ¿... esto es lo que prefieren los mexicanos? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.amnoticias.com.mx/vida-y-salud/8732-pan-o-tortilla-esto-es-lo-que-prefieren-los-mexicanos> (Дата доступа 10 января 2019 г.)
12. Montoro del Arco E.T. El porqué de los dichos: la fraseología del vino. // Per Abbat: boletín filológico de actualización académica y didáctica, №. 2, 2007. pp. 131-136.
13. Quevedo y Zubieta S. La Camada. Novela histórica mexicana. Méjico: Librería de Ch. Bouret, 1912. 502 p.
14. Real Academia Española, Diccionario de la Lengua Española, 23 ed. Madrid: Espasa, 2014. 2392 p.

Сведения об авторе:

Гусева Ирина Валериевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера профессиональных интересов: лингвострановедение, культурология. E-mail: irina.1007@mail.ru.

REPRESENTATION OF THE LINGUOCULTURAL CONCEPT “BREAD” IN THE PHRASEOLOGY OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND THE PIRENEAN AND MEXICAN SPANISH

I. Guseva

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The article is focused on the comparison of concept “bread”, a culturally marked unit of the concept sphere “food” and the most important dominant of the Russian national identity, with its Spanish equivalent “pan” in the Iberian and Mexican versions of the Spanish language, and identification of the elements of the concept sphere “food” in the above mentioned variants, equal in importance to the concept of “bread” in Russian. Paremiias of the Russian language, the Spanish language, and the Mexican Spanish with the “bread” / “pan” component were studied to determine the features of their implications. While analyzing the paremiias, it was revealed that it is impossible to use parallel paremiias in translation into Russian and Spanish because of the connotation differences phraseological phrases acquired in the course of their evolution. The proverbs with the “pan” component in the Iberian version are compared with their equivalents in the Mexican version to determine elements comparable in their evaluations to the “pan” component. The article may be of interest to linguists who specialize in studying the Iberian Spanish and its variants in Latin America, as well as for translators and translation teachers.*

Key Words: *Spanish language, Mexican Spanish, culturally marked units, phraseology with a gastronomic component, paremiias, Mexicanism, appraisal, implicature.*

References

1. Ashchenkova G.A. Antroponominatsiia v sfere frantsuzskoi gastronomii: Avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk [Aschenkova G.A. Anthroponomy in the field of French gastronomy: Abstract of the dissertation ... cand filol.] sciences: 10.02.05. / «Irkutskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet», Irkutsk, 2013. 22 c. [Electronic resource] – Available at: <http://cheloveknauka.com/antroponominatsiya-v-sfere-frantsuzskoy-gastronomii> (Accessed 20 August 2019)
2. Internet-proekt «Investitsii dlia novichkov» [Internet project “Investments for beginners”]. 2009. [Electronic resource] – Available at: <https://www.superjob.ru/community/chat/> (Accessed 5 May 2013)
3. Siniachkin V.P. Kontsept “Khleb” v russkom iazyke, lingvokulturologicheskie aspekty opisaniia: Avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk [Siniachkin V.P. The concept of “Bread” in Russian, linguoculturological aspects of the description: Abstract. dis. ... cand. filol. Sciences: 10.02.01. / RUDN, M., 2002. 22 c. [Electronic resource] – Available at: <https://www.dissercat.com/content/kontsept-khleb-v-russkom-yazyke-lingvokulturologicheskie-aspekty-opisaniya> (Accessed 25 August 2019)
4. Smirnova E.V., Ulianishcheva L.V. Lingvokulturologicheskii analiz frazeologizmov s gastronomicheskim komponentom // Vestnik RUDN. Ser., Lingvistika [Smirnova E.V., Ulyanischeva L.V. Linguocultural analysis of phraseological units with a gastronomic component // Vestnik RUDN. Ser., Linguistics], 2013, № 2, c. 94-98 [Electronic resource] – Available at: <https://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-rossiyskogo-universiteta-druzhby-narodov-seriya-lingvistika/#/856318> (Accessed 25 August 2019)
5. Shevliakova D.A. Dominanty natsional'noi identichnosti ital'iantsev. Avtoref. dis. ... doktora kul'turologicheskikh nauk [Shevlyakova D.A. Dominants of Italians national identity. Abstract. dis. ... doctors of cultural sciences]: 24.00.01. / Moskovskii gosudarstvennyi universitet imeni M.V. Lomonosova, M., 2011. 46 c. [Electronic resource] – Available at: <https://www.dissercat.com/content/dominanty-natsionalnoi-identichnosti-italyantsev/read> (Accessed 10 July 2019)
6. Shevliakova D.A. Dominanty natsional'noi identichnosti ital'iantsev. Kulinarinaia sistema i regionalizm [Shevlyakova D.A. Dominants of Italians national identity. Culinary system and regionalism] // Izvestiia Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniia, nauki i kul'tury. T. 75, № 2, S. 211-219. M.: Izdatel'stvo UFU, 2010. 218 s.
7. Buitrago A. Diccionario de dichos y frases hechas. Espasa Calpe S.A., Madrid, 2007. 982 p.
8. Contreras R., Tonatiuh A.; Viesca González, Felipe Carlos. Formación del patrimonio gastronómico del Valle de Toluca, México. CIENCIA ergo-sum, [S.l.], v. 17, n. 3, p. 239-252, oct. 2017. [Electronic resource] – Available at: <https://cienciaergosum.uaemex.mx/article/view/7069>. (Accessed 10 July 2019)
9. Herón Pérez Martínez A.C. Refranero Mexicano. Academia Mexicana de la Lengua. [Electronic resource] – Available at: <https://www.academia.org.mx/obras/obras-de-consulta-en-linea/refranero-mexicano> (Accessed 10 December 2019)

10. Lara L.F. (dir.) Diccionario del español usual de México. El Colegio de México, México, 2007. 937 p.
11. Martínez M. ¿Pan o tortilla? ¿... esto es lo que prefieren los mexicanos? [Electronic resource] – Available at: <http://www.am-noticias.com.mx/vida-y-salud/8732-pan-o-tortilla-esto-es-lo-que-prefieren-los-mexicanos> (Accessed 10 January 2019)
12. Montoro del Arco E.T. El porqué de los dichos: la fraseología del vino. // Per Abbat: boletín filológico de actualización académica y didáctica, N° 2, 2007. pp. 131-136.
13. Quevedo y Zubietta S. La Camada. Novela histórica mexicana. Méjico: Librería de Ch. Bouret, 1912. 502 p.
14. Real Academia Española, Diccionario de la Lengua Española, 23 ed. Madrid: Espasa, 2014. 2392 p.

About the author:

Guseva Irina Valerievna – PhD in Philology, Associate Professor of the Spanish Language Department at MGIMO. Spheres of professional interest: culture-oriented linguistics, Mexican Spanish, mentality and linguistic world-image of Spanish-speaking people. E-mail: irina.1007@mail.ru.

* * *

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И КЛАССИФИКАЦИЯ ОДНОСОСТАВНЫХ НОМИНАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

И.Р. Гулиева

Бакинский славянский университет.
AZ 1014. Баку. Азербайджан. Ул. Сулеймана Рустама, 33

В статье представлена системная типологическая классификация, основанная на общих признаках односоставных номинативных предложений. Системная классификация более точно определяет не только категоризацию номинативных предложений, но и их место в системе односоставных предложений, поскольку она основана в первую очередь на конструктивных синтаксических критериях второго порядка значения. В связи с этим типом предложений такая классификационная модель используется впервые.

В истории изучения односоставных предложений системная классификация односоставных номинативных предложений, как известно, предполагает распределение материала по принципу безостаточного деления. Причём признаки, которые ставятся в основу деления, не должны повторяться на различных этапах (этажах) классификации. Более того, предмет классификации не должен быть рассмотрен только в пределах своих разновидностей. Системная классификация должна начинаться в рамках односоставных предложений в целом, поскольку разновидности односоставных предложений являются элементами более широкой системы.

В статье мы предлагаем начинать общую системную классификацию на сугубо синтаксической основе, то есть на базе системного признака, противопоставляющего конструктивно-синтаксические модели односоставных предложений актуализированным моделям односоставных предложений.

Ключевые слова: типология, односоставные предложения, номинативные предложения, глагольные односоставные предложения, именные односоставные предложения.

Несоблюдение принципа системного деления односоставных предложений, как правило, приводило к моментам, требовавшим различных толкований. И, что очень важно, выявлялись соединения конструкций, которые трудно включать в ту или иную группу. Так, например, при изначальном делении односоставных предложений по способу выражения главного члена предложения (этот морфологизм представлен во многих учебниках и научных работах) различались а) глагольные и б) именные односоставные единицы. При этом односоставные предложения, в которых глав-

ный член предложения выражен так называемыми безлично-предикативными словами (т.е. словами категории состояния), вроде *Лень мне; Ой неохота; Просто жуть!* и т.п., оставались необозначенными, «висячими». Ведь безлично-предикативные слова, как известно, восходят к именам существительным *лень, неохота, жуть, пора* и т.п. А при построении парадигмы этих предложений (*Мне лень; Мне было лень* и т.д.) явно проступали структурные особенности безличных предложений. Это означает, что в морфологизованной классификации не оказалось принципиального места для последних – то

есть для предложений типа *Пора, пора, друг мой* (М. Волошин); *Лень* мне и т.п.

Идея подобного деления всего корпуса односоставных предложений впервые представлена в диссертационной работе А.В. Фарзалиевой, разрабатывающей синтаксическую проблематику односоставных предложений на материале паремиологических единиц [13]. Но такое распределение системы односоставных предложений для нас имеет лишь теоретическое значение, поскольку охватывает предмет нашего внимания в качестве элемента (подгруппы) общей классификации. Это означает, что односоставные номинативные предложения (далее: ОНП) составляют некий элемент общей структуры – системы односоставных предложений в русском языке вообще, и к ним будут применяться те критерии, которые логически не противоречат принципам исходного деления односоставных предложений в целом. «В настоящее время номинативное предложение рассматривается как особый тип коммуникативной структуры, в которой находят своё выражение одновременно субъект и предикат коммуникации» [8, с. 9].

Таким образом, дальнейшая классификация актуализированных (рематически обозначенных) разновидностей односоставных предложений на глагольные и именные (*Не курить! и Зима.*) поддерживает как раз исходный критерий общей классификации, потому что этот морфологический принцип «работает» и на материале конструктивно-синтаксических моделей односоставных предложений. ««Классическим» примером русского односоставного предложения принято считать безличные предложения типа *Морозит; Смеркается; Холодно; Ему не спится; Мне хочется есть; Молнией убило человека; У меня нет этой книги* и т.п. Это самая «сильная» категория в системе односоставных предложений» [6, с. 22].

Здесь, конечно, возможны и иные сугубо синтаксические принципы разграничения. И.П. Распопов в качестве исходного принципа деления применяет критерий «тематической детерминированности /недетерминированности». Несмотря на системную непротиворечивость данного принципа, классификация И.П. Распопова не нашла своих последователей хотя бы потому, что нерасчленённые «*Зима. Снега*» и расчленённые «*Вечерние сумерки. Жаркий июльский полдень*» оказались в разных группах односоставных предложений [10].

Что касается сугубо семантических критериев классификации ОНП, то они также не про-

являют собой чёткости в распределении этих единиц и в результате устанавливают схожие группы типа «1. номинативные предложения, отражающие явления природы – *Свежий запах дикой мяты. Неживой, голубоватый ночи свет*; или 2. номинативные предложения, отражающие явления окружающей среды – *Двор штаба белой армии. Конец дня. Паника. Внезапная эвакуация белых*» и т.д. [4, с. 125]. В определённой мере такое положение повторяется и в учебнике Н.С. Валгиной [3, с. 186].

Представляем квалификацию односоставных номинативных предложений по признаку расчленённости/ нерасчленённости структуры.

Нерасчленёнными считаются номинативные предложения, в которых главный член предложения выражен изолированным, самостоятельным именем существительным. Это – однословные ОНП: *Княгиня, пари!.. за кого вы держите?* (Л. Толстой. Анна Каренина, ч. 2, гл. 28); – *Дикарь!* – говорил он иногда вслух, вспоминая нищего (И. Бунин. Птицы небесные); *Многоголосоица!* Именно многоголосоица Питера... стала основным мотивом и признаком окружающей жизни (Б. Евсеев. Евстигней, гл. 24); *Дева Света! Где ты, донна Анна? / Анна! Анна! – Тишина* (А. Блок. Шаги командора); *Осень... /Под стройными хвоями сосен / Трелью раздельною / Свищет свирель* (М. Волошин. Пляски); – *Сильфида!* – повторил Гедеоновский и поднял глаза к небу (И. Тургенев. Дворянское гнездо. 39 гл.); – *Эх, деньги, деньги!* Много греха от них... (Л. Толстой. Поликушка). – *Телеграмма! / – Могли бы и завтра, – сержусь я, – получая от коридорного телеграмму* (А. Чехов. Скучная история. гл. 6) и т.п.

Исторически сложившиеся мнения по поводу ОНП, в чём мы убедились, рассматривая синтаксические работы, концентрируются вокруг комплекса морфолого-семантических признаков этих односоставных предложений. Центральными в этом комплексе являются то, что: а) главный член предложения в них выражается существительным в форме именительного падежа (отсюда название «номинативные» – от латинского названия именительного падежа существительного «номинатив»); б) главный член номинативного предложения «совмещает в себе функцию наименования предмета и идею его существования, бытия – статического бытия» [3, с. 186]; в) доминирующее бытийное значение различается оттенками – указательно-бытийное, оценочно-бытийное, желательно-бытийное и т.п.; г) ОНП представлены в языке-речи в

своих разновидностях: расчленённые, нерасчленённые, «осложнённые» кругом специфических частиц и т.д.; д) ОНП являются «фигурами» разговорно-диалогических единств и особых текстовых форм.

Теоретическая квалификация ОНП иногда охватывает моменты категориально-синтаксических параметров. Так, Т.П. Ломтев в своей известной книге по теории синтаксических позиций характеризует ОНП односоставного строения как позиционный вариант двусоставных предложений: «Главная позиция односоставных восклицательных номинативных предложений может быть отождествлена с позицией сказуемого двусоставных повествовательных предложений. Ср. Жулик, жулик! Подлец! Пожар! Восклицательные односоставные номинативные предложения... чередуются с повествовательными двусоставными предложениями Вы – подлец, Он жулик и т.п.» [7, с. 84]. Однако Т.П. Ломтев в этот ряд синонимичных «чередующихся» единиц не включает номинативное предложение Пожар!, хотя в группе единиц, названных самим автором, единица «Пожар!» есть. Словом, «Пожар!» в отмеченную трансформационную систему «чередующихся» единиц не укладывается. О причинах такой «нестыковки» Т.П. Ломтев не говорит.

Или, например, когда речь идёт о формах проявления в ОНП такой основополагающей категории, как предикативность (и шире – предикативность), то высказывается мнение, что номинативные предложения «называют предмет речи и утверждают его бытие. В них содержание высказывания ограничивается отнесением названного предмета речи к действительности... Этим предложениям свойственно предикативное бытие в целом, причём таким предикативным бытием предмета не конкретизируется, а только указывается как бытие, существование вообще. Это так называемое простое общее предикативное; оно осуществляется преимущественно средствами интонации» [10, с. 75-76].

Такое толкование природы предикативности в односоставных нерасчленённых предложениях принято в академической «Грамматике русского языка» и высказано В.В. Виноградовым: «Так, безглагольные односоставные предложения представляют собой единицы речевого общения, грамматически организованные на основе тех же категорий модальности и времени, даже если они содержат лишь одно единственное понятие или представление, соответствующим образом соотносённое с действительностью. На-

пример: Мороз. Тише! Внимание!» [5, с.78]. Эту же мысль В.В. Виноградов подкрепляет следующим тезисом о том, что предикативность как постоянное категориальное свойство предложения «не всегда выражается в предикативной связи между частями или членами предложения. Предикативность может быть присуща предложению в целом и не вызывать его расчленения; например: *Молчать! Жара! Светает*» [5, с. 87].

Эта характеристика природы предикативности в односоставных нерасчленённых предложениях фактически стала общепринятой в теории односоставных предложений. Об особой «предикативной интонации», «констатирующей интонации», писал ещё А.М. Пешковский [9, с. 173].

Однако считаем необходимым отметить следующее. Интонация является показателем расплывчатым, она «на слух» не поддаётся стратификации. И поэтому классификации, типология предложений на основе лишь интонации, практически нереальны.

Разъясним сказанное. Интонационный рисунок ОНП «*Эх, деньги, деньги!*», приведённого выше, в изолированном от текста виде может актуализировать различные значения: сильное желание иметь их, жалость к людям, имеющим подобное сильное желание, разочарование в их всемогуществе и, наконец, философское обобщение или заключение по поводу их влияния на человеческое существование.

Таким образом, интонация фальшивого философствования становится ясной только при поддержке смысловой структуры всей микроситуации, когда решается вопрос об определении мальчика в рекруты. Ещё более она проясняется на фоне всего рассказа, выявляющего образ купца в целом – его характер, внутреннюю природу. И интонация констатации некоторого явления (денег), связанного с негативным для христианина (грехи...) сущностью, представляет основу предикативной формы предложения «*Эх, деньги, деньги!*». В.В. Бабайцева называет эту форму логико-психологической основой номинативных предложений: есть случаи непосредственного созерцания предмета суждения, но и есть случаи, когда нет непосредственного созерцания предмета или явлений (как, например, в нашем примере). Номинативные предложения представляют и тот, и другой случай. Во втором случае «предмет суждения представлен, – отмечает В.В. Бабайцева, – в субъекте суждения в виде представлений или в виде суждений, вы-

раженных предложениями, обычно препозитивными» [1, с. 121].

Сказанное, на наш взгляд, подводит к заключению о том, что предикативность и модальные оттенки предложения «Эх, деньги, деньги!» (см. ряд смысловых оттенков, который мы представили чуть выше) оказываются настолько нераспорядимыми, что проводить между ними грань становится проблематичным. Понятия времени и пространства как категориальных свойств всякой предикативной единицы в таких случаях аморфного выражения значения бытия, существования оказываются максимально размытыми. Это даёт нам определённые основания считать попытки трансформации подобных разновидностей ОНП в двусоставные и говорить об их потенциальной возможности строить временной парадигматический ряд некорректным. Ср.: *Эх, деньги, деньги!*; *Эх, деньги были (будут), деньги...* В таких случаях, видимо, следует говорить о формировании и реализации обобщённого абстрактного настоящего времени «вокруг говорящего субъекта», которое охватывает все конкретные временные формы – и прошедшего, и настоящего, и будущего изъявительного наклонения, а также формы ирреальных наклонений.

Следовательно, для синтаксической системы русского языка функционирование предикативных наречий или существительных не такая уж редкость.

Поэтому квалификация главного члена номинативного предложения как особого рода «предикативных существительных» не будет противоречить законам грамматики русского языка. «Одним из спорных является вопрос относительно синтаксического функционирования главного члена номинативного предложения, где наблюдается много противоречий. Одни лингвисты признают за ним статус сказуемого, а другие называют его подлежащим» [2, с. 9].

Об указательно-номинативных предложениях мы расскажем отдельно. Здесь же отметим, что ОНП местоименного выражения вполне правомерно вычлениваются на линии нерасчлennых ОНП, среди которых выявляются, таким образом, две противопоставленные группы: а) нерасчлennые субстантивные ОНП и б) нерасчлennые местоименные ОНП.

Правомерность выделения местоименных ОНП доказывается прежде всего тем, что местоимения как класс знаменательно-указательных слов (речь идёт, в основном, о личных ме-

стоимениях) служат семантико-дейктическими (указательными) субститутами, заместителями существительных. Это – лексико-грамматическое назначение, функция местоимений. Следовательно, определение группы ОНП местоименного характера не противоречит природе местоимения:

1. Стук в дверь. Открываю. Не верю глазам. Передо мной стоит Степан. Я, оторопела...

– Ты! Неужели ты? (И. Тургенев. Касьян с красивой мечи).

2. – Она мне поведала о своём женихе... Стало быть, ты и есть! А может, другой кто?

– Я! Я! – забормотал Герасим... (В. Костылев. Иван Грозный, ч. 2.). Фактически, как видно, классификация ОНП нерасчлennого типа на этом этапе завершается, потому что признак «морфологическое выражение главного члена ОНП» исчерпывает свои возможности; случаи иного морфологического выражения названного члена предложения ОНП (словосочетания, количественно-именные сочетания и т.д.) всегда, как показывают наши наблюдения, эквивалентны либо существительным, либо местоимениям [4, с. 127].

Так что первичная классификация нерасчлennых ОНП по способу выражения главного члена предложения имеет два основных варианта:

Первый вариант: 1. Нерасчлennые ОНП субстантивные; 2. Нерасчлennые ОНП местоименного характера и 3. Нерасчлennые ОНП цепочный структуры (когда самостоятельные существительные или местоимения повторяются: Снега. Снега. Завалы снега; Я! Я! – пробормотал Герасим... и т.п.). Второй вариант мы представили чуть выше.

Однако данная классификация в принципе оказывается формализованной, она не раскрывает семантико-функциональные возможности ОНП, их «аффективную» природу, хотя, как известно, сама реальность ОНП, их многообразные речевые функции обусловлены как раз фактором субъективной экспрессии.

В целях полноценного представления сторон отмеченной формализованной (морфологической) классификации считаем нужным сказать несколько слов и о расчлennых конструкциях ОНП.

Эти предложения противопоставляются нерасчлennым вариантам ОНП тем, что в них выделяются, как минимум, два члена предложения – главный (сам номинатив) и его распро-

странитель (второстепенный член предложения):

1) – Михаил Кузьмич Антонов, прошу помнить! – предупредил он Самгина.

– *Какой искусный актёр*, – подумал Самгин... (М. Горький. Жизнь Клима Самгина, ч. 2).

2) – Это кто? *Какое жалкое лицо!* – спросил он, заметив сидевшего на лавке невысокого больного в коричневом пальто и белых панталонах... (Л. Толстой. Анна Каренина, ч. 2., гл. 34).

Расчленённые ОНП иногда называются «распространёнными». Но и в том, и в другом терминологическом обозначениях суть этих ОНП сводится к возможности выделения в них другого (или других) членов предложения, кроме главного [3, с. 189-190].

Когда речь идёт о расчленённых ОНП, все исследователи единодушно замечают, что эти конструкции распространяются лишь определённым членом предложения (либо согласованным, либо несогласованным определением): *Морозный день, конец декабря* (М. Шолохов. Поднятая целина, гл. 18).

Учитывая зыбкость семантических критериев классификации ОНП, в «Грамматике русского языка» также даётся классификация, основанная на признаке распространённости / нераспространённости ОНП.

Однако в современных вузовских учебниках всё же предпочтение отдаётся семантической классификации, при которой выделяются в основном такие классы (группы), как бытийные, указательные, бытийно-побудительные (Доброе утро! и т.п.), оценочно-бытийные, собственно-назывные (типа «именительное представления») [12, с. 305-306]; [11, с. 437-438].

Семантическую классификацию можно считать удачной лишь с точки зрения охвата материала. В ней находят своё отражение основные смысловые оттенки как расчленённых, так и нерасчленённых ОНП. Но следует в этой связи отметить и другое положение. Дело в том, что основным, базовым значением номинативных предложений является утверждение бытия (наличия, существования) явлений, фактов, предметов. А это значение или осложняется в некоторых типах ОНП, или выступает в «чистом» виде. Тем более, что семантическое осложнение

происходит одинаково эффективно как в расчленённых ОНП, так и в их нерасчленённых типах. Это свидетельствует о реальности и неизбежности частых переходных по смыслу конструкций, которые могут быть включены в ту или иную группу: *Тишина*. (при констатации); *Тишина!* (при требовании); *Тишина...* (в смысле утверждения ложного спокойствия, после которого обязательно наступает кровопролитный бой). Поэтому в таких случаях «изолированного» номинатива обязательно наличие пре- и постпозиционного контекста.

Всё сказанное выше даёт, как нам кажется, основание считать классификацию ОНП на основе признака расчленённости / нерасчленённости не отвечающей требованиям сущностного определения ОНП.

В нашем случае мы отдаём предпочтение другому критерию классификации ОНП – критерию, исходящего из системы речевых актов.

Попытка такой классификации в работах по синтаксису односоставных предложений вообще и ОНП в частности не предпринята.

Наш выбор модели классификации обусловлен следующими соображениями. а) Как нами уже было отмечено в начале работы, мы исходим из фундаментального положения о том, что односоставные предложения строго распределяются на две группы – конструктивно-синтаксические модели (потенциально делимые на тему и рему) и актуализированные модели (представляющие только рему высказывания, ОНП – рематическое предложение). Значит, б) оно представляет элемент актуализированного высказывания, т.е. речевое произведение, его функционирование зависит от речевой установки говорящего субъекта, его восприятия. Поэтому эти единицы в абсолютном большинстве случаев экспрессивно-эмоционально окрашены, что проявляется на фоне специфической интонации.

Теория речевых актов, на наш взгляд, достаточно твёрдая основа для классификации всего многообразия ОНП, поскольку данная теория основана на учёте единственного функционального свойства высказывания – его функциональной ориентации, целевого назначения.

Список литературы

1. Бабайцева В.В. Односоставные предложения в современном русском языке. М.: Просвещение, 1968, 160 с.
2. Биджиев З.А.-Дж. Односоставное номинативное предложение в карачаево-балкарском языке (в сопоставлении с русским и английским языками) // Авторефер. дисс. канд. филол. наук. Махачкала, 2009, 22 с.
3. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. М., Изд. 2-ое, 1978, 438 с.
4. Галкина-Федорук Е.М., Горшкова К.В., Шанский Н.М. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Учпедгиз, 1958, 198 с.
5. Грамматика русского языка / Под ред. В.В. Виноградова, т.2, ч.2 (продолжение). М.: Наука, 1960, 440 с.
6. Долин Ю.Т. Вопросы теории односоставного предложения (на материале русского языка). Издание 2. Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2008, 129 с.
7. Ломтев Т.П. Основы синтаксиса современного русского языка. М.: Учпедгиз, 1958, 164 с.
8. Мокроусова О.Ю. Номинативное предложение как единица текста: коммуникативно-прагматический аспект // Авторефер. дисс. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2011, 25 с.
9. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956, 511 с.
10. Распов И.П. К вопросу о предикативности // Вопросы языкознания. М., 1958. №5., с.70-77.
11. Современный русский язык / Под ред. Е.И. Дибровой ч. II., изд. 2-ое. М.: Академия, 2006, 618 с.
12. Солганик Г.Я. Значение слова и представление // Семантика слова и синтаксической конструкции. Воронеж: Изд. ВГУ, 1987, с.6-15.
13. Фарзалиева А.В. Опыт системной классификации односоставных предложений в русском языке (на материале предложений и поговорок). Диссертация доктора философии по филологии. Б., 2015, 133 с.

Сведения об авторе:

Гулиева Илаха Расим гызы – докторант Бакинского славянского университета (Азербайджан, Баку).
E-mail: bitkovskayay@inbox.ru.

TYPOLOGICAL CHARACTERISTIC AND CLASSIFICATION OF MONONUCLEAR NOMINATIVE SENTENCES

Guliyeva İlahə Rəsim

Baku Slavic University.
AZ 1014. Baku. Azerbaijan. 33 Suleiman Rustam Street

Abstract: *The article presents a systematic typological classification based on the general qualifications of mononuclear nominative sentences. A systematic classification more accurately determines not only the categorization of nominative sentences, but also their place in the system of single-component sentences, since it is based primarily on constructive syntactic criteria of the second order of value. Such a classification model is applied for the first time in connection with these proposals.*

In the history of the study of mononuclear sentences, the systematic classification of mononuclear nominative sentences, as is known, involves the distribution of material according to the principle of residual division. Moreover, the signs that are the basis of the division should not be repeated at various stages of classification. Moreover, the subject of classification should not be considered only within its varieties. A systematic classification should begin within the framework of mononuclear sentences in general, since varieties of mononuclear sentences are elements of a wider system.

We propose, as already noted, to begin a general system classification on a purely syntactic basis, i.e. on a system feature that contrasts the constructive-syntactic models of mononuclear sentences with the actualised models of mononuclear sentences.

Key Words: *typology, the mononuclear sentences, the nominative sentences, verbal nominative sentences, subjective nominative sentences.*

References

1. Babaitseva V.V. Odnosostavnie predlozheniia v sovremennom russkom iazyke [Single-component sentences in modern Russian]. M.: Prosveshchenie. 1968. 160 s.
2. Bidzhiev Z.A.-Dzh. Odnosostavnoe nominativnoe predlozhenie v karachaevo-balkarskom iazyke (v sopostavlenii s russkim i angliiskim iazykami) [One-part nominative sentence in the Karachay-Balkarian language (in comparison with Russian and English)] // Avtorefer. diss. kand. filol.nauk. Mahachkala, 2009, 22 s.
3. Valgina N.S. Sintaksis sovremennogo russkogo iazyka [The syntax of modern Russian language]. M., Izd. 2-oye. 1978. 438 s.
4. Galkina-Fedoruk E.M., Gorshkova K.V., Shanskiy N.M. Sovremenny russkii iazyk. Sintaksis [Modern Russian language]. M.: Uchpedgiz. 1958. 198 s.
5. Grammatika russkogo iazyka [Grammar of the Russian language] / Pod red. V.V. Vinogradova. t. 2. ch. 2 (prodolzhenie). M.: Nauka. 1960. 440 s.
6. Dolin Yu.T. Voprosy teorii odnosostavnogo predlozheniia (na materiale russkogo iazyka) [Questions of the theory of a one-component sentence (on the material of the Russian language)]. Izdanie 2. Orenburg: IPK GOU OGU, 2008, 129 s.
7. Lomtev T.P. Osnovy sintaksisa sovremennogo russkogo iazyka [The basics of the syntax of the modern Russian language]. M.: Uchpedgiz. 1958. 164 s.
8. Mokrousova O.Yu. Nominativnoe predlozhenie kak edinitsa teksta: kommunikativno-pragmaticheskii aspekt [Nominative sentence as a unit of text: communicative-pragmatic aspect] // Avtorefer. diss. kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2011, 25 s.
9. Peshkovskii A.M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian syntax in scientific coverage]. M.: Uchpedgiz. 1956. 511 s.
10. Raspopov I.P. K voprosu o predikativnosti [On the question of predicativity] // Voprosy iazykoznaniiya. M., 1958. №5. s.70 –77.
11. Sovremennyy russkii iazyk [Modern Russian language] / Pod red. E.I. Dibrovoy ch. II.. izd. 2-oye. M.: Akademiya. 2006. 618 s.
12. Solganik G.Ya. Znachenie slova i predstavlenie [The meaning of the word and representation] // Semantika slova i sintaksicheskoy konstruktii. Voronezh: Izd. VGU. 1987. s.6-15.
13. Farzalieva A.V. Opyt sistemnoy klassifikatsii odnosostavnykh predlozhenii v russkom iazyke (na materiale poslovits i pogovorok) [The experience of systematic classification of single-component sentences in Russian (based on proverbs and sayings)]. Dissertatsiia doktora filosofii po filologii. B.. 2015. 133 s.

About the author:

Guliyeva İlaha Rasim – postgraduate student at Baku Slavic University.

E-mail: bitkovskayay@inbox.ru.

* * *

КОНТР-КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ МИХАИЛА МИТРАСА

П.С. Заруцкий

Филологический факультет СПбГУ.
Университетская наб., 11, Санкт-Петербург, 199034

В данной статье рассматриваются контр-коммуникативные практики в творчестве греческого писателя-авангардиста М. Митраса (1944–2019). Один из ключевых представителей греческой экспериментальной литературы, Митрас оказал существенное влияние на третью, завершающую стадию формирования национального литературного авангарда, пришедшуюся на 1970-е гг. В этот период осуществился переход от дихотомии «панавангардизма» и консервативной линии модернизма к плюрализму авангардистских поисков и экспериментальных творческих методов. Традиционно рассматриваемый как представитель международного движения «конкретной поэзии», в своих прозаических работах Митрас следовал ряду стратегий, характерных для американской «языковой школы». Различные контр-коммуникативные практики использовались представителями обоих течений с целью перераспределения роли читателя, который из пассивного адресата сообщения становился равноправным соучастником творческого процесса. Выявление данных практик в произведениях греческого автора, анализ их роли и соответствия теоретическим статьям и работам представителей современных автору авангардистских движений, с которыми он ассоциируется, предлагает не только новый взгляд на творчество Митраса, но и открывает новые перспективы для исследования процессов формирования литературного авангарда в Греции.

Ключевые слова: греческий авангард, конкретная поэзия, поэзия языка, контр-коммуникация, экспериментальная литература, поэзия постмодерна.

Одна из характерных особенностей послевоенного литературного авангарда – это сближение и взаимодействие творческих практик с научными представлениями о языке. В центре изысканий авторов оказалась уже не столько попытка радикального преобразования мира, сколько бунт против главенства коммуникативной функции языка. Среди послевоенных авангардистских течений международное движение «конкретной поэзии» и американская «языковая школа» с наибольшей бескомпромиссностью отстаивали автономию поэтического языка.

Черты обоих направлений можно проследить в творчестве греческого литератора Михаила Митраса (Μιχαήλ Μήτρας, 1944–2019). Костас

Яннулопулос, поэт и составитель единственной в Греции «Антологии конкретной поэзии», описывал своего коллегу как автора, «... практиковавшего конкретную поэзию и экспериментальную литературу в целом на куда более серьёзном уровне, чем любой другой греческий писатель» [12, с. 167]. Безусловный лидер греческого послевоенного авангарда Нанос Валаоритис также утверждал, что корпус работ Митраса включает в себя «языкоцентричные «тексты» и визуальную поэзию» [13, с. 237].

В статье 1977 года «Смерть субъекта: значения контр-коммуникации в современном языкоцентричном письме» один из идеологов «языковой школы» Стив МакКаффри (Steve McCaffrey, р. 1947) утверждал контр-коммуникативные

практики как способ перераспределения ролей писателя и читателя. Последний благодаря этому получает непосредственный опыт внутри самого языка; способ «увидеть, что представляет собой молот, когда он не в работе» [10, с. 2].

Данная статья посвящена определению роли контр-коммуникативных практик в творчестве Митраса. Исследование контр-коммуникации в теоретических работах и творчестве представителей двух вышеназванных литературных течений и анализ параллелей с произведениями Митраса позволяют оценить значение этих произведений в контексте не только национального, но и мирового авангардистского поиска второй половины XX века.

Движение конкретной поэзии, впервые заявившее о себе в начале 1950-х гг., было обязано своим возникновением независимым друг от друга изысканиям швейцарца Ойгена Гомрингера (Eugen Gomringer, р. 1925) и бразильской группы Noigandres. Гомрингер заимствовал у Стефана Малларме термин «созвездие» для своих стихотворений-констелляций – отдельных слов или групп слов, объединённых, как полагал поэт, по тому же принципу, по которому звёзды формируют созвездия. Упраздняющие привычное линейное прочтение констелляции Гомрингера представляли собой «самый простой способ конфигурации в поэзии» [8, с. 67], а также служили площадкой-приглашением для читателя «вступить в игру» [8, с. 67].

Бразильские авторы взяли за ориентир творчество Эзры Паунда и его «идеограмматический» метод. В «Пилотном плане для конкретной поэзии», разработанном группой Noigandres в 1958 году, идеограмматический метод композиции определялся как основанный на прямых аналогиях, а не на логико-дискурсивном соседстве элементов. Согласно этому плану, конкретная поэзия предлагала пространственно-временную структуру взамен «линейно-темпористическому развитию» («linear-temporistical development») и сама провозглашалась «тотальной ответственностью перед языком» [6, с. 72].

Помимо участников движения конкретной поэзии «освобождение языка» интересовало и представителей американской «языковой школы». Их «нереференциальное» письмо берёт своё начало не только в предшествующих литературных практиках (Гертруда Стайн, Уильям Карлос Уильямс, Луис Зукowski), но и в работах русских формалистов, французских структуралистов, Людвига Витгенштейна, изысканиях в

сфере постгенеративной когнитивной лингвистики и сформулированных Роланом Бартом идеях о поиске «невозможной литературы» [1, с. 78] и о том, что «...каждое поэтическое слово – это всегда неожиданность, это ящик Пандоры, из которого выскальзывают все потенциальные возможности языка...» [1, с. 86].

Данное направление не предлагало «текст во всей “полноте”, – только череду опытов» [4, с. 19]. Американские языкоцентристы, сформировавшие отдельную поэтическую школу в 1970-е гг., не отрицали частичной схожести своих творческих задач с теми идеями, что постулировали конкретисты за два десятилетия до них. По словам МакКаффри, «... можно провести параллель и с семиотическим подходом конкретной поэзии, – не столько в отношении исследовательской экстраполяции визуальных качеств мира, сколько, пожалуй, в общем акценте на язык как на непосредственное событие, на “видимое” (в конкретизме) и, следовательно, “чувственное” (в языкоцентричном письме)» [10, с. 2–3]. Другим объединяющим фактором двух течений было их критическое отношение к персоцентричной «экспрессивной» поэзии, прочтение которой сводилось в первую очередь к верификации некоего жизненного опыта автора.

Митрас дебютировал в 1972 году вышедшей отдельным изданием прозаической работой «Фантастическая новелла» («Φανταστική novέλα»). Это произведение носит подзаголовок «То, что забыла или намеренно не рассказала Алиса, возвратясь из Страны Чудес, как, например» и начинается с эпизода, чья структура и манера изложения напоминают отрывок из романа. «Старый ключ» [16, с. 10], которым в этой сцене воспользовалась героиня, возможно, отсылает к привычному нарративному прочтению прозаического произведения. Однако старый ключ больше не подходит для новых стратегий письма: как только читатель эмоционально вовлекается в сюжет повествования, перед ним предстаёт тот же отрывок, только в виде коллажа. Слова, формировавшие сюжет, сплетаются между собой, образуя своеобразное визуальное стихотворение.

Впоследствии элементы нарратива возвращаются в текст, в котором, впрочем, уже невозможно проследить логику повествования или идентичности героев. Концовка же новеллы отрицает сама себя: за словом «конец» следует обрывающийся на полуслове очередной коллаж из начала произведения, в который вплетается слово «продолжается».

Не имеющая ни начала ни конца новелла Митраса становится фантастической не столько вследствие тематики, сколько ввиду апелляции к читательской фантазии. Вместо вопроса «что хотел сказать автор» возникает новый – «что за текст увидел перед собой читатель».

Эта книга «родилась из поэтических фантазий и взаимопроникновений сновидений», – писал критик Михалис Мераклис, добавляя, что с первых страниц текст внушает уверенность, что «г-н М. владеет своим языком и знает, о чём пишет» [15, с. 93].

«Демонтаж» нарратива, свойственный «Фантастической новелле», сближает её автора с изысканиями поэтов «языковой школы». В статье о «поэзии языка» Валаоритис, сравнивая прозаический текст французского авангардиста Ива Бьена «Отступление из России» («La Retraite de Russie») с поэмой американского языкоцентриста Рона Силлимана «Tjanting», отмечал «языкоцентричность» этих текстов в использовании независимых друг от друга фраз, создающих эффект синхронных впечатлений в некоем общем языковом пространстве. В ставшей хрестоматийной книге «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма» Фредерик Джеймисон приводит стихотворение Боба Перелмана (Bob Perelman, р. 1947) и «языковую школу» в целом как характерный образец постмодернистской поэзии, называя данную манеру письма шизофренической фрагментацией и ссылаясь на данное Жаком Лаканом определение шизофрении как сбоя в цепочке означающих [2, с. 130].

Фрагментация также легла в основу последующих прозаических работ Митраса. Как и в поэтических текстах, в прозе автор наиболее часто прибегает к инструментарию комбинаторной литературы и повторениям, широко встречающимся в конкретной поэзии и экспериментах французской авангардной группы «УЛИПО».

Митрас использует идентичные друг другу строчки или отрывки, предполагая, что последовательное чтение каждой из них будет представлять для читателя уникальный дискретный опыт, а его восприятие текста будет меняться с каждым повторением. О таком подходе прямо свидетельствует следующее стихотворение автора:

РАЗЛИЧИЕ¹

повторение повторение повторение
повторение повторение повторение
повторение повторение повторение
повторение повторение повторение
повторение повторение повторение
повторение повторение повторение

— никогда не идентично —

[17, с. 21]

Из прозаических работ можно привести в качестве примера зарисовку «Он путешествовал один» («Ταξίδευε μόνος») [16, с. 70], где описание автомобильной поездки героя предстаёт в четырёх вариантах. В каждом из них некоторые элементы заменяются на противоположные. Так и в рассказе «Восемь разных способов описания пейзажа» («Οκτώ διαφορετικοί τρόποι περιγραφής του τοπίου») [16, с. 95] предлагается восьмикратно повторенный минималистичный отрывок.

Объясняя принципы «языковой школы» и её отношение к повествованию, Перелман утверждал, что «[и]стория, сюжет, любой элемент вне синтаксических и тональных действий слов рассматривается как вторичный. Попытки введения идеализированного времени нарратива лишь замутняли бы восприятие непосредственного времени письма и чтения. Персона, персонализм, стихотворение как след поэта-демиурга, – всё это ныне выводится за рамки произведения» [11, с. 6]. Митрас исключает не только своё «я» из собственного творчества, но и не допускает никакого психологизма в читательском восприятии при попытке восстановления повествования из отрывка. Этот приём читается как саркастический комментарий на восприятие автора в роли «творца», стоящего выше своего читателя, а также на любые попытки дидактизма.

Отказ Митраса от морализаторства и создания глубокого смысла особо заметны в тех текстах, в которых поэт фиксирует эпизоды повседневности. Например, «Повседневные события, или смутные подробности» («Καθημερινά γεγονότα ή αόριστες λεπτομέρειες») представляет собой перечень из двадцати четырёх случай-

¹ Здесь и далее перевод стихотворений с греческого языка на русский осуществлен автором статьи. В случаях сопоставления работ Митраса с произведениями других авторов, перевод даётся в тексте статьи, а сами стихотворения для визуальной наглядности приводятся в оригинальном виде.

εικόνα») представляет собой высказывания, теряющиеся в ряде цифр. В стихотворении Гавела «Две концепции нормализации» («Dvojí rojetí normalizace») о так называемой «нормализации» в Чехословакии (периоде с 1969 по 1989 год, когда политическая, экономическая и культурная жизнь страны была под тотальным контролем коммунистической партии) слово «правда» («pravda») написано в два столбца: в первом слово построчно теряет буквы, пока не остаётся повторяющаяся «а», а во втором «правда» восстанавливается буква за буквой. Подобная

техника редукции широко использовалась «конкретистами», не обошел её стороной и греческий авангардист. Прозаическая работа «Ты весьма изменилась с последней встречи» («Ἀλλάξεσ ἀρκετὰ ἀπὸ τὴν τελευταία φορά») являет собой пять вариантов одного повествования, за счёт изъятия слов постепенно теряющего свои элементы, пока в последней версии от изначального абзаца не остаётся лишь три слова [16, с. 73]. В стихотворении «Тема времени» («Θέμα χρόνου») редукция используется для исследования механизмов памяти:

Тема времени

В	ВОСПОМИНАНИЕ
ВО	ВОСПОМИНАНИ
ВОС	ВОСПОМИНАН
ВОСПО	ВОСПОМИНА
ВОСПОМ	ВОСПОМИН
ВОСПОМИ	ВОСПОМИ
ВОСПОМИН	ВОСПОМ
ВОСПОМИНА	ВОСПО
ВОСПОМИНАН	ВОСП
ВОСПОМИНАНИ	ВОС
ВОСПОМИНАНИЕ	ВО
ВОСПОМИНАНИ	В
ВОСПОМИНАН	ВО
ВОСПОМИНА	ВОС
ВОСПОМИН	ВОСП
ВОСПОМИ	ВОСПО
ВОСПОМ	ВОСПОМ
ВОСПО	ВОСПОМИ
ВОСП	ВОСПОМИН
ВОС	ВОСПОМИНА
ВО	ВОСПОМИНАН
В	ВОСПОМИНАНИ
	ВОСПОМИНАНИЕ

[17, с. 32]

Наиболее явно схожесть Митраса и Гавела проявляется в стихотворении Гавела «Моя биография» («Můj životopis») и «Биографической заметке» («Βιογραφικό σημείωμα») Митраса, представляющих собой перечисление лет, прошедших с момента рождения автора до публикации текста:

Václav Havel (Вацлав Гавел) Můj životopis	Μιχαήλ Μήτρας (Михаил Митрас) ΒΙΟΓΡΑΦΙΚΟ ΣΗΜΕΙΩΜΑ
1936	1944 1945
1937	1946 1947 1948 1949
1938	1950 1951 1952 1953
1939	1954 1955 1956 1957
1940	1958 1959 1960 1961
1941	1962 1963 1964 1965
1942	1966 1967 1968 1969
1943	1970 1971 1972 1973
1944	1974 1975 1976 1977
1945	1978 1979 1980 1981

1946	1982 1983 1984 1985
1947	1986 1987 1988 1989
1948	1990 1991 1992 1993
1949	1994 1995 1996 1997
1950	1998 1999 2000 2001
1951	2002 2003 2004
1952	[17, с. 20]
1953	
1954	
1955	
1956	
1957	
1958	
1959	
1960	
1961	
1962	
1963	
1964	
[9, с. 27]	

Другой метод, нередко встречающийся в работах Митраса, – это метод «отменённого сообщения». Наиболее известной работой в данной технике считается датированное 1924 годом стихотворение Ман Рея, полностью состоящее из зачёркнутых слов. С «отменённым сообщением» экспериментировали такие близкие «конкретной поэзии» авторы, как Херман де Фриз, Антониу Арагон, Статис Хрисикопулос.

В цикле «Алиби описания» («Το ἄλλοθι τῆς περιγραφῆς») ряд стихотворений представляют собой превращённые посредством исправлений и вычёркиваний визуальные страницы из «Фантастической новеллы» [11], а стихотворение-комментарий на греческий кризис начала 2010-х гг. «Стихотворение в кризис» («Ποίημα σε κρίση») [19, [http](#)] целиком состоит из перечёркнутого текста. Мэриам Монализа Гарави считает, что «отменённое сообщение», помимо демонстрации процесса и его аннулирования, также призвано поставить под сомнение познание как таковое, сместить акцент с чтения на визуальное восприятие текста, подчеркнуть динамику молчания и поставить вопрос о том, является ли вычёркивание аннулированием [7, [http](#)].

Некоей разновидностью «отменённого сообщения» является печать одного текста поверх другого. В стихотворении 1981 года «Неустойчивое поле» Митрас накладывает друг на друга нескольких слоёв текста и, создавая тем самым аналогичный эффект «отмены», переносит заложенный в нём смысл на визуальную составляющую произведения и сам процесс письма [11]. Данный приём наблюдается и в работах других представителей конкретной поэзии. В качестве примера можно привести работу Дитера Рота 1958 года «Рекламирую мою печатную машинку» («Advertising my typewriter»), в которой автор использовал подобное наслаивание, печатая название своей машинки «Olivetti» [11, с. 130].

Митрас считается наиболее радикальным экспериментатором греческого «поколения 70-х» [14, с. 287]. На 1970-е гг. приходится третья фаза формирования национального авангарда [3, с. 200]. Этой фазе предшествовала деятельность группы литераторов, сплотившихся в 1960-е гг. вокруг журнала «Вновь» («Νέο») и впервые в греческой литературе открыто противопоставивших себя умеренному модернизму. «Панавангардизм» этой группы, приветствовавший любой выход за рамки литературных конвенций, начал уступать место плюрализму творческих практик и установок, зачастую конфликтующих

друг с другом в своём отношении к нарративу. В то время греческая литература была как никогда близка к появлению ряда радикальных движений (бит-поэзия, языкоцентризм, конкретная и визуальная поэзия), которые могли бы не только единым «панавангардным» блоком выступать против консервативных практик, как это было в 1960-е гг., но и открыто полемизировать друг с другом. Данный контекст выступает одним из факторов, обуславливающих актуальность сравнительного анализа творчества Митраса как одного из ключевых представителей греческого авангарда 1970-х гг. и теоретических и художественных текстов представителей современных ему авангардных движений.

Проведённый анализ позволяет говорить о том, что ряд творческих задач и средств их достижения сближают Митраса с движением «конкретной поэзии» и «языковой школой»: причём если в первом случае имеются наглядные примеры, свидетельствующие о непосредственном влиянии, то «языкоцентризм» в творчестве поэта проявляется преимущественно тогда, когда в прозаических работах он отходит от присущего «конкретизму» визуалистического минимализма. Это сближение можно объяснить тем, что Митрас разделял критическое отношение обеих школ к эстетизму и «экспрессивному» творчеству, направленному на передачу некоего опыта, полученного автором. Среди приёмов, характерных для данных авангардистских течений и находящихся в арсенале греческого литератора, были выделены следующие:

- «шизофреническая фрагментация» и нерференциальное письмо;
- деидентификация читателя с автором или персонажем;
- слом структуры повествования;
- редукционизм и изъятие;
- повторение;
- комбинаторный способ композиции;
- визуализация поэтического текста;
- взаимодействие текста с пустым пространством на странице;
- «отменённое сообщение».

Контркоммуникативные практики, лежащие в основе идиостиля Митраса, широко использовались и обсуждались на теоретическом уровне представителями современных ему антинарративистских авангардных течений. Наиболее близки Митрасу оказались «конкретная» поэзия и «языкоцентризм». В ряде произведений автор интуитивно приходил к тем же техникам,

что и его зарубежные предшественники в 1950-е и 1960-е гг., создавая едва ли не идентичные уже существующим «конкретные» тексты, как в случае с «Биографической заметкой» Митраса и «Моей биографией» Гавела. Другие примеры, к

которым стоит отнести работы Митраса начала 1970-х гг., позволяют рассматривать его как одного из представителей «языкоцентричной поэзии».

Список литературы

1. Барт Р. Нулевая степень письма. М.: Академический Проект, 2008. 431 с.
2. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капи-тализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. 808 с.
3. Заруцкий П.С. Безграничное пространство поэтических инноваций // Иностранная литература. 2019. № 4. С. 199–205.
4. Andrews B. Text and context // L=A=N=G=U=A=G=E Supplement. 1980. № 1. P. 19–26.
5. Concrete Poetry: A World View. ed. M.E. Solt, Scarborough, Ontario: Indiana University Press, 1968. 311 p.
6. de Campos H., de Campos A., Pignatari D. Pilot Plan for Concrete Poetry. Concrete Poetry: A World View. ed. M.E. Solt. Scarborough, Ontario: Indiana University Press, 1968. P. 71–72.
7. Gharavi M.M. Canceled Message (Part One) // The New Inquiry. 2014. URL: <https://thenewinquiry.com/blog/canceled-message-part-one/> (дата обращения: 20.05.2019).
8. Gomringer E. From Line to Constellation. Concrete Poetry: A World View. ed. M.E. Solt. Scarborough, Ontario: Indiana University Press, 1968. P. 67.
9. Havel V. Antikódy. // Knihovna Václava Havla. [Электронный ресурс] URL: <https://archive.vaclavhavel-library.org/Archive/Detail/1230> (дата обращения: 20.05.2019).
10. McCaffery S. The death of the subject: the implications of counter-communication in recent language-centered writing // L=A=N=G=U=A=G=E Supplement. 1980. № 1. P. 2–18.
11. Silliman R. [& others]. Six-person introduction // The Grand Piano & Experimental Writing in the Bay Area 1975-85 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thegrandpiano.org/collaborativeessays.html> (дата обращения: 18.05.2019).
12. Ανθολογία συγκεκριμένης ποίησης. επιμ. Κ. Γιαννουλόπουλος. Αθήνα: Νεφέλη, 1983. 169 σ.
13. Βαλαωρίτης Ν. Για μια θεωρία της γραφής Γ'. Αθήνα: Ψυχογιός, 2016. 504 σ.
14. Κωστίου Κ. Ανάμεσα στην υπέρβαση του λόγου και στην υπέρθεση της εικόνας (Μιχαήλ Μήτρας. Διακριτικές μεταβολές. Οπτική ποίηση) // Ποίηση. 2006. № 27. Σ. 287–295.
15. Μερακλής Μ.Γ. Μιχαήλ Μήτρας, (φανταστική νουβέλα) // Νέα Πορεία. 1973. № 219–220 (19). Σ. 92–93.
16. Μήτρας Μ. Αόριστες λεπτομέρειες: πεζογραφήματα. Αθήνα: Απόπειρα, 1990. 127 σ.
17. Μήτρας Μ. Διακριτικές μεταβολές: ποιήματα και εικόνες 1982–2002. Αθήνα: Απόπειρα, 2004. 143 σ.
18. Μήτρας Μ. Μηχανή αναζήτησης: πεζογραφήματα. Αθήνα: Νεφέλη, 2008. 213 σ.
19. Μήτρας Μ. Ποίημα σε κρίση // Neolaia. 2012. URL: <https://www.neolaia.gr/2012/12/17/mixahl-mhtras-poihma-se-krish/> (дата обращения: 18.05.2019).

Сведения об авторе:

Заруцкий Павел Станиславович – магистр новогреческой филологии, аспирант Филологического факультета СПбГУ. Сфера научных и профессиональных интересов: история авангарда, визуальная поэзия, экспериментальная литература в Греции, поэзия послевоенного авангарда, современная поэзия.
Email: WoundCulture1919@gmail.com.

COUNTER-COMMUNICATIVE PRACTICES IN THE WORKS OF MICHAEL MITRAS

Pavel S. Zarutskiy

Saint-Petersburg State University (SPSU): Faculty of Philology
11 University emb., St Petersburg, 190034

Abstract: *This article discusses counter-communicative practices in the works of the Greek avant-garde writer M. Mitras (1944–2019). One of the key representatives of the Greek experimental literature, Mithras had a significant impact on the third and final stage of the formation of the national literary*

avant-garde, which took place in the 1970s. This period can be characterised by the transition from the dichotomy of “hybrid avant-garde” and the conservative line of modernism to the pluralism of avant-garde strategies of writing. Regarded as a representative of the «concrete poetry» international movement, in his prose works Mitras followed a number of strategies widely used in the American «language-centered writing». Counter-communicative practices were used by representatives of both tendencies in order to subvert the passive role of the reader and to encourage him to become an equal participant of the creative process. Identifying these practices in the works of the Greek author, analysing their role and consistency with theory and practice of representatives of the avant-garde movements with which he is associated, offers a new look at Mitras’s work and opens up new perspectives for the study of avant-garde formation processes in Greece.

Key Words: Greek avant-garde, concrete poetry, language-centered poetry, counter-communication, experimental literature, postmodern poetry.

References

1. Barthes R. Nulevaia stepen' pis'ma [writing degree zero]. M.: Akademicheskii Proekt, 2008. 431 p.
2. Jameson F. Postmodernizm, ili Kul'turnaia logika pozdnego kapitalizma [Postmodernism, or, the cultural logic of late capitalism]. M.: Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2019. 808 p.
3. Zarutskiy P.S. Bezgranichnoe prostranstvo poeticheskikh innovatsiy [The unlimited space for poetic innovations]. Inostrannaya literatura – Foreign literature, 2019, № 4, pp. 199–205.
4. Andrews B. Text and context. L=A=N=G=U=A=G=E Supplement, 1980, № 1, pp. 19–26.
5. Concrete Poetry: A World View. ed. M.E. Solt, Scarborough, Ontario: Indiana University Press, 1968. 311 p.
6. de Campos H., de Campos A., Pignatari D. Pilot Plan for Concrete Poetry. Concrete Poetry: A World View. ed. M.E. Solt. Scarborough, Ontario: Indiana University Press, 1968, pp. 71–72.
7. Gharavi M.M. Canceled Message (Part One) // The New Inquiry. 2014. URL: <https://thenewinquiry.com/blog/canceled-message-part-one/> (accessed 20 March 2019).
8. Gomringer E. From Line to Constellation. Concrete Poetry: A World View. ed. M.E. Solt. Scarborough, Ontario: Indiana University Press, 1968, pp. 67.
9. Havel V. Antikódy. //Knihovna Václava Havla. [Электронный ресурс] URL: <https://archive.vaclavhavel-library.org/Archive/Detail/1230> (accessed 20 March 2019).
10. McCaffery S. The death of the subject: the implications of counter-communication in recent language-centered writing. L=A=N=G=U=A=G=E Supplement, 1980, № 1, pp. 2–18.
11. Silliman R. [& others]. Six-person introduction // The Grand Piano & Experimental Writing in the Bay Area 1975-85 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thegrandpiano.org/collaborativeessays.html> (accessed 18 March 2019).
12. Anthologia syngekrimenēs poiēsēs [Anthology of concrete poetry]. ed. K. Giannouloupoulos. Athēna: Nefelē, 1983. 169 s.
13. Valaōritēs N. Gia mia theoria tēs graphēs 3 [Regarding one theory of writing 3]. Athēna: Psychogios, 2016. 504 p.
14. Kostiou K. Anamesa stēn ypervasē tou logou kai stēn yperthesē tēs ei-konas (Michael Mētras. Diakritikes metavoles. Optikē poiēsē) [Between the transgression of word and the overlay of image (Michael Mitras. Delicate transformations. Visual poetry)]. Poiēsē – Poetry, 2006, № 27, pp. 287–295.
15. Meraklēs M.G. Michael Mētras, (phantastikē nouvela) [Michael Mitras, (fantastic novel)]. Nea Poreia – New Route, 1973, № 219–220 (19), pp. 92–93.
16. Mētras M. Aoristes leptomereies: pezographēmata [Vague details: novels]. Athēna: Apopeira, 1990. 127 p.
17. Mētras M. Diakritikes metavoles: poiēmata kai eikones 1982-2002 [Delicate transformations: poetry and images 1982-2002]. Athēna: Apopeira, 2004. 143 p.
18. Mētras M. Mēhanē anazētēsēs: pezographēmata [Searching system: nov-els]. Athēna: Nefelē, 2008. 213 p.
19. Mētras M. Poiēma se krisē [Poem in crisis] // Neolaia. 2012. URL: <https://www.neolaia.gr/2012/12/17/mixahl-mhtras-poihma-se-krish/> (accessed 18 March 2019).

About the author:

Pavel S. Zarutskiy – Master of Modern Greek philology, postgraduate student in Saint-Petersburg State University (SPSU). Spheres of research and professional interests: history of avant-gardes, visual poetry, experimental literature in Greece, postwar avant-garde poetry, modern poetry. Email: WoundCulture1919@gmail.com.

★ ★ ★

БРАЗИЛИЯ: ОТ МОНОЛИНГВИЗМА К МНОГОЯЗЫЧИЮ

Г.В. Петрова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

*В течение многих веков *língua geral*, язык племени тупинамба, был языком межэтнического общения между европейскими колонизаторами и коренным населением Бразилии. Маркиз де Помбал своим декретом 1757 года запретил употребление *língua geral*, сделав португальский язык обязательным на всех уровнях общения. Португальский стал основным инструментом утверждения гегемонии Португалии в колониях. Политика монолингвизма также насаждалась в период «Нового государства» (1937-1945 гг.): жители иммигрантских поселений на юге Бразилии за употребление родных языков подвергались преследованиям и арестам. Вследствие политики монолингвизма от более чем тысячи языков коренного населения осталось всего 170, а выходцы из иммигрантской среды потеряли свою национальную идентичность. В настоящее время лингвистическая политика в стране коренным образом изменилась: Конституция 1988 года признаёт право индейцев на национальные языки; в индейских школах преподавание ведётся на родных языках; поддерживаются и развиваются уникальные варианты немецкого (померанский и *Hunsrückish*) и итальянского (*talian*) языков, и даже *portunhol*, существующий на границе между Уругваем и Бразилией, признаётся языком уникальной смешанной культуры.*

Ключевые слова: португальский язык, Бразилия, лингвистическая политика, монолингвизм, многоязычие.

Бразилия – страна с удивительной лингвистической историей. Когда в 1500 году Педру Алвареш Кабрал высадился в Баие, на побережье Бразилии обитали индейцы, говорящие на языках семьи тупи-гуарани и обладающие определённой культурно-лингвистической общностью. Преобладающим языком в пяти группах тупи (*tupinambás*, *tupiniquins*, *kaetés*, *potiguaras* e *tamoios*) был тупинамба.

Именно этот язык стал играть роль языка-посредника между разнородными племенами, населявшими Бразилию, и малочисленными португальскими первооткрывателями. Недаром он приобрёл название *língua geral*, «общий язык».

Как известно, среди европейцев, высадившихся на побережье Бразилии, не было женщин, и португальцы вступали в контакты с местными женщинами. Для детей от таких смешанных со-

юзов, называемых мамелюками, родным языком был *língua geral*; португальский же становился для них вторым языком, который они учили, начав заниматься деловой активностью совместно с отцами [10, с. 68].

В 1615 году, через сто лет после начала колонизации Бразилии, начинается колонизация Амазонии, где учреждён штат Гран-Пара и Мараньян. Для обращения в христианство местных индейцев, говоривших на языках самых различных семей, миссионерами был выбран «общий язык»; при этом язык общения был чуждым как для учителей, так и для учеников. В результате деятельности иезуитов и колонизаторов индейцы переняли *língua geral* в его упрощённом варианте, а языки коренных народов вымерли.

Начиная со второй половины XVIII века на территории Бразилии начинается экспансия

португальского языка, который благодаря институциональной поддержке португальской короны вытеснил *língua geral* как из официального, так и из повседневного обихода. Централизация власти в руках португальской короны требовала утверждения португальского языка в качестве языка межэтнической коммуникации.

Директория маркиза де Помбала от 3 мая 1757 года запретила употребление языков индейцев и сделала обязательным португальский язык на всех уровнях общения.

После указа маркиза де Помбала 1757 года лингвистическая ситуация в Бразилии в корне изменилась: многонациональное население Бразилии вынуждено было переходить на португальский, который для значительной его части не был родным. Таким образом, *língua geral* на севере страны, в штате Бразилиа, во второй половине XVIII века теряет свои позиции и в итоге исчезает. На юге, в Амазонии, «общий язык» преобладал до второй половины XIX в.¹

Великая засуха 1877 года заставила около пятисот тысяч обитателей северо-восточных областей Бразилии (*nordestinos*) мигрировать в Амазонию, где началась массовая добыча каучука. Эти переселенцы говорили на португальском. Массовая миграция оказалась последним ударом по *língua geral*. На юго-востоке и на западе центрального района Бразилии распространению португальского языка и вытеснению местных языков способствовала иммиграция многочисленных португальских переселенцев, привлечённых открытием месторождений золота и алмазов в Минас Жераис, Мату Гроссу и Гойасе [12, с. 95].

Как можно видеть, начиная с указа маркиза де Помбала 1757 года португальская корона рассматривала монолингвизм в качестве основного инструмента насаждения своей гегемонии в колониях.

В начале XIX века началось массовое переселение европейских иммигрантов в Бразилию. Первая волна эмиграции датируется примерно с 1824 года и обусловлена нехваткой рабочих рук на кофейных плантациях в штате Сан-Пауло. Вторая волна была вызвана необходимостью осваивать южные территории Бразилии и защищать их от вторжений со стороны Аргентины. Эта волна мигрантов направлялась на юг стра-

ны, в штаты Рио-Гранде ду Сул, Санта-Катарины и Эспириту Санту. Туда прибывали сначала немцы и итальянцы, говорившие на различных диалектах, а после 1890 года – поляки, украинцы и русские [8]. В этих отдалённых и труднодоступных областях иммигранты основывали монолингвистические поселения, сохраняя свою национальную идентичность: язык, традиции, религию и культуру. Таким образом, лингвистическое разнообразие Бразилии складывалось из автохтонных (языков коренного населения) и аллохтонных (то есть привнесённых извне) языков [7, с. 19].

В период Первой Республики (1889-1930) языковая политика по отношению к иммигрантам была относительно толерантной. Рассмотрим отношения государства и иммигрантских сообществ на примере переселенцев из Померании², которые появились в муниципалитете Санта-Мария-де-Жетиба (штат Эспириту Санту) в 1859 году. Лишённые в этом отдалённом регионе какой-либо поддержки государства, они образовали автономные поселения, где иммигранты вынуждены были самостоятельно бороться за выживание и основывать школы, где учили своих детей тому, что знали сами. Этот процесс был назван *teutobrasildade* [8, с. 60]. Однако с течением времени в штат Эспириту Санто прибыли присланные из Пруссии пасторы, и были построены первые церкви, а при них – школы. Образование и религия оказались неразрывно связаны, и лютеранская церковь приобрела в немецких поселениях сильнейшее влияние. Преподавание в школах велось на немецком языке, на немецком были буквари и библия, привезённые священниками-лютеранами [5, с. 40].

Как можно видеть, до начала XX века бразильское государство занималось привлечением пригодной для сельскохозяйственных работ рабочей силы, но не вмешивалось в вопросы культуры, религии и образования поселенцев. До начала XX века в поселениях выходцев из Померании померанский был языком, на котором общались дома, в поле и в ситуациях неформальной коммуникации. Немецкий оставался языком школы и церкви. Употребление португальского языка было ограничено контактами с государственными учреждениями. Таким образом, в течение многих десятилетий поселенцы

1 Процесс вытеснения *língua geral* португальским языком описан в [1].

2 Померания — историческая область на юге Балтийского моря, в разные эпохи входившая в состав различных государств. Жители области говорили на померанском языке, относящемся к восточно-нижнегерманским диалектам.

сохраняли национальную идентичность, традиции и культуру страны происхождения.

Подобная ситуация наблюдалась во времена Республики вплоть до начала Первой мировой войны, когда в политике бразильского правительства появились элементы национализма [5, с. 40]. Уже в 1917-1919 годах в школах Эспириту Санту было введено обязательное преподавание португальского языка, истории и географии Бразилии. Однако ввиду труднодоступности общин проверка исполнения указа была затруднена, да и преподавание португальского языка велось учителями-немцами, которые изъяснялись на нём с трудом [5, с. 44].

В 1930 году в Бразилии приходит к власти Жетулиу Варгас. Создав в 1937 году «Новое государство» (*Estado Novo*, 1937-1945), он проводит политические и экономические реформы с целью укрепления национального единства страны и в 1938 году инициирует кампанию по национализации, в рамках которой усиливается контроль за сообществами иммигрантов. В русле националистической идеологии Варгаса аллохтонные языки представляли собой угрозу бразильской национальной идентичности и шли вразрез с интересами государства. Таким образом, в период *Estado Novo* португальский язык был провозглашен единственным национальным языком, а употребление языков иммигрантов было запрещено. Кампания по национализации в первую очередь затронула школы: декрет №406 от мая 1938 года разрешал использование школьных учебных материалов только на португальском языке, а преподавать в школах могли только урождённые бразильцы. Иностранные языки были «изгнаны» из младшей и средней школы: их преподавание лицам моложе 14 лет запрещалось. В школе поощрялись случаи доносов со стороны детей на родителей, которые говорили дома по-немецки или по-итальянски. Надгробные памятники с надписями на немецком или померанском сносились или разрушались [7, с. 23]. В результате в школах Эспириту Санту дети, говорившие на померанском и с трудом владевшие немецким, не понимали бразильских учителей, ведущих преподавание на португальском. Иностранные языки изгонялись также из церкви [5, с. 41-44]: пасторы, оказывающие сопротивление насильственной национализации, отстранялись от службы и подвергались аресту. По свидетельству Ж. де Оливейры, в штате Санта-Катарина были учреждены концентрационные лагеря (*campos de confinamento*)

для тех потомков немецких поселенцев, которые продолжали говорить на родном языке [7, с. 23]. В поселениях иммигрантов была введена определённая процентная квота бразильцев и выходцев из разных стран, чтобы жители общины были вынуждены общаться друг с другом на португальском языке [2].

Каковы же были причины столь явного преследования языков иммигрантских сообществ? Как известно, Бразилия вступила во Вторую мировую войну на стороне союзников. Основными иммигрантскими диаспорами на её территории были немецкие, итальянские и японские сообщества штатов Санта Катарина и Рио-Гранде-ду-Сул (644.458 носителей немецкого языка и 458.054 носителей итальянского, по данным 1948 года) и, тем самым, по мнению правительства, их обитатели могли проводить идеологию нацизма и фашизма. Действительно, гитлеровская пропаганда трактовала немецкие поселения как *Gästland* (то есть места временного проживания), а их население призывала вернуться на родину [8, с. 61]. Однако эти попытки не имели успеха: немецкое население уже считало Бразилию своей родиной и не собиралось возвращаться. Тем не менее, сам факт употребления иностранных языков вызывал недоверие и подозрение у бразильцев; считалось, что немцы могут способствовать распространению нацистской идеологии. Так возник миф о немецкой опасности. Вследствие этого вся переписка немецких иммигрантов с родными цензурировалась, а вскрытые конверты доставлялись с печатью, на которой фигурировала фраза бывшего губернатора и министра иностранных дел Лауро Мюллера: «Тот, кто родился в Бразилии – либо бразилец, либо предатель» [7, с. 23].

В соответствии с возможностями ассимиляции иммигранты были разделены на две группы: желательные (португальцы и испанцы) и нежелательные (главным образом, немцы и японцы) [2]. Таким образом, иммигранты, которые в период Первой Республики рассматривались как рабочая сила, необходимая для развития страны, в «Новом государстве» стали восприниматься, как «опасность для нации» [11, с. 124].

В эту «эпоху стыда» многие родители отказывались от использования родного языка в семье, чтобы их дети не чувствовали себя отверженными. Так многие выходцы из иммигрантской среды потеряли свою национальную идентичность, и их ценнейшее культурное наследие также исчезло. Однако, как мы увидим ниже, языки им-

мигрантов сохранились в повседневном обиходе.

Какова же лингвистическая ситуация в современной Бразилии? Из 1.078 языков коренного населения, на которых говорили индейцы в 1500 году, в 2000 году осталось 170; выходцы из иммигрантской среды говорят ещё на 30 языках. Общины глухих общаются при помощи двух языков жестов: Бразильский язык жестов (Libras) и язык жестов Urubu-Kaapor [7, с. 20].

Рассмотрим ситуацию с автохтонными языками в современной Бразилии. В результате политики монолингвизма языки индейцев оказались на грани исчезновения. По переписи 2010 года 37,4% коренного населения говорит на родном языке, а 76,9% – говорит на португальском [3, с. 31].

В 70-х годах XX века в школах, где учились индейские дети, насаждалась политика «цивилизаторского, или переходного билингвизма»: языки коренного населения использовались в начальной школе в качестве переходных, для того чтобы облегчить детям усвоение португальского. Таким образом, обучение на языках коренного населения велось для того, чтобы эти языки уничтожить [3, с. 31]. Авторами этой методологии были учителя-индейцы, так называемые двуязычные воспитатели (*monitores bilíngues*), которые при помощи родного языка обучали детей португальскому. Однако многие отказывались следовать предписанной методике и учили детей родному языку. Именно это движение привело к осознанию коренным населением своих прав на родной язык [4, с. 31].

В период военной диктатуры (1964-1985) в Бразилии продолжал насаждаться монолингвизм, однако сразу после прихода к власти гражданского правительства начался процесс редемократизации страны, увенчавшийся принятием Конституции 1988 года.

В середине 1970-х годов многие индейские племена начали участвовать в политической жизни страны, отстаивая свои интересы. В кон-

це 70-х годов возникла их первая политическая организация – «Союз наций коренного населения» (*a União das Nações Indígenas/UNI*).

Объединившись, индейцы сумели отстоять права коренного населения на собственную идентичность, из чего последовали их права на гражданство, неприкосновенность занимаемой территории, собственную культуру и языки. Государство обязуется защищать культуру не только индейцев, но и афро-бразильцев, потомков иммигрантов из Европы, Азии, а также цыган и других. Однако права на школьное обучение на собственном языке Конституция 1988 года признавала только за индейцами [4, с. 31]. Языки иммигрантов, языки жестов, креольские и афро-бразильские языки не получили в Основном законе никакого признания [6, с. 9].

Как можно видеть, в конце XX века лингвистическая политика коренным образом поменялась: пришло осознание того, что многоязычие и мультикультурализм страны – это ценнейшее культурное наследие, которое необходимо сохранить. Языковое разнообразие перестаёт быть «проблемой» и рассматривается как национальное достояние. В 2002 году был принят декрет о признании языка жестов *Libras* в качестве государственного. В том же году, в муниципалитете Сан-Габриэл да Кашоэра³ (штат Амазонас), наряду с португальским, ко-официальными (co-oficiais)⁴ были признаны языки банива, неенгату⁵ и тукано. К 2016 году на севере и западе центрального района, помимо трёх перечисленных языков коренного населения, признаны ко-официальными языками гуарани, акве-шеренте, вапишана и макуши. Каков же статус аллохтонных языков? В шести городах на юге и юго-востоке Бразилии статус ко-официального, наряду с португальским, приобрёл померанский⁶, в двух – Hunsrückish⁷, в одном – стандартный немецкий (Hochdeutsch), а в четырёх – тальянский [8, с. 64].

При этом померанский, Hunsrückish и тальян, имеющие в Европе статус диалектов, со-

³ Сан-Габриэл да Кашоэра представляет собой самый многоязычный муниципалитет в Бразилии: 95% его населения (37 000 жителей) являются представителями 23 коренных народов Бразилии [6].

⁴ Ко-официализация означает следующее: государство признаёт за говорящими на данном языке возможность не менять язык всякий раз, как возникает необходимость публичного высказывания или же участия в одном из аспектов жизни общества [6].

⁵ *Nheengatu* (*língua bonita, красивый язык*) – это современное название *língua geral*. Именно этот вариант «общего языка» до сих сохранился на северо-западе Амазонии, в бассейне среднего и верхнего течения Риу-Негру. В Бразилии на неенгату говорит от 8 до 13 тыс. человек (данные 2005 г.).

⁶ В пяти муниципалитетах Эспириту Санто более 50% населения имеет померанское происхождение, а употребление померанского в обиходе является повседневным [6, с. 7].

⁷ Hunsrückish – диалект немецкого языка, на котором говорят в районе Hunsrück, на юго-западе Германии, на границе с Францией.

ответственно, немецкого и итальянского, в Бразилии были признаны самостоятельными языками. Население бывших иммигрантских общин потребовало этого статуса, ссылаясь на то, что эти языки, на протяжении веков оторванные от естественной эволюции, которую они претерпели на исторической родине под влиянием государственных нормативных языков, имеют значительные лексические и грамматические отличия от стандартных. Как было описано выше, когда в период Первой Республики померанский был языком повседневного общения, а немецкий – языком школы и церкви, они воспринимались как различные языки, что создавало ситуацию трёхязычия (напомним, что португальский был языком официального общения). За потомками немецких эмигрантов было признано право считать себя гражданами Бразилии с особой германо-бразильской идентичностью (*Deutschbrasilianer*) [8, с. 66].

В стране, где вся юридическая система признавала официальным единственным язык – португальский, признание других языков ко-официальными влекло за собой пересмотр всей законодательной базы. Для «Политики признания и регистрации всех языков, на которых говорят в Бразилии», учреждённой декретом 7.387 от 2010 года, в первую очередь, необходимо было составить перечень языков Бразилии. Для этого был создан «Национальный перечень лингвистического разнообразия Бразилии» (*Inventário Nacional da Diversidade Linguística do Brasil / INDL*) [6, с. 9].

Муниципалитеты, обладающие относительной юридической и административной автономией по отношению к властям штата или Федерации, рассматривают запросы своего многоязычного населения относительно языковой политики. По свидетельству Ж. де Оливейры, уже в 32 муниципалитетах ко-официальными являются два или более языка. Однако у муниципалитетов ещё нет достаточной юридической базы для законодательства в лингвистической области, и её только предстоит создать [6, с. 10]. Несмотря на сокращение статей бюджета на культуру и образование, предпринятое правительством Жаира Болсонару, политика ко-официализации языков не зависит от федерального правительства, находясь в ведении муниципальных органов власти. Данная политика накладывает на местные власти серьёзные финансовые обязательства: например, в медицинских учреждениях обслуживание и

вся информация должны предоставляться на ко-официальных языках. С этой целью ведётся подготовка специального персонала (*Agentes Indígenas de Saúde e de Saneamento*) [4, с. 35] из числа говорящих на национальных языках.

Для осуществления лингвистических прав коренного населения была создана программа обучения учителей-носителей языков коренных народов. В результате этой политики 95% учителей в национальных школах на уровне начального и среднего образования имеют ту же этническую принадлежность, что и их ученики. В 17 штатах Бразилии учреждены 27 университетских курсов по подготовке преподавателей из числа коренного населения. Появились первые магистры и доктора наук в области национальных языков и культуры. Министерство культуры финансирует также производство соответствующих учебных материалов. С 2008 года с целью преодоления расовой дискриминации и предрассудков во всех бразильских школах введён курс истории Африки и культуры коренных народов Бразилии [4, с. 32-33].

Как можно видеть, наметилась обратная по отношению к периоду монолингвизма тенденция: ради сохранения традиционного образа жизни коренного населения в младшей школе сохраняется преподавание всех предметов на национальных языках, а преподавание португальского начинается с 14 лет. Португальский, таким образом, не является родным языком нового поколения индейцев, которые становятся билингвами только в подростковом возрасте.

Существует также фактор смешанных языков, за которыми в Бразилии также признаются определённые права. На границах Бразилии с Уругваем и Аргентиной, там, где трансграничные контакты наиболее интенсивны, возникли смешанные варианты испанского и португальского – *o Portunhol Uruguaio* и *Portunhol Língua da Fronteira*. Портуньол считался ранее непрестижным вариантом то ли испанского, то ли португальского языков, на котором говорили необразованные обитатели приграничных регионов. Он используется только в сфере устной коммуникации, у него нет словарей и стабильной грамматики, он варьируется от квартала к кварталу. Однако сейчас, в русле «Всеобщей декларации лингвистических прав ЮНЕСКО», опубликованной в 1996 году, пришло осознание того, что портуньол – язык уникальной смешанной культуры. Жители приграничных областей считают себя особенными: они признают, что говорят на

языке, который функционирует в повседневном общении и помогает взаимному пониманию и социальной коммуникации [11, с. 124]. На португальском возникла качественная поэзия и песни. Позволим себе цитату: Хулио Пиастре, один из координаторов центра Министерства образования и культуры в г. Ривера (Уругвай), говорит: “Antes era considerado uma espécie de doença, uma dislexia. Queremos defender o orgulho de falar portunhol” [9].

На португальском в трёх департаментах Уругвая говорят около 260.000 жителей. Поэтому Уругвай требует признать приграничную культуру, и тем самым язык границы, национальным достоянием [11, с. 124], а группа историков и лингвистов борется за присвоение ему статуса нематериального наследия человечества ЮНЕСКО [9].

Как можно видеть, политика монолингвизма, насаждаемая со времён Директории маркиза

де Помбала 1757 года, была доведена до апогея в период «Нового государства» и военной диктатуры. Она привела к уничтожению многочисленных автохтонных языков и значительному сокращению говорящих на аллохтонных языках, а тем самым – к частичному уничтожению культуры коренного и иммигрантского населения.

Осознание того, что многоязычие – это национальное достояние и должно быть сохранено, приходит только в конце XX века. Благодаря усилиям национальных сообществ, с одной стороны, и учёных и исследователей, с другой, были приняты меры по сохранению языков, культуры и традиционного образа жизни коренных народов Бразилии; поддерживаются сохранившиеся варианты немецкого и итальянского языков, и даже *portunhol*, существующий на границе Уругвая и Бразилии, признаётся языком уникальной смешанной культуры.

Список литературы

1. Петрова Г. В. Взлёты и падения *Língua geral* в Бразилии // Вопросы иберо-романистики, 2019, вып.17, М.: МГУ, с. 240-251.
2. Bueno, Alexandre Marcelo. O estado novo e sua relação com os imigrantes: a língua como defesa dos valores nacionais. Estudos Semióticos, 2008, №4. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.flch.usp.br/dl/semiotica/es> (дата обращения 10.09. 2019)
3. Freire, José Ribamar Bessa. Changing Policies and Language Ideologies with Regard to Indigenous Languages in Brazil. Multilingual Brazil. Language Resources, Identities and Ideologies in a Globalized World. Marilda C. Cavalcanti, Terezinha M. Maher (ed.). New York-Oxon: Routledge, 2018, pp. 27-39.
4. Guimarães, Susana Martelletti Grillo. Políticas e práticas linguísticas no Brasil. Revista do Instituto Internacional da Língua Portuguesa (RIILP) – Instituto Internacional da Língua Portuguesa (IILP), 2012, v.1, n.1, pp. 27-37.
5. Mazzelli, Leticia. As políticas linguísticas monoglóssicas da Era Vargas: as proibições linguísticas em Santa Maria de Jetibá – Espírito Santo. Savedra, M. M. G., Pereira, T. C. A. S., Gaio, M. L. M. (Org.). Repertórios plurilíngues em situação de contato. Rio de Janeiro: Edições LCV, 2019, pp. 38-49.
6. Morello, Rosângela. A política de cooficialização de línguas no Brasil. Revista do Instituto Internacional da Língua Portuguesa, (RIILP), 2012, v.1, n.1, pp. 4-13.
7. Oliveira, Gilvan Müller de. Plurilinguismo no Brasil: repressão e resistência lingüística. Synergies Brésil 7, 2009, pp. 19-26.
8. Oliveira, Gilvan Müller de. From Foreign Languages to Brazilian Languages, From One-Language-One-Nation-Ideology to Inclusive Co-officialization Policy. Multilingual Brazil. Language Resources, Identities and Ideologies in a Globalized World. Marilda C. Cavalcanti, Terezinha M. Maher (ed.). New York-Oxon: Routledge, 2018, pp. 55-68.
9. Silva, Natacha. ‘Portunhol’ busca sair da exclusão na fronteira entre Brasil e Uruguai. Um grupo de intelectuais quer que a Unesco declare o dialeto Patrimônio Imaterial. Электронный ресурс. Режим доступа: https://brasil.elpais.com/brasil/2015/07/23/cultura/1437685636_246770.html Natasha R. Silva 24 JUL 2015 (дата обращения 10.09. 2019)
10. Silva Neto, Serafim da. Introdução ao estudo da língua portuguesa no Brasil. Rio de Janeiro: Presença, 1986, 226 p.
11. Sturza, Eliana Rosa, Fiepe, Rejane Beatriz. A política linguística na Era Vargas e seus efeitos na vida de descendentes de imigrantes alemães de Novo Machado-RS. Ribanceira, 2017, v. 1, pp. 121-132.
12. Teyssier, Paul. História da Língua Portuguesa. Rio de Janeiro: Fontes, 2007, 142 p. Электронный ресурс. Режим доступа: https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/158086/mod_resource/content/1/TEYSSIER_%20HistoriaDaLinguaPortuguesa.pdf (дата обращения 10.09. 2019)

Сведения об авторе:

Петрова Галина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков МГИМО. Email: galia.petrova@mail.ru.

BRAZIL: FROM MULTILINGUALISM TO MONOLINGUALISM

G.V. Petrova

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospekt Vernadskogo, 119454, Moscow, Russia

Abstract: For many centuries *língua geral*, the language of the Tupinamba tribe, was the language of inter-ethnic communication between Europeans and indigenous peoples. Marquis de Pombal's decree *Diretorio des Índios* (1757) has formally forbidden the usage of *língua geral* and made Portuguese compulsory in all levels of communication. Portuguese was one of the main tools in achieving Portuguese hegemony in the colonies. The concept of monolingualism was implanted in Brazil in the period of *Estado Novo* (1937-1945): immigrant communities in the South were persecuted, a person could get arrested for using native language even at home. As the result of monolingualism policy only 170 local Indian languages survived – out of more than a thousand, and many immigrant descendants lost their national identities. Nowadays the language policy in Brazil has dramatically changed: the 1988 Constitution recognizes Indians' rights for national languages, Indian schools teach in the native languages, the unique versions of German (*Pomerano and Hunsrückish*) and Italian (*Talian*) are supported; even *Portunhol* that exist in the border regions of Brazil and Uruguay is now recognized as the language of an unique mixed culture.

Key Words: Portuguese, Brazil, *língua geral*, language policies, monolingualism, multilingualism.

References

1. Petrova G.V. Vzlioty i padeniia *Língua geral* v Brazílii. Voprosy ibero-romanistiki [The ups and downs of *Língua geral* in Brazil], 2019, v. 17, pp. 240-251 (in Russian).
2. Bueno, Alexandre Marcelo. O estado novo e sua relação com os imigrantes: a língua como defesa dos valores nacionais. *Estudos Semióticos*, 2008, №4. Available at: <http://www.fllch.usp.br/dl/semiotica/es> (Accessed 10 September 2019)
3. Freire, José Ribamar Bessa. Changing Policies and Language Ideologies With Regard to Indigenous Languages in Brazil. *Multilingual Brazil. Language Resources, Identities and Ideologies in a Globalized World*. Marilda C. Cavalcanti, Terezinha M. Maher (ed.). New York-Oxon: Routledge, 2018, pp. 27-39.
4. Guimarães, Susana Martelletti Grillo. Políticas e práticas linguísticas no Brasil. *Revista do Instituto Internacional da Língua Portuguesa (RIILP) - Instituto Internacional da Língua Portuguesa (IILP)*, 2012, v.1, n.1, pp. 27-37.
5. Mazzelli, Leticia. As políticas linguísticas monoglóssicas da Era Vargas: as proibições linguísticas em Santa Maria de Jetibá – Espírito Santo. *Savedra, M. M. G., Pereira, T. C. A. S., Gaio, M. L. M. (Org.). Repertórios plurilíngues em situação de contato*. Rio de Janeiro: Edições LCV, 2019, pp. 38-49.
6. Morello, Rosângela. A Política de cooficialização de línguas no Brasil. *Revista do Instituto Internacional da Língua Portuguesa, (RIILP)*, 2012, v.1, n.1, pp. 4-13.
7. Oliveira, Gilvan Müller de. Plurilinguismo no Brasil: repressão e resistência lingüística. *Synergies Brésil* 7, 2009, pp. 19-26.
8. Oliveira, Gilvan Müller de. From Foreign Languages to Brazilian Languages, From One-Language-One-Nation-Ideology to Inclusive Co-officialization Policy. *Multilingual Brazil. Language Resources, Identities and Ideologies in a Globalized World*. Marilda C. Cavalcanti, Terezinha M. Maher (ed.). New York-Oxon: Routledge, 2018, pp. 55-68.
9. Silva, Natacha. 'Portunhol' busca sair da exclusão na fronteira entre Brasil e Uruguai. Um grupo de intelectuais quer que a Unesco declare o dialeto Patrimônio Imaterial. Available at: https://brasil.elpais.com/brasil/2015/07/23/cultura/1437685636_246770.html Natasha R. Silva 24 JUL 2015 (Accessed 10 September 2019)
10. Silva Neto, Serafim da. Introdução ao estudo da língua portuguesa no Brasil. Rio de Janeiro: Presença, 1986, 226 p.
11. Sturza, Eliana Rosa, Fiepk, Rejane Beatriz. A política linguística na Era Vargas e seus efeitos na vida de descendentes de imigrantes alemães de Novo Machado-RS. *Ribanceira*, 2017, v. 1, pp. 121-132.
12. Teyssier, Paul. História da Língua Portuguesa. Rio de Janeiro: Fontes, 2007, 142 p. Available at: https://edisciplinas.usp.br/plugin-file.php/158086/mod_resource/content/1/TEYSSIER_%20HistoriaDaLinguaPortuguesa.pdf (Accessed 10 September 2019)

About the author:

Petrova, Galina V. – PhD (Romanic Languages), Associate Professor of Romanic Languages Department at MGIMO. E-mail: galia.petrova@mail.ru.

* * *

ПОДВИГИ И СТРАДАНИЯ ПРОТОПОПА АВВАКУМА. К 400-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО АВТОРА «ЖИТИЯ»

Н.В. Шевцов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Очень скоро мы отметим 400-летие со дня рождения одного из первых русских литераторов, легендарного вождя раскольников, несокрушимого в своих убеждениях протопопа Аввакума. Он появился на свет в начале 1620 и прожил яркую, достойную мученика жизнь человека, так и не отрешившегося от своей веры, несмотря на гонения и мучения.

Лидер староверов, не принявших церковную реформу, протопоп Аввакум вошёл в историю нашей страны не только как неординарный религиозный деятель, но и блистательный публицист, внёсший огромный вклад в становление русской литературы. Главное произведение его жизни «Житие протопопа Аввакума» написано образным языком, понятным современному читателю. Печальное повествование о своей жизни он наполняет красочными эпитетами, яркими метафорами. Протопоп одним из первых в нашей литературе использует диалоги, придающие ещё больший драматизм его бессмертному произведению. Аввакум первый в отечественной литературе решил рассказать не о жизни святого, великомученика. Он пишет о себе самом, предлагая вниманию читателя, прежде всего единоверцам, собственную биографию, начиная от своего рождения и до ссылки в Пустозерск – труднодоступный северный город, ныне переставший существовать. Он провёл в Пустозерске 15 лет своей жизни, находясь в земляной тюрьме вместе со своими единомышленниками. Все были сожжены там же, в Пустозерске, 14 апреля 1682 года.

Но книга Аввакума – это не только рассказ о его жизни, той борьбе, которую он вёл со своими религиозными противниками. Протопоп предстаёт перед нами как великолепный знаток географии, животного и растительного мира, природы, которую он блистательно описывает, прибегая к самым разным литературным приёмам. Он хорошо знал обычаи, быт своего времени, а потому мастерски рассказывает о своём отношении к окружающему миру.

Именно на эту сторону творчества Аввакума, о которой не так часто рассказывается в исследованиях прошлых лет и настоящего времени, и обращается основное внимание в данной статье.

Ключевые слова: раскол, протопоп Аввакум, патриарх Никон, царь Алексей Михайлович, Даурия, эпитеты, диалоги, острог, монастырь, Пустозерск, житие.

Аввакум стал писателем благодаря расколу. Его «Житие» – первый в русской литературе опыт автобиографии. Он единственный решился на то, чтобы написать житие не святого великомученика, а рассказать о себе самом, о своей жизни, которую, конечно, мож-

но назвать жизнеописанием мученика. Помимо автобиографического произведения, протопоп написал свыше пятидесяти дошедших до нас сочинений, которые отличаются друг от друга не только объёмом, но и характером повествования. Аввакум, будучи вождём старообряд-

цев, идейным лидером, конечно же, чувствовал своё духовное превосходство как над своими единоверцами, так и религиозными противниками. Это превосходство, к которому следует прибавить несомненное честолюбие, смелость, а также высокое мнение о своём призвании, несомненно, и предопределили его литературную деятельность, вершиной которой стало написание «Жития» – книги о себе самом. Он берёт на себя смелость играть роль пророка и посланника божия, намекает на близость со Спасителем [3, с. 301]. «Наконец, можно без сомнения говорить – подчёркивает исследователь творчества протопопа А.Н. Робинсон, – что «Житие» Аввакума и некоторые его публицистические сочинения (послания царю, письма) вообще привлекали русских (а затем и зарубежных) читателей в силу своего огромного впечатляющего воздействия повествований о страданиях автора, его семейных отношениях, об окружавшей бытовой обстановке, которые были и остаются интересными и сами по себе» [10, с. 9].

Удивительно, но в произведениях Аввакума, как отмечается в работах М.М. Будылиной [2], О.В. Липич [6], в первую очередь привлекает живая русская речь их автора, часто либо сочетающаяся, либо вообще вытесняющая общепринятый книжный, церковнославянский стиль, который нам сегодня малопонятен. Зато нам ясно и понятно о чём пишет Аввакум. Причём мы не просто читаем, а сопереживаем вместе с автором всё, что ему пришлось вынести. Дм. Жуков называет Аввакума «самым талантливым писателем XVII века» [5, с. 13]. Творчество Аввакума «правильно понятое и критически воспринятое, – продолжает далее Дм. Жуков, – стало «одним из величайших достижений русской национальной культуры» [5, с. 13].

В предисловии к книге Жуков и Пушкарёва «Русские писатели XVII века» академик Д.С. Лихачёв причисляет Аввакума к «русским книжникам XI–XVII веков, которые думали о будущем России, о счастье всех людей мира. И нам следует их помнить – помнить об их большом вкладе в нашу сегодняшнюю жизнь, в нашу литературу, в формирование характера русского человека с его самоотверженностью и бескомпромиссностью» [5, с. 6]. В своих произведениях Аввакум выступает как блистательный полемист, вступающий в спор со своими недругами. Его «Житие», хоть и является биографическим, но по своему содержанию представляет произведение политического и религиозного характера. Критикуя

реформу патриарха Никона, он вступает в непримиримую полемику с её инициатором и всеми, кто отказались от старой веры. Религиозная полемика протопопа ярко раскрыта, например, в работах Н.С. Демковой [4], С.А. Степанова [12], А.В. Осиповой [8; 9], С.Г. Бармина [1]. Но в то же время мы видим, что «Житие» – это не только произведение политического и религиозного содержания. Его автор выступает как великолепный знаток географии, природы, животного и растительного мира. Он прекрасно описывает быт, обычаи людей XVII века. За кажущейся словесной сжатостью повествования скрывается широчайший кругозор автора «Жития». Именно на эти знания протопопа и обращает основное внимание автор представленной статьи.

Конечно же, в «Житии» встречаются многочисленные архаизмы, понять которые невозможно без соответствующих разъяснений. Но даже несмотря на обилие старославянских слов, текст «Жития» понятен современному читателю прежде всего благодаря великолепному литературному стилю, динамике изложения авторских мыслей. «Следует заметить, – пишет А. Робинсон, – что под названием «русский» или «природный» язык Аввакум фактически объединял два языка – живой русский и книжный церковнославянский, которыми он владел свободно и различными сочетаниями которых пользовался с тонким искусством, всегда связанным с содержанием повествования» [10, с. 10].

Многие исследователи в своих трудах, причём совершенно справедливо, рассматривают Аввакума прежде всего как вождя сторонников старой веры. В то же время они уделяют меньше внимания содержащемуся в «Житии» описанию быта, обычаев, природных условий тех краёв, где побывал мятежный протопоп. Так, исследователь В.А. Мякотин в своём труде «Протопоп Аввакум. Его жизнь и деятельность» пишет, что в его изложении биографии Аввакума «главное внимание обращено на изображение идейной стороны движения, тогда как подробности бытовой обстановки отступают на второй план» [7, с. 65]. Протопоп сразу же в начале своего произведения заявляет, что будет писать просто и понятно для читателей «Жития». Обращаясь к ним, Аввакум пишет: «...и вы, Господа ради, чтущии и слышащие, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить, понеже не словес красных Бог слушает, но дел наших хочет» [3, с. 63].

Вот почему Дм. Лихачёв относит Аввакума к тем людям, «которые своей неутомимой, самоотверженной работой над словом, своим высоким идейным горением создали прочные предпосылки для расцвета русской литературы в XIX и XX веках. Они трудились над языком своих произведений и создали один из самых богатых и глубоких литературных языков мира [5, с. 5].

В своём «Житии» протопоп, наверное, одним из первых в русской литературе выступает как мастер пейзажа. Он описывает природу лаконично и в то же время ярко и сочно, а главное, образно. Автор подбирает великолепные эпитеты. Так, вспоминая путь по сибирским рекам в сторону Забайкалья и встречу с опасными порогами, автор жития пишет: «Горы высокия, дебри непроходимыя, утёс каменной, яко стена стоит, и поглядеть – заломя голову!» [3, с. 87]. Он же показывает себя отличным знатоком животного мира: «В горах тех обретаются змеи великие; в них же витают гуси и утицы – перие красное, вороны чёрные, а галки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята индейские (улары, горные индейки – Н.Ш.), и бабы (пеликаны – Н.Ш.), и лебеди, и иные дикие – многое множество, птицы разные. На тех горах гуляют звери многие дикие: козы, и олени, и зубри, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие – во очию нашу, а взять нельзя!» [3, с. 87–88].

Описывая возвращение из Даурии в Москву, протопоп увлекательно рассказывает о путешествии по Байкалу: «... и до Байкалова моря доплыли ... лодку починя и парус скропав, через море пошли» [3, с. 110]. И вновь автор выступает как великолепный мастер описания природы, на сей раз Байкала: «...горы высокие, утёсы каменные и зело высоки» [3, с. 110]. Пейзаж поражает автора. Он признаёт: «двадцать тысяч вёрст и больши волочился, а не видел таких нигде» [3, с. 110]. Аввакум продолжает демонстрировать великолепные знания животного мира, образно используя красочные эпитеты: «Птиц зело много, гусей и лебедей по морю, яко снег, плавают. Рыба в нём – осётры, и таймени, стерледи, и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы великия в нём...» [3, с. 111]. Протопоп сравнивает увиденное с тем, что приходилось ему наблюдать на морских просторах: «во окиане море большом, живучи на Мезени, таких не видал» [3, с. 111]. Он потрясён рыбным богатством Байкала: «А рыбы зело густо в нём: осётры и таймени жирни гораздо, – нельзя жарить на сковороде: жир всё будет» [3, с. 111].

Впрочем Аввакум прекрасно разбирается и в растительном мире. Он пишет, что по берегам Байкала «лук на них растет и чеснок, – больши романовскаго луковицы, и сладок зело» [3, с. 111]. Исследователи полагают, что Аввакум сравнивает байкальский лук и чеснок с теми сортами, которые произрастали в городе Романове-Борисоглебске – нынешнем Тутаеве. Продолжая описывать флору Байкала, автор не скрывает восхищения увиденным: «Там же растут и конопли богорасленные (взращённый Богом – Н.Ш.), а во дворах травы красныя и цветны и благовонны гораздо» [3, с. 111].

Итак, автор «Жития» проявил себя как великолепный знаток природы Сибири, её флоры и фауны. Причём записи его наблюдений понятны сегодняшнему читателю. Стил изложения не выглядит архаичным.

Описывая свои странствия по необъятным сибирским пространствам, протопоп сообщает о том, что, оказавшись в Братском остроге, сидел в заточении до «Филиппова поста в студёной башне» [3, с. 90–91]. Содержали его в холоде «без платья» [3, с. 91]. Да и голодать пришлось: «Что собачка, в солодке лежу: коли накормят, коли нет» [3, с. 91]. По мнению Дм. Лихачёва, протопоп Аввакум – это мыслитель, «стремившийся к полной простоте в выражении своих идей и чувств», ... говоривший обо всём прямо, «в лоб», и не стеснявшийся в выражениях» [5, с. 7].

Братский острог возник в 1631 году на Ангаре, которую протопоп называет «Тунгузкой рекой» [3, с. 87]. Он стоял напротив Падунского порога, ныне затопленного водами Братского водохранилища. От острога чудом сохранились две деревянные башни. В одной из них и содержался протопоп. Ныне башни разлучены. Одна по-прежнему стоит на месте исчезнувшего Братского острога, а другую перевезли в музей-заповедник Коломенское. Но в какой из башен находился протопоп? За разъяснениями я обратился к главному хранителю музея-заповедника О.А. Поляковой. По её словам, построенная в 1654 году, башня Братского острога появилась в музее в 1959 году. Ныне она относится к числу главных и наиболее ценных деревянных сооружений музея и принадлежит к практически не сохранившимся оборонительным постройкам из дерева, относящимся к середине XVII столетия. Они использовались не только в военных целях, но и служили как тюрьмы, откуда практически невозможно было убежать. Сюда, в «московскую башню», и заточили протопопа Аввакума.

кума. Мог ли он предположить, что со временем его застенки перенесут в столицу. «Есть что-то символическое в том, – продолжает далее О. Полякова, – что тюрьма духовного лидера старообрядцев оказалась в Коломенском. Ведь несмотря на то, что в селе находился деревянный дворец царя Алексея Михайловича, поддержавшего религиозную реформу, половину населения Коломенского составляли старообрядцы-беспоповцы. В запасниках нашего музея хранятся около пятисот староверческих икон. Многие из них находились в существовавшем в Коломенском молельном доме ревнителей старой веры. Кстати, наш музей в связи с 400-летием протопопа Аввакума готовит открывающуюся в 2020 году выставку, где будут, в частности, представлены хранящиеся у нас старообрядческие иконы».

Протопоп прекрасно разбирается в народных обычаях, потехах, некоторые из которых он решительно осуждает, считая их «бесовскими играми». Ревнитель благочестия, он вспоминает, как «Придоша в село моё плясовые медведи с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и ухари (маски – Н.Ш.) и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отнял, – одново ушиб, и паки ожил, а другога отпустил в поле» [3, с. 75]. Судя по всему, надо было обладать немалой силой, чтобы справиться со скomoroxами и двумя хищниками. И хотя протопоп часто обоснованно жаловался на причинявшиеся ему физические страдания, вероятно, он обладал крепким здоровьем, что позволяло ему на протяжении многих лет стойко выдерживать выпадавшие на его долю тяжкие лишения, побои и даже пытки. Поведение Аввакума в отношении скomoroxов в данном случае полностью соответствовало осуществлявшейся государственной и церковной политике. Напомним, что в 1648 году появилось специальное царское распоряжение, запрещавшее под угрозой батога и ссылки, выступления скomoroxов с гусями, волынками и медвежьими плясками. Отобранные музыкальные инструменты предписывалось ломать и сжигать.

Из «Жития» мы узнаём и о том, что ещё во времена Аввакума существовал обычай брить бороды. Правда, протопоп решительно выступал против этого новшества, ещё в XVI веке пришедшего с запада на Русь. Он клеймит позором брадобрение, отказавшись благословить Матфея «бритобрадца» [3, с. 76] – сына отправлявшегося на воеводство в Казань Василия Петровича Шереметева. «Блудолюбный образ» молодого

боярина пришёлся не по вкусу автору «Жития», которого за послушание чуть не сбросили с судна в Волгу. Поведение протопопа объяснялось прежде всего тем, что в XVII веке бритьё бороды часто выдавалось за поступок эротического характера и связывалось с мужеложством.

Сокрушается протопоп и по поводу того, что его жена спасала детей с терпевшего бедствие на реке дощеника – большой плоскодонной лодки с палубой «простоволоса ходя» [3, с. 87]. Появление женщины на людях с непокрытой головой считалось неприемлемым по тогдашним нравственным нормам. Упоминает Аввакум и об одеждах, которые носили в Москве во времена царствования Алексея Михайловича. Мы узнаём, что у его жены была однорядка, которая стоила весьма дорого. Протопоп получил «четыре мешка ржи за нея, и мы год-другой тянулись...» [3 с. 93]. Однорядка – старинная женская одежда без воротника с длинными рукавами, под которыми делались прорехи для рук. Её шили из одного ряда ткани. Отсюда и происходит название одежды. Однорядка играла роль плаща. Её носили осенью и в ненастную погоду. Это была одежда как бояр, так и простых посадских людей. До нас дошли упоминания о двух однорядках, имевшихся у царя Алексея Михайловича.

Нельзя не восхищаться тем, с каким знанием маршрута, как истинный географ, описывает протопоп свою ссылку в Даурию и обратный путь из Сибири. «Таже послали меня в Сибирь с женою и детьми, – пишет он, – ...и повезли до Тобольска; три тысячи вёрст недель с тринадцать волокли телегами и водою и санями половину пути» [3, с. 83]. Судя по всему, Аввакум отправился в ссылку 17 сентября 1653 года. Он добирался до Тобольска по преимущественно сухопутному маршруту через Переславль-Залесский, Ярославль, Вологду, Тотьму, Великий Устюг, Сольвычегодск, Соликамск, Верхотурье, Тюмень. В Тобольске он пробыл более полутора лет. Затем ему велели отправиться на Лену. Очередное наказание последовало за то, как писал протопоп, что «укоряю ересь Никонову» [3, с. 86]. Как сообщает Аввакум в «Житии», из Тобольска «на Лену, великую реку», он отправился в Петров день – 29 июня 1655 года. Но, оказавшись в Енисейском остроге, узнал о другом приказе: «велено в Дауры вести – двадцать тысяч и больша будет от Москвы» [3, с. 86]. Протопоп, конечно же, преувеличивал. Путь из Москвы до региона, находившегося к юго-востоку от озера Байкал, не превышал пяти тысяч километров.

Но всё равно это было огромное расстояние. Значительная часть пути из Енисейска проходила по, как уже упоминалось, «большой Тунгузке реке» [3, с. 87] – Ангаре, которая, являясь притоком Енисея, вытекает из озера Байкал. Протопоп покинул Енисейск вместе с отрядом местного воеводы Афанасия Пашкова – «людей с ним было 600 человек» [3, с. 86].

Экспедиции предстояло освоить прилегавшие к Амуру земли. Пашков отличался жестокостью и суровым нравом, о чём не замедлил сообщить Аввакум: «... беспрестанно людей жжёт, и мучит, и бьёт» [3, с. 86]. Досталось от него и Аввакуму: «А с Москвы от Никона приказано ему мучить меня» [3, с. 86]. Жестокое обращение Пашкова с людьми отчасти оправдывалось сложнейшими условиями, в которых проходил поход отряда, когда для поддержания дисциплины, для того, чтобы просто выжить, командиру приходилось прибегать к самым крутым мерам.

Протопоп с точностью географа упоминает о прохождении ангарских порогов – Шаманского, Долгого и Падунского. Затем он описывает пребывание в Братске, откуда, миновав Байкал, экспедиция вышла на реку Хилок, левый приток Селенги. «По Хилке по реке заставил меня лямку тянуть», – пишет Аввакум, имея в виду Пашкова [3, с. 91]. Протопопу пришлось работать вместе с казаками, в частности, тянуть против течения лямкой суда. С той же точностью, используя мало изменившуюся до нашего времени топонимику, протопоп описывает дальнейшее продвижение отряда в сторону Даурии. «Потом доехали до Иргеня озера: волок тут, – стали зимою волочитца... Весною на плотах по Ингоде реке поплыли на низ» [3, с. 92]. Из Ингоды – реки бассейна Амура – участники экспедиции попали на Нерчу, которая является притоком Шилки. Протопоп не оставил подробного описания своей жизни в Даурии. Поэтому можно только предположить, где он разместился в Забайкалье.

Вспоминаю, как, приехав в Нерчинск, я поинтересовался, находился ли кто из декабристов на поселении в этом городе. «Нет, декабристы у нас не жили, – ответили мне в местной библиотеке, – а вот протопоп Аввакум останавливался, правда, не на территории нынешнего города, а, предположительно, неподалёку от него, там, где теперь колхоз имени Калинина». Я не стал тратить время и поспешил к указанному месту. Казалось бы, ничто теперь не должно было напоминать о пребывании Аввакума. Слишком

много времени прошло со времени его ссылки. Но один свидетель всё же сохранился – деревянная церковь с шатровой колокольней XVII века, которую можно считать ровесницей протопопа.

Основав на реке Нерче острог, Пашков 25 мая 1662 года выехал в Енисейск. Вместе с ним в обратный путь отправился и протопоп Аввакум. «Таже с Нерчи реки паки назад возвратилися к Русе» [3, с. 98] – читаем мы в «Житии». И вновь Протопоп повторяет уже упоминавшиеся им географические названия: Иргень озеро, Байкалово море, порог Падун, а потом «в Енисейске зимовал и паки, лето плывше, в Тобольске зимовал» [3, с. 112]. Через много лет протопоп по памяти с большой точностью опишет в «Житии» свои сибирские странствия, безошибочно упоминая названия городов и острогов, рек, озёр и порогов.

Но наряду с великолепным знанием географии он выступает и как блестящий литератор. Аввакум мастерски описывает свой путь, те лишения, которые пришлось пережить ему и его близким. Он использует различные художественные приёмы, в том числе едва ли не первым в русской литературе прибегает к диалогу, с одной стороны, отражающему драматизм ситуации, а с другой – необычайную духовную силу участников похода. Измученная дорогой, жена Аввакума спрашивает своего мужа: «... долго ли муки сея, протопоп, будет?» Дальше в «Житии» так описывается разговор между супругами: «И я говорю: «Марковна, до самых смерти!» Она же, вздохня, отвечала: «добро, Петрович, ино ещё побредём» [3, с. 99].

Его возвращение продолжалось около двух лет. А всего сибирская эпопея протопопа длилась более десяти лет. Ссылка, действительно, не изменила Протопопа. «И до Москвы едучи, по всем городам и сёлам, во церквах и на торгах кричал, проповедавая слово божие, и уча, и обличая безбожную лесь» [3, с. 112].

Но недолго пробыл в Москве Аввакум. Своими проповедями, челобитными в защиту старой веры, враждебным отношением к церковной реформе он вновь навлёк на себя гнев царской власти. «Надежды Аввакума, – писал исследователь жизни и творчества протопопа В.А. Мякотин, – были, однако, в значительной мере не основательны: на деле вызов его в Москву объяснялся не победой «старой веры» и ниспровержением Никоновских реформ, а иными, более мелкими причинами, заключавшимися в другой группировке дворцовых партий и в изменении положения самого патриарха» [7, с. 123].

И вновь в «Житии» появляются названия монастырей и острогов, где находился в заточении неистовый протопоп. Уже 29 августа 1664 года его отправляют в новую ссылку. «Да и повезли на Мезень, – пишет он в «Житии» [3, с. 121]. Первого марта 1666 года он возвращается в Москву. «Полтара года держав, паки одново к Москве взяли... И привезше к Москве, отвезли под начал в Пафнутьев монастырь» [3, с. 121]. Так, протопоп впервые оказался в расположенном примерно в 90 километрах от Москвы на территории нынешней Калужской области Пафнутьев-Боровском монастыре. «Таже, держав десеть недель в Пафнутьеве на чеппи, взяли меня паки на Москву [3, с. 122], – продолжает протопоп. В столице его поместили в Николо-Угрешский монастырь. «Держали меня у Николы в студёной палатке семнадцать недель», – вспоминает Аввакум [3, с. 123]. Затем 5 сентября 1666 года его вновь отправили в Пафнутьев-Боровский монастырь, где он пробыл до апреля 1667 года. После этого последовало очередное возвращение в Москву, где протопоп находился до тех пор, пока его, подвергнув проклятью, не «сослали в Пустозерье» [3, с. 133]. «Нераскаившиеся были преданы анафеме и наказаны; протопоп Аввакум заточен в Пустозерский острог...», – писал историк С.М. Соловьёв [11, с. 283].

Ссылки в Пустозерск — расположенный в арктической зоне самый отдалённый и северный форпост российского государства, опасался даже не страшившийся никаких лишений мятежный протопоп. В третьей челобитной царю он просил Алексея Михайловича разрешить ему вместо Пустозерска остаться в Холмогорах. Отсюда протопоп и отправил челобитную. «С великою нуждею доволокс до Колмогор; а в Пустозерский острог до Христова Рождества не возможно стало ехать, потому что путь нужной (трудный – Н.Ш.), на оленях ездят [3, с. 288-289]. Протопоп обращается к самодержцу с просьбой: «Пожалуй меня, богомольца своего, хотя zde, на Колмогорах, извеоль мне быть...» [3, с. 289]. Царь лишь отчасти удовлетворил тогда просьбу Аввакума, заменив заточение в Пустозерске ссылкой в слободу Мезень, находившуюся на реке того же названия.

Но на сей раз лишённому церковного сана, расстриженному Аввакуму не удалось избежать заточения в Пустозерске, где он провёл последние 15 лет своей жизни. Именно там, находясь в земляной тюрьме, он создал своё бессмертное творение «Житие протопopa Аввакума». В нём

он описал свой жизненный путь, полный моральной стойкости, духовной убеждённости и страданий.

Отрывки из «Жития» он отправлял на волю через своих единомышленников. Отсюда же, из Пустозерска, протопоп слал челобитные, сначала обращаясь к царю Алексею Михайловичу, а когда того не стало, к ставшему монархом его сыну Фёдору Алексеевичу. Челобитная к новому государю, скорее всего, и погубила протопopa. В ней он вновь обрушивает угрозы в адрес сторонников религиозной реформы. Имея их в виду, он писал: «А что, государь-царь, как бы ты мне дал волю, я бы их, что Илия пророк, всех перепластал во един день... Перво бы Никона того, собаку, рассекли бы начетверо, а потом бы никониян тех» [3, с. 301]. Роковым же для автора челобитной стало его высказывание об отце молодого царя – Алексее Михайловиче, поддержавшем религиозную реформу: «Бог судит между мной и царём Алексеем: в муках он сидит, – слышал я от Спаса: то ему за свою правду» [3, с. 301]. Фёдор воспринял написанное как оскорбление всей царской семьи. К тому же его не связывала, как отца, дружба с протопопом. Поэтому очень скоро последовал царский указ о казни Аввакума, которого 14 апреля 1682 года сожгли в срубе вместе с его единоверцами и единомышленниками: попом Лазарем, иноком Епифанием и деяком Фёдором.

Не стало протопopa, а потом перестал существовать и Пустозерск. Россия расширила свои границы, торговые пути стали проходить через расположенные южнее Пустозерска города. Считавшийся некогда северным форпостом страны, Пустозерск утратил как стратегическое, так и коммерческое значение. Город хирел, в его порт перестали заходить корабли. В конце концов он превратился в деревушку, которую в 1962 году покинул последний житель. Тридцать лет назад я впервые попал туда, где некогда стоял Пустозерск. Увидел тундру, однообразие которой нарушали кресты древних захоронений и два монумента. Один был посвящён исчезнувшему Пустозерску, а другой установили на предполагаемом месте сожжения протопopa Аввакума и его единомышленников. В 2019 году я вновь побывал на территории древнего городища, ныне превращённого в заповедник. Там мало что изменилось: те же кресты и монументы. Разве что появилась часовня, установленная в честь протопopa Аввакума, которую ныне, хоть и нечасто, посещают приезжающие отовсюду паломники-

старообрядцы. Всех прибывающих Пустозерск, превратившийся в город-призрак, встречает севой тишиной.

В заключение анализа «Жития протопопа Аввакума» можно сделать следующие выводы:

Автор «Жития» выступает не только как яркий защитник старой веры и противник религиозной реформы.

Он демонстрирует прекрасные знания животного, растительного мира, природы тех краёв, куда забросила его судьба.

Протопопу хорошо знакомы культура, обы-

чай, нравы эпохи правления царя Алексея Михайловича.

Аввакум предстаёт как блестящий географ, знаток тех мест, которые в дальнейшем он по памяти описывал, находясь в заточении в Пустозерске.

Наконец, свои знания он излагает образным, литературным языком, понятным современному читателю. Его «Житие» – это не просто записи очевидца, а талантливое произведение XVII века, во многом предопределившее расцвет русской литературы в последующие столетия.

Список литературы

1. Бармин, С.Г. Модернизация России XVII века как источник кризиса традиционной художественной культуры // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2005. №33. С. 4-9.
2. Будылина, М.М. Диалог как основной структурообразующий принцип в Житии протопопа Аввакума // Сибирский филологический журнал. 2008. №2. С. 16-21.
3. Гудзий, Н.К. Комментарий // Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. / сост., вступ. ст. и коммент. Н.К. Гудзия. М.: ЗАО «Сварог и К», 1997. 494 с.
4. Демкова, Н.С. Комментарий // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. / сост., вступ. ст. и коммент. Н.С. Демковой. СПб: Серия Азбука-классика, 2012.
5. Жуков, Д., Пушкарев, Л. Русские писатели XVII века. М: Молодая гвардия, 1973. 36 с.
6. Липич, О.В. Поэтика прозы Аввакума (символы и тропы) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2005. №2. С. 113-126.
7. Мякотин, В.А. Протопоп Аввакум. Его жизнь и деятельность. М.: Захаров, 2002. 200 с.
8. Осипова, А.В. О методологических проблемах изучения русского старообрядчества на материалах биографии протопопа Аввакума // Вестник Калужского университета. 2014 . №4. С. 17-25.
9. Осипова, А.В. Протопоп Аввакум: человек, образ, миф // Вестник Калужского университета. 2014. №2. С. 38-40.
10. Робинсон, А.П. Комментарий // Житие Аввакума и другие его сочинения. / сост., вступ. ст. и коммент. А.Н. Робинсона. М. 1991.
11. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен. Книга VI. М.: Изд-во социально-экономической литературы. 1961. 684 с.
12. Степанов, С.А. Неистовый Аввакум // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: Политология. 2001. №3. С. 139-146.

Сведения об авторе:

Шевцов Никита Всеволодович — кандидат исторических наук, профессор, руководитель магистерской программы «Международная журналистика», заведующий кафедрой Международной журналистики МГИМО, Россия, Москва. Сфера научных и профессиональных интересов – история отечественной журналистики и публицистики, современная зарубежная журналистика, история России Средних веков.

E-mail: n_shevtsov@mail.ru.

FEATS AND STRUGGLES OF ARCHPRIEST AVVAKUM. 400TH ANNIVERSARY OF THE GREAT AUTHOR OF «ZHITIYE» («LIFE»), THE FIRST RUSSIAN AUTOBIOGRAPHY

Nikita Shevtsov

Moscow State Institute of International Relations,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Abstract: *We will soon celebrate the 400th anniversary of archpriest Avvakum, the pioneer of Russian literature, and the legendary header of old believers rock-solid in his principles. He came into the world in early 1620 and lived a glorious life of a saint martyr who never abjured his faith despite all persecutions and sufferings.*

The leader of old believers, he never accepted the church reform. However, the archpriest Avvakum marked the history of our country not only as an extraordinary clergyman but as an outstanding publisher, who made an enormous contribution to the formation of Russian literature. «Zhitiye (Life) of Avvakum», the main work of his life, is written in the language coherent for contemporary readers. He imbues his sorrowful narration of his life with colorful epithets and figurative comparisons. The archpriest was among the groundbreakers of our literature who used dialogues to give more drama to his timeless prose. Avvakum was the first to tell the story about himself not as a great martyr. He wrote about himself offering his readers, his fellow believers in the first place, his own biography starting from his birth and to his expulsion to Pustozersk, an inaccessible northern town which ceased to exist nowadays. He had spent 15 years of his life in the earthen prison together with his fellows. All of them were burnt at the stake in Pustozersk on April 14, 1682.

Still, the book of Avvakum is not only the story of his life and the struggles he had against his religious enemies. The archpriest proves to be an outstanding expert in geography, flora, fauna, and nature. He brilliantly describes all of those using various literary techniques. He knew the everyday life of his time really well and therefore he skillfully shared his attitude to the world around him.

The article focuses on this particular part of Avvakum's work, which has not been often highlighted in the previous researches.

Key Words: *church dissent, archpriest Avvakum, Patriarch Nikon, Tsar Alexis Romanov, Dauria, epithets, dialogues, ostrog (fort), monastery, Pustozersk, autobiography.*

References

1. Barmin S.G. Modernizatsiia Rossii XVII veka kak istochnik krizisa traditsionnoi khudozhestvennoi kul'tury [Modernisation of Russia in the 17th century as the source of crisis of the traditional artistic culture]. Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo, 2005, No.33, pp. 4-9.
2. Budylna M.M. Dialog kak osnovnoi strukturoobrazuiushchii printsip v Zhitii protopopa Avvakuma [Dialogue as the main structure forming principle in the Life of Archpriest Avvakum]. Sibirskii filologicheskii zhurnal, 2008, No.2, pp. 16-21.
3. Gudzi N.K. Commentary. Zhitie protopopa Avvakuma im samim napisannoe i drugie ego sochineniia. [Life of Archpriest Avvakum Written by Himself]. Redaktsiya, vstupitel'naia stat'ya i kommentarii N.K. Gudziia. Moscow, ZAO «Svarog i K», 1997, 494 p.
4. Demkova N.S. Commentary. Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe, i drugie ego sochineniia [Life of Archpriest Avvakum written by himself and other works of Avvakum] Introductory comment by. N.S. Demkova. Saint Petersburg, Seriya Azbuka-classika, 2012.
5. Zhukov D., Pushkarev L. Russkie pisateli XVII veka. [Russian authors of the 17th century]. Moscow, Molodaia gvardiia, 1973, 336 p.
6. Lipich O.V. Poetika prozy Avvakuma (simvoly i tropy) [Poetics of Avvakum's prose (symbols and paths)]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika, 2005, No.2, pp.113-126.
7. Myakotin V.A. Protopop Avvakum. Ego zhizn' i deiatel'nost'. [Archpriest Avvakum. His life and Endeavors]. Moscow, Zakharov, 2002, 200 p.
8. Osipova A.V. O metodologicheskikh problemakh izucheniia russkogo staroobriadchestva na materialakh biografii protopopa Avvakuma. [Methodological problems of Russian old-believers studies based on the materials of the biography of archpriest Avvakum]. Vestnik Kaluzhskogo universiteta, 2014, No.4, pp. 17-25.
9. Osipova A.V. Protopop Avvakum: chelovek, obraz, mif [Archpriest Avvakum: human, image, myth] Vestnik Kaluzhskogo universiteta, 2014, No.2, pp.38-40
10. Robinson A.P. Commentary. Zhitie Avvakuma i drugie ego sochineniia. [Life of Avvakum and his other works] Introductory comments by A.P. Robinson. Moscow, 1991
11. Solov'ev S.M. Istoriia Rossii s drevneishikh vremen. [History of Russia from ancient times] Book VI. Moscow, Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 1961, 684 p.
12. Stepanov S.A. Neistovy Avvakum [Furious Avvakum]. Vestnik Rossiiskogo universiteta Druzhby narodov. Seriya: Politologiya, 2001, No.3, pp.139-146.

About the author:

Shevtsov Nikita Vsevolodovich – Candidate of Historical Sciences, Professor, Head of the master's program "International Journalism", Head of the Department of International Journalism, MGIMO, Russia, Moscow. The sphere of scientific and professional interests is the history of Russian and international journalism, history of medieval Russia. E-mail: n_shevtsov@mail.ru.

★ ★ ★

Уважаемые читатели!

Подписаться на наш журнал можно по полугодиям в дни открытия подписки
в почтовых отделениях России и стран СНГ.

Подписной индекс в каталоге АО «Агентство Роспечать» **80991**.

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО № 1 (21) 2020

Главный редактор: В.А. Иовенко.

Корректурa: Т.А. Ивушкина

Компьютерная верстка: Д.Е. Волков

Распространяется по подписке. Подписной индекс в каталоге АО «Агентство Роспечать» 80991.

Цена свободная.

Подписано в печать 02.03.2020 г. Формат 60x84¹/8. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 16,25. Тираж 500 экз. Заказ 303.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России:
119454, Москва, пр. Вернадского, 76.